

ПИОНЕР 2

ФЕВРАЛЬ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищу Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ

ДОРОГОЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ!

От имени двадцати пяти миллионов юных ленинцев, многотысячного отряда вожатых пламенным пионерским салютом приветствуем Вас, выдающегося ленинца, вождя нашей партии и народа, неутомимого борца за коммунизм, большого и любимого друга пионерии, всех советских детей, и горячо поздравляем с Вашим славным юбилеем!

Мы беспредельно благодарны и признательны Вам за постоянную отеческую заботу об образовании и воспитании советской детворы, о работе пионерской организации, о пионерских комиссарах — вожатых.

Ваша героическая жизнь и деятельность, легендарный путь комсомольца и коммуниста, верного сына Родины и ее солдата — яркий и вдохновляющий образец беззаветного служения партии и народу для всех юных ленинцев, пионерских работников страны.

В Ваших трудах, выступлениях, приветствии Всесоюзному слету вожатых, письмах пионерам и школьникам выдвинута развернутая программа воспитания подрастающих поколений — будущих активных строителей коммунизма.

Пионерская организация под руководством своего вожатого — Ленинского комсомола борется за глубокие и прочные знания пионеров, воспитывает горячих патриотов-интернационалистов, вносит свой посильный вклад в трудовые дела старших. По огненным дорогам отцов, по трудному и героическому пути военных лет, которым шли Вы, Леонид Ильич, боевой комиссар, сегодня идут отряды красных следопытов. Пионеры учатся у Вас, верного ленинца, у коммунистов и комсомольцев преданности Родине и Коммунистической партии, готовятся высоко и достойно нести непобедимое знамя Октября, хранить и приумножать революционные, боевые и трудовые традиции старших поколений.

Дорогой Леонид Ильич! Заверяем Вас, что пионерская организация будет с честью нести имя Ленина, что пионерские работники будут трудиться творчески, с полной отдачей сил, огромной ответственностью перед партией и народом за выполнение задач по коммунистическому воспитанию детей и подростков, поставленных XXV съездом КПСС.

Спасибо Вам, дорогой Леонид Ильич, за титанический труд на благо народа, во имя мира на земле, за любовь и заботу о юном поколении Страны Советов.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых свершений во имя торжества коммунизма.

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1977 г.
Издательство «Правда».





УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

о награждении Генерального секретаря ЦК КПСС Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда товарища БРЕЖНЕВА Леонида Ильича орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда»

За выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в коммунистическом строительстве, активную, плодотворную деятельность по упрочению мира и безопасности народов, за большой личный вклад в дело победы над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, в укреплении экономического и оборонного могущества Советского Союза и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить Генерального секретаря ЦК КПСС, Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда товарища **Брежнева** Леонида Ильича орденом **Ленина** и второй медалью **«Золотая Звезда» Героя Советского Союза.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 18 декабря 1976 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

о награждении Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Совета Обороны СССР, Маршала Советского Союза БРЕЖНЕВА Л. И. Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР

За выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны и совершенствовании Вооруженных Сил СССР наградить Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Совета Обороны СССР, Маршала Советского Союза **Брежнева** Леонида Ильича **Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР.**

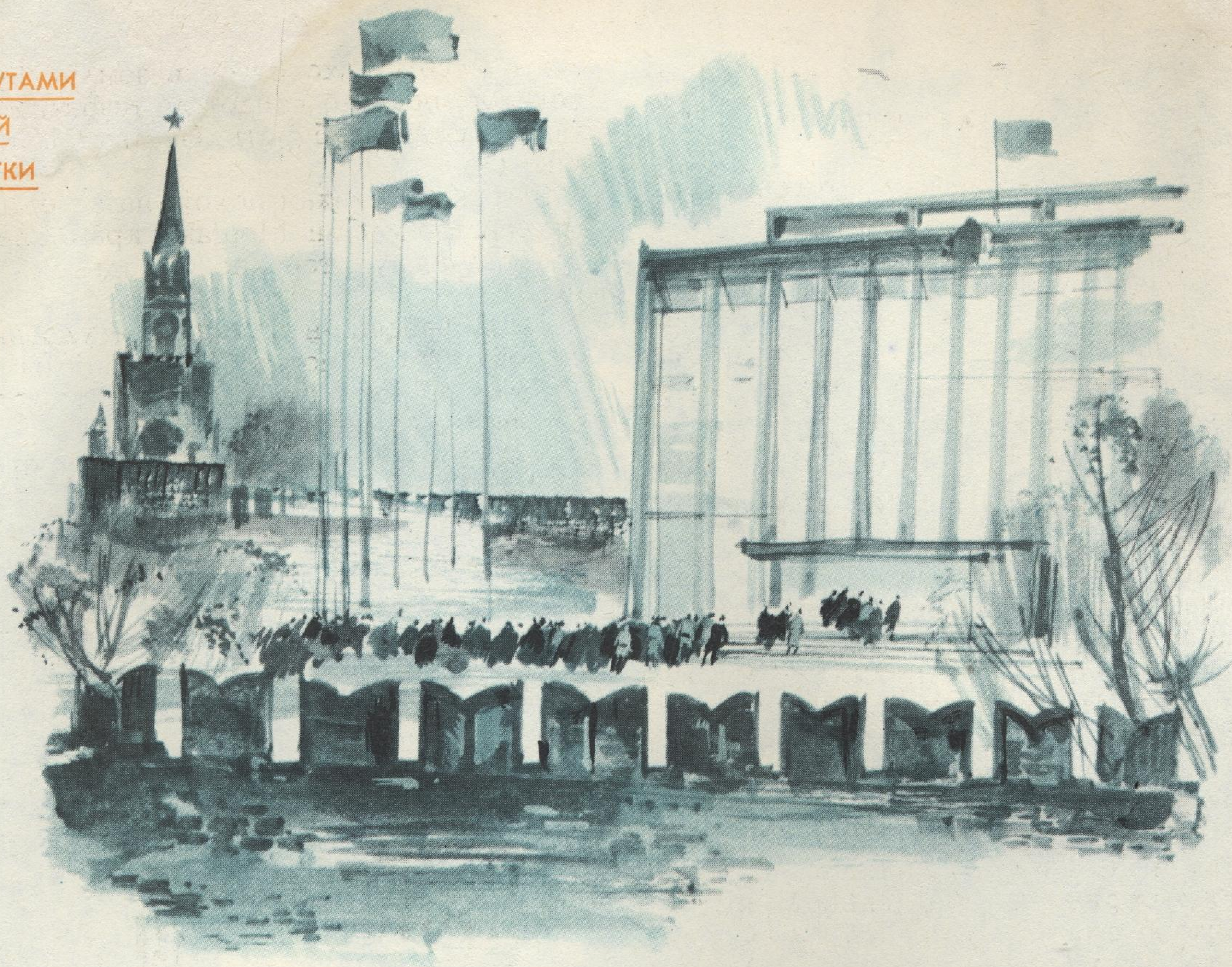
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 18 декабря 1976 г.

На фотографии:
19 декабря 1976 года в Большом Кремлевском дворце состоялось награждение Л. И. Брежнева орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и вручение ему Почетного оружия с золотым изображением Государственного герба СССР.

Фото Ю. АБРАМОЧКИНА.

МАРШРУТАМИ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ



ТРИ ВЕЛИКАНА

Юрий ЯКОВЛЕВ

В февральский день 1976 года в Кремле открылся Двадцать пятый съезд Коммунистической партии нашей страны.

Над Дворцом съездов подняли флаг. И, казалось, снежинки таяли, касаясь красного полотнища. И в городе потеплело, повеяло весной.

Часы на Спасской башне пробили десять раз.

Леонид Ильич Брежнев, Генеральный секретарь нашей партии, поднялся на трибуну и сказал:

— На наших глазах мир меняется в лучшую сторону. Советские люди стали жить лучше. Дело Ленина побеждает. Этому делу наша партия верна и будет верна всегда!

Голос у него негромкий, словно говорит он с каждым человеком в отдельности. Кто не был на съезде, слушал его, сидя у телевизора или включив радио. А те, кто в это время были на работе, в полете или на посту, прочли выступление Генерального секретаря нашей партии в газете. И надолго сохранили этот номер, потому что он говорил о наших достижениях и о нашем будущем. О том, что надо сделать, чтобы на земле был мир, чтобы наша страна становилась сильнее, богаче и прекрасней.

Это был рассказ о десятой пятилетке: на реках встанут новые плотины, вырастут атомные электростанции, заработают новые заводы, сильные машины придут на поля в помощь хлеборобам, в небо поднимутся сверхзвуковые, сверхбыстрые самолеты, по рельсам БАМа побегут поезда. Все, что записано в пятилетнем плане, будет сделано. А может быть, наши люди сделают еще больше.

В зале то становилось тихо, то гремели аплодисменты. И я подумал о трех великанах, с которыми мне довелось встретиться и которые помогли мне заглянуть в десятую пятилетку. Увидеть и почувствовать ее силу.

МОРСКОЙ ВЕЛИКАН

Если бы я сочинял сказку, то начал бы ее так:

«Стоит среди моря Великан. Четырьмя железными ногами упирается в дно, а головой достает до облаков. И не просто стоит, а работает. День и ночь работает. Такой этот Великан трудяга!»

Но какие там сказки, если Морской Великан существует на самом деле, если я его видел собственными глазами!

Утром море пахнет надкушенным яблоком. Над причалом кружат чайки. Кричат, торопят капитана, чтобы скорей выходил в море. И, словно отвечая нетерпеливым чайкам, простуженным басом гудит теплоход.

Мы плывем на Нефтяные Камни, в гости к азербайджанским нефтяникам. В лицо дует упругий ветер. На море белеют барашки. Где-то под палубой, вздрагивая, работают машины — бьется огромное сердце корабля. И вдруг по левому борту я увидел странный предмет. Судно не судно, плот не плот. Непонятное сооружение медленно приближалось. Вскоре его уже можно было рассмотреть. Это было квадратное судно. Оно как бы висело над волнами. Под ним, как под мостом, мог проехать катер.

Тут наш теплоход подошел совсем близко, и я увидел четыре стальные ноги... Стоит Великан среди моря, четырьмя железными ногами упирается в дно...

Я к капитану, спрашиваю: «Что это за чудо?» Он усмехается: «Это не чудо,— говорит.— Это Морской Великан. Первый помощник нефтяников».

Наш теплоход приближался. Великан рос, становился все больше и больше. Он был квадратным. В каждом углу — по ноге. На стальных, ажурных ногах великан держал над водой целый остров.

— Как Морской Великан попал сюда? — спросил я капитана.— Сошел с берега и зашагал по дну? А если глубоко и Великану с головкой?

Капитан улыбнулся.

— Нет, он не умеет шагать, он плавает. У него, как у каждого теплохода, есть и машина, и гребной вал, и руль — все, что полагается настоящему кораблю.

Итак, Морской Великан приплыл сюда. Опустил в воду четыре ноги. Ноги стали расти, пока не уперлись в дно. Уперлись — и все равно продолжают расти, поднимают Великана над водой. Да так высоко, что до него не достает даже самая сильная волна. Когда бушует буря, Морскому Великану хоть бы что!

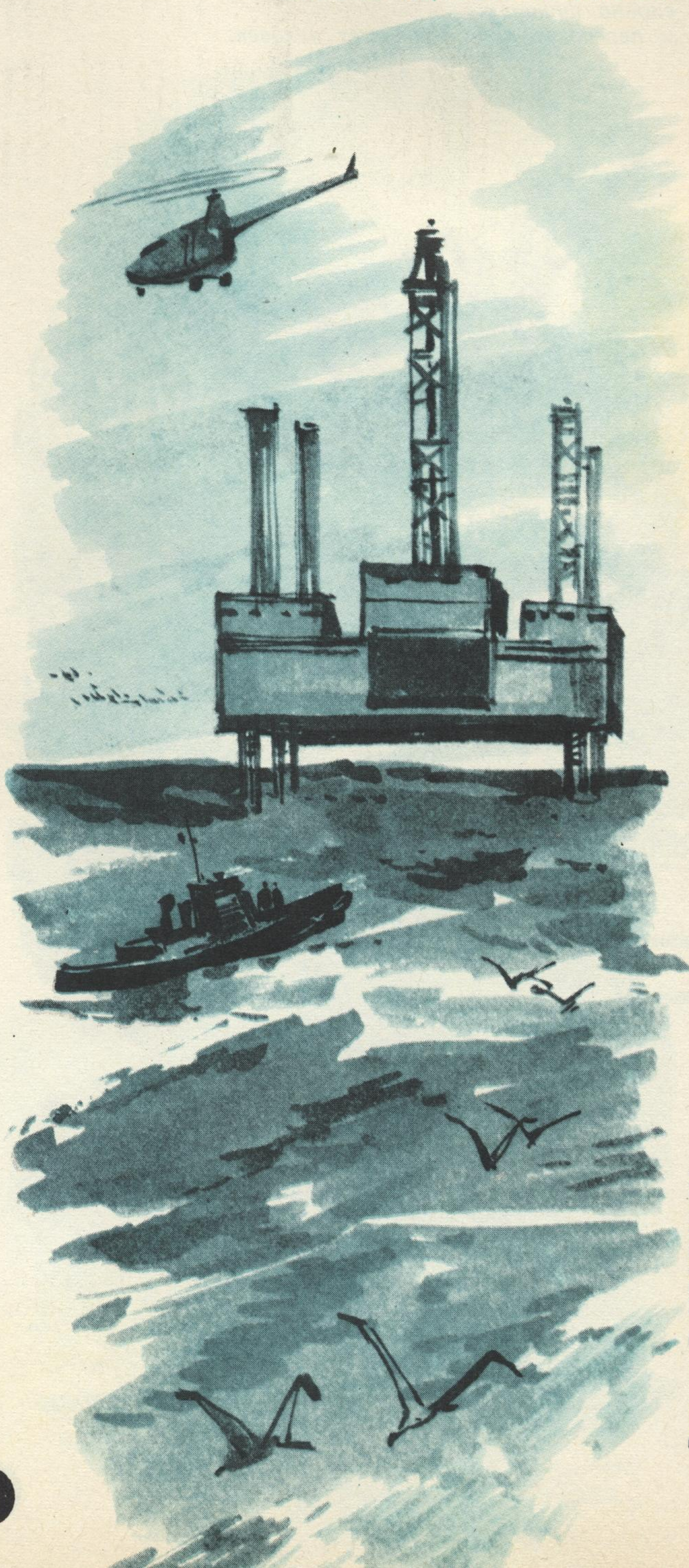
Что же он делает в открытом море? Работает. Ищет нефть. На нем есть высокая буровая вышка, она достает до облаков. С этой вышки на дно моря спускается бур. Все глубже и глубже уходит он в землю. Бурит до тех пор, пока не дойдет до нефти. На километр может пробурить. На два. На пять. На шесть!

Морской Великан похож на завод. На нем множество машин. Мощный кран. Своя электростанция. Мастерские. Склады. Все есть на нем.

А для рабочих-нефтяников — удобные каюты, столовая, кинозал. После работы есть где хорошо отдохнуть. Обо всем позаботились строители Морского Великана.

Морской Великан — плавучая буровая уста-

День и ночь работает Морской Великан, добывает нефть со дна морского.



Рисунки В. КОСТИЦИНА.

новка: пробурит среди моря скважину, найдет нефть, передаст ее людям — качайте, добывайте. И снова в путь! Великан втянет свои стальные ноги и снова превратится в корабль и поплывет туда, где его ждут. Он пока один.

Но в десятой пятилетке у него появятся четыре брата. Они будут посильней, и ноги у них будут подлинней. На стометровой глубине смогут они упираться в морское дно. А придет время, и Морские Великаны шагнут в океан. И будут не только бурить нефтяные скважины, но и искать руду и уголь, строить шахты...

Об этом мне рассказал сосед Морского Великана — Гаджиев Бахман Абши-оглы, начальник Нефтегазодобывающего управления имени XXII съезда КПСС. Он работает на Нефтяных Камнях по соседству с Морским Великаном. В дни, когда в Кремле проходил Двадцать пятый съезд нашей партии, делегат съезда, замечательный бригадир нефтяников, хозяин острова Нефтяные Камни Гаджиев Бахман Абши-оглы привез в Москву привет от Морского Великана.

В ковш Шагающего Великана может въехать могучий самосвал. Сто кубометров земли поднимает он, словно пушинку, и переносит куда прикажет человек.



ШАГАЮЩИЙ ВЕЛИКАН

Много лет назад, в морозную февральскую пору, Владимир Ильич Ленин возвращался из Шушенской ссылки. Путь был далекий. Возок двигался медленно. Лошади покрылись инеем. А в сибирских снегах ни дымка, ни огонька. Солнце сменяло луну, порой за тучами было не видно ни солнца, ни луны. На четвертый день пути возок въехал в село Назарово. Здесь и заночевали.

Теперь, словно в память о том, что здесь был Ленин, в Назарове построена самая большая в Сибири теплоэлектростанция. А село Назарово, как в сказке, превратилось в большой красивый город, где сосны шумят под окнами, а от реки Иштыма веет свежестью.

Когда я приехал в Назарово, то не мог даже представить себе, что на этом месте когда-то была деревня. И вместо лампочек Ильича чадили свечи да закоптелые керосиновые лампы.

Вот оттуда-то, из города Назарова, и прибыл на съезд Герой Социалистического Труда, бригадир экскаваторщиков Борис Александрович Аксенов. Рядом со звездой Героя на груди у моего знакомого поблескивал новенький почетный знак ударника пятилетки.

Борис Александрович не без гордости сказал:

— А наш Шагающий Великан встал на ноги. О нем вчера говорили на съезде.

Я вспомнил строительную площадку, где шла сборка гигантского шагающего экскаватора. Мне показалось, что я попал на строительство завода. Железнодорожные пути. Башенные краны. Металлические конструкции. Шестеренки в два человеческих роста.

В центре площадки уже возвышался цех. Цех? Да нет, не цех, кабина экскаватора. Кабина величиной с большой дом. Этот дом будет легко поворачиваться и шагать куда его направят, опускать ковш, наполнять его землей и переносить землю куда прикажет человек.

Много лет назад в жаркой, пыльной степи, что пролегла между двумя великими река-

ми Волгой и Доном, на строительстве канала я впервые встретился с шагающим экскаватором. Я увидел такую громаду, что у меня закружилась голова. Мне показалось, что такой махиной и управлять должны не обыкновенные люди, а какие-то великаны. Но великанов я не увидел. Навстречу мне вышли самые обыкновенные люди.

В ковш того экскаватора мог въехать легковой автомобиль. Ничего себе ковшичек! Тогда я подумал: человек не может построить экскаватор больше этого. А вот построил!

В ковш нового Шагающего Великана может въехать не легковая машина, а могучий самосвал. Этот ковш в шесть раз больше, чем у того экскаватора, который я встретил в степи между Волгой и Доном. Сто кубометров!

Ковш нового экскаватора не смогли привезти в готовом виде. Не нашлось такого вагона. Пришлось доставлять его по частям, а здесь, в Назарове, части сваривать. Для этого построили специальный цех. Большой и круглый, похожий на цирк. В этом «цирке» работают сварщики.

И будет Шагающий Великан этим ковшом поднимать землю, открывать уголь: берите, пользуйтесь. Сегодня в угольном карьере работают десятки различных экскаваторов. Скоро всех их заменит один Шагающий Великан.

— А вдруг остановится? Заболеет? — спросил я первого секретаря Назаровского городского комитета партии Евгения Семеновича Лобачева.

Он внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

— Не заболеет,— сказал он.— Не должен Шагающий Великан болеть. Ведь если он остановится, все дело встанет. Недаром десятую пятилетку называют пятилеткой качества, машины десятой пятилетки не должны ломаться.

И еще секретарь сказал:

— Я на людей наших надеюсь. На коммунистов. У нас зимы суровые. Случается, машины не выдерживают, тросы рвутся. А люди остаются на своих постах. Работают. Они не допустят, чтобы новый шагающий встал.

Еще Шагающий Великан не сделал ни одного шага и не поднял ни одного ковша, а люди уже думали о его будущей жизни. Они решали поистине великанский вопрос: как экскаватор дойдет до своего рабочего места — в угольный карьер. Ведь он такой тяжелый, что земля проваливается под его ногами.

И вот инженеры думали-думали и решили проморозить землю, да так сильно, чтобы на много метров вглубь она стала твердой, как камень. Вот по этой ледяной дороге наш Великан зашагает на работу.

Я знакомился с Шагающим Великаном, и мне казалось, что я попал в будущее, в завтрашний день. Шагающий Великан, так же как и его брат Морской Великан,— машина будущего. Машины десятой пятилетки. И оттого, что построили их наши советские люди, сердце наполняется гордостью.

— Вы будете работать на новом шагающем? — спросил я бригадира экскаваторщиков.

Борис Александрович покачал головой.

— Я уж свой путь закончу на своем старом экскаваторе. А на Шагающем Великане будет работать мой сын Александр. Он уже учится. Готовится поднять первый ковш.

Просыпается Таежный Великан,
и звучит ломкий голос пионерского горна,
похожий на голос мальчишки.



ТАЕЖНЫЙ ВЕЛИКАН

Загремели барабаны, запели горны, и в зал съезда вошли пионеры. И мне показалось, что это пришел мой третий знакомый Великан. Я узнал его голос, его походку, блеск его глаз.

Третий Великан — пионерский лагерь. «Артек»? «Орленок»? Нет. Есть лагерь побольше. Называется он «Таежный», его флаг развевается над могучим Енисеем.

В «Артеке» за смену отдыхает четыре с половиной тысячи ребят. В «Таежном» — шесть с половиной тысяч. Чем не Великан?

Впереди — Енисей, за спиной — тайга, над головой — высокие сосны, еще выше — сибирское небо, облака, спутники, звезды, а у ног его цветут алые цветы — жарки. Они такого же цвета, как пионерские галстуки.

В обычный лагерь приезжают на автобусе. В гости к Пионерскому Великану плывут на теплоходах. Едва сойдет лед, целый караван теплоходов идет по Енисею. С севера на юг. День — ночь, день — ночь... Две с половиной тысячи километров от дома! А дом ребят находится на далеком, суровом Севере, где зимой долгая полярная ночь, а в мае самое время кататься на лыжах. В том краю нет больших деревьев — только карликовые березки, ростом тебе до плеча. Но там живут и работают люди, живут и учатся дети. И для того, чтобы ребята могли летом купаться, собирать цветы, гулять в лесу, загорать на солнышке, далеко от дома построили им лагерь. И не простой лагерь, а Пионерский Великан.

Я приехал в «Таежный», когда там ожидали теплоход с детьми. Все нетерпеливо поглядывали на Енисей. Прислушивались, не слыхать ли гудка. Наконец услышали — плывут! Все зашагали к причалу. Сперва медленно. Потом быстрее. Потом взрослые дяди и тети побежали. А я с ними. На волнах Енисея, напротив «Таежного», уже белел теплоход «Композитор Калинников». За ним следовали другие теплоходы.

Еще теплоход не причалил, а к нему на борт летели вопросы:

— Никто не отстал? — спрашивал начальник лагеря.

— Больных нет? — волновался доктор.

— С питанием все в порядке? — интересовался главный кулинар.

С теплохода весело отвечали:

— Отставших нет. Все здоровы. Все в порядке!

И тут кто-то из ребят, на палубе крикнул:



— Цветы бегут!

Я оглянулся и увидел молоденькую вожатую с букетом. Она бежала на пристань. А в руке у нее, как горящий факел, алели сибирские цветы — жарки.

Как радовались ребята, сойдя на берег, земной траве, деревьям, цветам! Как соскучились они по природе. И я почувствовал, как нужен им Пионерский Великан, большой, веселый и ласковый.

Один за другим подходили к причалу «Таежного» теплоходы с ребятами. А вместе с ребятами приезжали их вожатые, их педагоги. И все они помнили, что ребята далеко от родного дома и приехали на два месяца. Сколько нужно теплоты и заботы, чтобы дети не скучали по дому, чтобы их отдых был радостным и интересным! И Пионерский Великан принимал гостей, как родных.

В «Таежном» я познакомился с проходчиком с рудника «Маяк», ударником коммунистического труда Владимиром Перегрудовым. Он приехал сюда с ребятами пионервожатым. Это его вторая профессия. Ребята любят своего вожатого — веселого, энергичного, неутомимого. Многие из них, как Володя, собираются, когда вырастут, поступить на работу в шахту и, как Володя, стать ударниками коммунистического труда.

Привет от третьего — Пионерского — Великана в дни Двадцать пятого съезда Коммунистической партии передал мне секретарь Норильского городского комитета партии Борис Михайлович Благих. Он сказал:

— Мы хотим, чтобы наши дети росли бодрыми и здоровыми. У нас маловато солнышка, и мы построили для них лагерь там, где солнце греет жарче. В десятой пятилетке наш Великан «Таежный» станет еще больше и лучше. И, кроме «Таежного», у норильских детей есть где отдохнуть: и на юге и в других уголках страны.

На несколько километров раскинулся Пионерский Великан. Шумят высокие сосны. Поблескивает серебристая вода Енисея. И звучит ломкий голос пионерского горна, похожий на голос мальчишки.

Я часто вспоминаю этот прекрасный лагерь. И мне на память приходят слова Леонида Ильича, обращенные к пионерам:

— *Сегодня — дети, завтра — активные строители коммунизма!*

Завтра ты приколешь к курточке красную звездочку октябренка. Потом тебе торжественно повяжут пионерский галстук. А подрастешь — вручат комсомольский билет. Пройдет еще время, ты станешь большим и сильным — станешь коммунистом!



Служу СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Гвардейская Таманская мотострелковая ордена Суворова дивизия имени М. И. Калинина. В Ленинской комнате первой роты многолюдно: солдаты готовятся к встрече Дня Советской Армии. Редколлегия обдумывает праздничный номер стенгазеты, комитет комсомола подводит итоги предпраздничного соревнования. Гвардии рядовой Юра Пивов только что укрепил на стене стенд с фотографиями. Тут снимки из истории дивизии; славный путь прошли ее солдаты в годы Великой Отечественной войны. А вот сегодняшний день таманцев: солдаты на учениях и в походах. А на этой фотографии гвардейцы на своих боевых машинах. На стенде есть боевые показатели первой роты и имена отличников боевой и политической подготовки. Между прочим, в списке стоит и его, Юрина, фамилия. Командир роты лейтенант Зиновьев сказал о нем коротко: «Хороший солдат!» И я задал Юре вопрос: а что это значит — быть хорошим солдатом?

Вот что рассказал рядовой гвардейской Таманской дивизии **Юрий ПИВОВ;**

— Пусть это не покажется странным, но школа и армия во многом похожи. И в школе и в армии человек учится, овладевает зна-

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ниями и навыками. Современный солдат не может обойтись без физики, математики. Ведь во всех родах войск сейчас решающую роль играет техника.

Или, например, география — она учит ориентироваться на местности, читать и составлять карту: в боевой обстановке все пригодится. По физкультуре будущему солдату стыдно иметь даже четверку. Многие мальчишки не любят пения. А без песни на марше нам, солдатам, никак нельзя. Я уж не говорю про уроки труда: солдат все должен уметь — зашить, починить, приготовить. В армии я пристрастился столярничать — по хозяйству, так сказать, помогаю: табуретка ли сломается, или вот стенд изготовить требуется, я могу...

Но не бывает хорошего солдата без любви к Родине, к Советской Армии, без настоящей физической подготовки, без чувства товарищества. Эти качества тоже формируются до службы. Армия многому потом научит: военной дисциплине, обращению с оружием... Но если парень слаб, если не привык делить беду и радость с друзьями, трудно ему придется...

Хоть солдатами и не рождаются, я уверен, что каждый мальчишка какое-то время мечтает стать военным: в детстве все мы любим фильмы про войну, мастерим игрушечное оружие, строим снежные крепости. Для мальчишки обыкновенная стреляная гильза — самый дорогой подарок... Надо всегда помнить: раз ты мужчина, значит, солдат!

Хорошо, что сейчас у ребят есть «Зарница», военно-спортивная игра. Почти все солдаты у нас в роте — бывшие зарничники. Правда, когда мы играли в «Зарницу», техники у нас почти не было. Но было стремление к победе, чувство локтя... Я и сейчас вспоминаю финал нашей школьной «Зарницы», борьбу за знамя. Кто-то из нас извалялся в снегу, кто-то потерял варежку, кому-то в схватке наступили на ногу, но обо всем этом не горевали...

Готовиться к службе в армии можно и самому. Например, я и мой друг в школу не ходили, а бегали. От нашей деревни Галашино до школы было семь километров, а окружным путем — все десять выходило. Теперь эти пробежки вспоминаю с благодарностью: бег, выносливость для пехотинца очень важны. Мы даже на утреннюю зарядку бегаем за километр от казармы. А сколько километров в походах пешком да бегом отмахали — не счесть!.. Многие ребята, я знаю, утром встают со скрипом. А я доволен, что мне в детстве приходилось вставать рано, быстро собираться в школу. В армии подъем в шесть ноль-ноль, на сборы и построение нам отведены короткие минуты...

Я рассказывал о своем школьном друге. Сейчас он тоже служит в армии, мы переписываемся и делимся всеми заботами и радостями. И в роте у меня много верных товарищей — Саша Кожин, Коля Киров, Толик Тушин... Понимаете, армия — это очень много людей, которые живут и действуют вместе. И от того, как ты относишься к товарищам и как они относятся к тебе, зависит многое. Порой это определяет успех или неудачу, победу или поражение... Однажды на учениях мы преодолевали «огневую полосу»: беговая дорожка, наверное, метров двадцать, была полита горючим и подожжена. Наше отделение бежало через пламя. Я замешкался на старте и не видел, кто взял меня за локоть, кто подтолкнул плечом: слева, справа, впереди и сзади бежали мои товарищи. Через несколько секунд мы миновали «огневую полосу»...

Между прочим, на тех учениях был военный представитель одного иностранного государства. Так он потом спрашивал наших командиров: может, на солдатах была надета специальная форма? Может, подошвы у сапог тугоплавкие?..

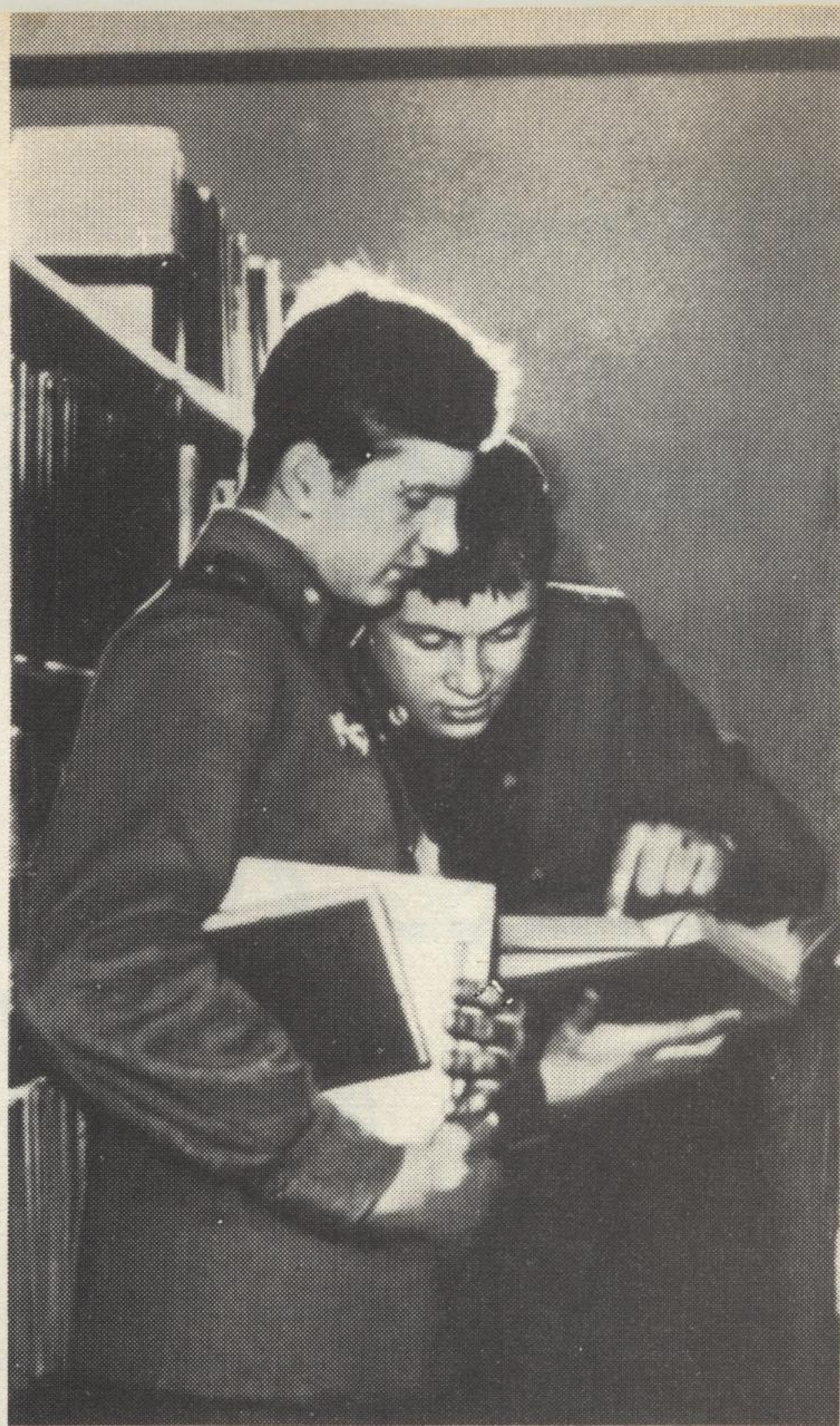
И еще есть у солдата друг — книга. Мне вот нравятся стихи и книги о природе. Наверное, потому, что я вырос в очень красивых местах. Моя деревня Галашино стоит под городом Пудежем, у самой Волги. Есть в наших краях и леса и поля. В детстве очень любил собирать грибы, ягоды, рыбачить, просто ходить по лесу... Об этом — родном и близком — я часто вспоминаю, когда получаю задание командования. Выхожу перед строем и отвечаю командиру: «Служу Советскому Союзу!»

И если совсем коротко, хороший солдат — это тот, кто в совершенстве знает и владеет своим оружием, чьи выстрелы всегда находят цель. Хороший солдат вынослив в походах и марш-бросках. Когда трудно, когда силы на исходе, он не захнычет. И как бы ни было тяжело самому, всегда придет на выручку товарищу. Он спортсмен и дисциплинированный солдат, он знает, зачем Родина дала ему в руки оружие, за что, если случится, будет воевать.

Таких солдат награждают значками отличников боевой и политической подготовки. Может быть, такой значок приколют и к твоей гимнастерке, когда ты пойдешь служить в армию. Но помни, что еще до службы тебе многому нужно научиться, чтобы стать настоящим солдатом.

Записал С. МАКЕЕВ.
Фотографии Ю. ЛЕОНОВА.

Книг в библиотеке много — глаза разбегаются! Хочется выбрать самую интересную...





— Отделение! Нашу, походную, запе-е-вай!

— Когда Есенина читаю, словно на побывку домой еду...

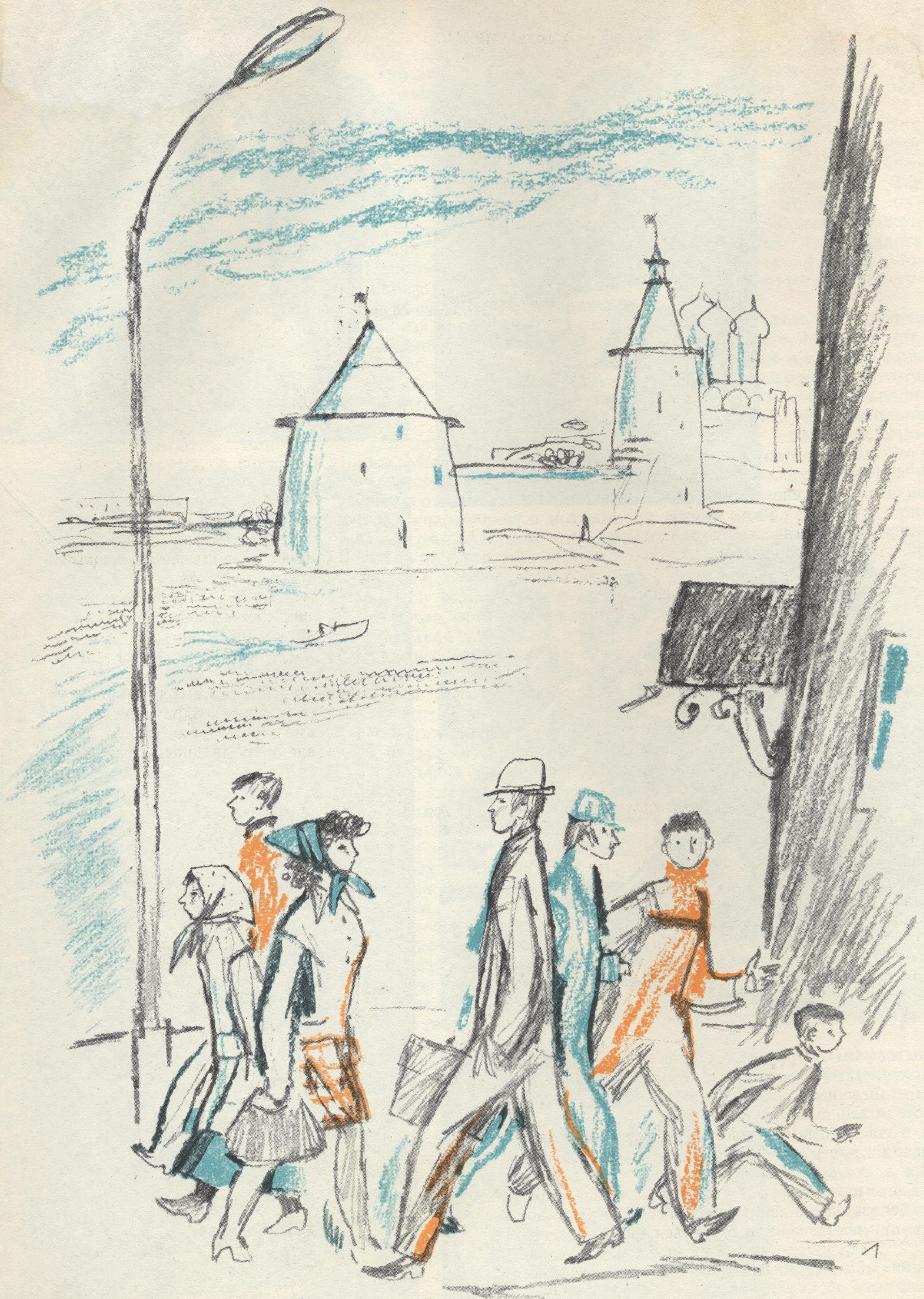


Штурмовая стена. Без хорошей тренировки ее не одолеешь.

«Военная специальность у меня — пулеметчик. Я его с закрытыми глазами собрать-разобрать могу».







Сергей **ИВАНОВ**

Костер в горах

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ф. **ЛЕМКУЛЯ**,
заслуженного художника РСФСР

Посвящаю моим верным друзьям Нур-Магамеду, Раисат Мураду.

Не в том дело, что над ним смеялись. Над ним никто не смеялся. Но когда кругом у всех привычные имена: Таня, Игорь, Слава, Света, Иван, — то невольно твое собственное — Хаджи-Мурат — выделяется среди других необычностью и особой гордостью, словно коршун на синем небе.

Сашка Логинов один раз сказал:

— Такая книга есть у Льва Толстого, называется «Хаджи-Мурат».

— Ну и что? — спокойно ответил он. — Я же не говорю, что тебя Александром зовут!

— А что ж тут говорить? — засмеялся Сашка.

— А то, что тебя тоже, как Пушкина, зовут, понял: Александр Сергеевич Пушкин!

— Ну и... ну и говори, пожалуйста! — нервно пожал плечами Сашка.

— Да не буду я говорить, потому что я не такой дурак!

В классе ребята были за него, а не за Логинова. Пускай Логинов учился лучше, а зато он лучше на лыжах ходил. Вообще по физкультуре был лучше всех. Хотя, если бороться, некоторые ребята из класса были его сильнее.

Отец у Хаджи-Мурата военный. А военного куда переведут, там он и служит. Последние два года они живут в Пскове, до этого жили в Сибири. А родился Хаджи-Мурат в Буйнакске. далеко от Пскова, еще дальше от Сибири. Это Дагестан...

Отец Хаджи-Мурата дагестанец и мать дагестанка. Вот почему и его зовут удивительным и непривычным для голубоглазых псковичей именем Хаджи-Мурат...

Сейчас, когда начинается этот рассказ, стоит середина августа — жаркого и обильного месяца.

Две смены Хаджи-Мурат был в лагере. Там, на Псковщине, в конце июля, в ранние утра, когда они все выходили строиться, роса на траве была густа и холодна. И нет-нет с берез обрывались желтые листики. По-лисьи крались они меж темно-зеленой июльской листвы. И сердце начинало щемить — лето кончалось!..

Но, вернувшись в Псков, Хаджи-Мурат узнал, что лето продолжается — на август он едет в Дагестан. Там, в горном селении, живут его дед и бабушка. И еще многое-множество знакомых... А вот родственников у них нет.

Пока они жили в крохотном таежном городке, голос Дагестана слышался им слабо-слабо, как голос человека, с которым вы разбрелись в огромном лесу: «Ау!.. Э-ге-гей!..» — далеко, тихо...

Кое-когда, а верней, всего раз в году приползали медленно, словно улитки, поздравительные письма: они уж Восьмое марта отметили, а их еще только поздравляют с двадцать третьим февраля!



Хаджи-Мурат водил Гостя из Дагестана по Пскову.

Но вот семья их перебралась в Псков, и в доме стали появляться гости. Рано утром, когда они все трое собирались усесться за короткий семейный завтрак, в дверях раздавался вежливый, негромкий звонок. Хаджи-Мурат бежал открывать, предполагая, что это почтальон с телеграммой, или Псковгаз, или нетерпеливый Сева Лозинский...

Но перед Хаджи-Муратом оказывался высокий человек в черном пальто, с черными глазами, с черными густыми бровями и в светло-коричневой каракулевой шапке — Гость.

— Салам-алейкум! — говорил Гость, окидывая Хаджи-Мурата веселым и в то же время как бы строгим взглядом.

— Алейкум-салам! — отвечал Хаджи-Мурат.

— Ибрагим Магомедович дома?..

Гость и отец долго жали друг другу руки, похлопывали друг друга по плечу. Гость с уважением смотрел на капитанские погоны отца, качал головой и цокал языком.

Потом в переднюю выходила мама, и отец представлял Гостю ее, а потом Хаджи-Мурата. Гость осматривал их обоих — опять внимательно, весело и как бы строго, одобрительно кивал отцу.

Потом Гость снимал остроносые галоши и оставался в тонких, как чулок, кожаных сапожках — чарыках, в темных галифе и темном кителе. Волосы Гостя были зачесаны назад и по вискам серебрились тонкими проволочками седины.

Все дни, пока Гость был у них в доме, он вел себя тихо, даже, можно сказать, бесшумно, как следопыт, и неторопливо, словно чемпион мира по тяжелой атлетике, и очень вежливо.

Иной раз случалось так, что ни отец, ни мама, ни уж, конечно, Хаджи-Мурат не знали точно, кто такой Гость. Но это было совершенно не важно. Достаточно и того, что Гость передал привет от знакомого человека.

Нет, даже меньше: достаточно и того, что Гость — дагестанец.

Нет, даже еще меньше! Достаточно и того, что он приехал к дагестанцам!..

Вместе с Гостем в доме появлялись две вещи: первое — бахух — сладкая густая штука на меду и с орехами. На что она была похожа из привычной еды? Пожалуй, что на халву. Так считал Хаджи-Мурат. Еще вместе с Гостем в доме появлялась сушеная баранина. На вид она была темная, почти черная, некрасивая. Если оторвать от нее кусок и попробовать пожевать, у тебя ничего абсолютно не выйдет, только останется соль во рту. Потому что разжевать сушеную баранину так же трудно, как разжевать кусок подметки или кусок соленой березовой коры.

Но зато из нее можно варить хинкал! Ах, какой хинкал из нее получается! Жирный, густой! Куски вареного теста лежат на дне, словно желтые куски масла. А сама баранина! Она и мягкая, и в то же время в ней еще держится жесткость, и она чуть припахивает свежим, травяным, снежным ветерком дагестанских гор. В общем, все из его класса, кто ел такой хинкал, все говорили:

— Это вещь!..

По вечерам отец и Гость вели за столом длинные беседы. Оба говорили неторопливо и тихо: отец про армию, про свою службу, а Гость про снежные бураны, про отары овец, про дороги, которые взрывами пробивают в горах.

И только одного они не касались никогда — того, как живут дед и бабка Хаджи-Мурата.

Это была глухая история! Хаджи-Мурат знал только, что много лет назад, когда отец и мама жили еще в Буйнакске, а Хаджи-Мурата вообще не было на свете, отец поссорился со своим отцом и уехал из дома и с тех пор с ним не видался. Даже в Дагестане ни разу с тех пор не был.

И все-таки в конце одной из последних бесед, когда уже было известно, что Гость уезжает завтра или послезавтра, отец обязательно спрашивал про кули́ Гецéб и про Магомеда Магомедова. Пояснял бесстрастно:

— Это мой отец.

Всегда было неизвестно, знал что-нибудь Гость об этой истории или не знал. Лицо его оставалось все таким же спокойным, серьезным и приветливым. Только будто каменело...

Гость отвечал, что Магомед Магомедов жив-здоров, слава аллаху. Как и прежде, без дела он не сидит — пасет колхозных овец. И жена его, тетушка Патимат, тоже пока управляется по хозяйству. А дом у них не то чтоб очень зажиточный, однако и не бедный — такой, как и положено достойным людям. И больше Гость ничего не говорил. И никогда ни о чем не спрашивал...

На исходе нынешней зимы в дом Магомедовых приехал не совсем обычный Гость. Тем был он необычен, что никуда не ходил по своим делам, а все больше был дома, все будто присматривался к Хаджи-Мурату, к маме и к отцу. Причем больше именно к Хаджи-Мурату.

Он говорил медленней и тише обычных гостей. Русские слова подбирал с трудом и произносил их неуверенно, будто не говорил, а контрольный диктант писал.

В семье Магомедовых говорили по-русски. Хоть мама с отцом и были оба дагестанцы, однако они были дагестанцами разных национальностей: отец — аварец, мама — лачка. А у этих двух народностей непонятные друг для друга языки.

В Дагестане, в горных селениях, говорят и пишут на тридцати шести разных языках. Но чтобы понимать друг друга, говорят еще и по-русски... А Хаджи-Мурат вообще никакого другого языка не знал, кроме русского. Правда, теперь, с третьего класса, он немецкий стал учить.

А тот необычный Гость совсем плохо говорил по-русски и часто переходил на другой язык, непонятный ни маме, ни Хаджи-Мурату, а понятный только одному отцу, потому что и отец и Гость оба были аварцы.

Гость прожил у них больше недели. Так совпало, что в эти девять или десять дней получилось два воскресенья. И Гость просил, чтобы Хаджи-Мурат походил с ним по городу, показал главные магазины. Хаджи-Мурат, конечно, со-

гласился, хоть и не был от этого в большом восторге.

Он водил Гостя по знакомому уже Пскову, показывал магазины, и почтамт, и мост через Великую, и монастырь на высоком ее берегу.

Из монастыря и в монастырь народ буквально валом валил. Хаджи-Мурат тоже хотел было отправиться с Гостем туда — все же такая достопримечательность!.. Но Гость не пошел. Только издали кинул взгляд на церкви, что поглядывали на площадь и город за рекой через могучую крепостную стену. А потом отвернулся и повел Хаджи-Мурата в другую сторону.

Дома они ели прекрасный мамин хинкал и пили чай. А Гость все присматривался к Хаджи-Мурату, словно тот кинорежиссер с телевидения, который в прошлом году хотел отобрать его на роль.

И вдруг однажды Гость объявил, что уезжает. Завтра.

Они долго в тот вечер сидели с отцом за чаем. Хаджи-Мурат и мама, сидя в креслах в той же комнате, но только спиной к ним, смотрели телевизор. И отец снова, как и у каждого почти Гостя, спросил о кули Гецеб и Магомеде Магомедове. И Гость ответил, как обычно, как все: что жив-здоров Магомед... И про овец сказал, и про хозяйство, и про дом.

Но потом вдруг, не изменив даже голоса, сказал еще, что старый Магомед Магомедов хотел бы летом видеть своего внука Хаджи-Мурата у себя в доме...

Мама и Хаджи-Мурат одновременно обернулись на отца, будто их кто за ухо дернул. Но отец стальным своим взглядом повернул их глаза обратно к телевизору. Потом он сдержанно поблагодарил Гостя.

Вот, значит, для чего Гость приезжал! Потому он и на базар не ходил и ни в какие учреждения тоже. Да и стар он был для всех тех дел, где нужно ходить и действовать.

Из всего, что отпущено человеку в жизни, у него осталась одна только мудрость...

О странном Госте и его известии никакого разговора у них не было, словно Гость все еще присутствовал в доме... На самом-то деле не Гость присутствовал, а давняя ссора между отцом и дедом. Только однажды, примерно через неделю после того, как Гость уехал, отец спросил:

— Ну что, поедешь?

И Хаджи-Мурат ответил:

— Поеду!

Ему хотелось Дагестан посмотреть.

Много ли надо одиннадцатилетнему парню вещей в дорогу? То же, что в лагерь брал, только одну рубашку сменить — порвалась, да парочку маек взять поновей, да сандалии еще выходные — все же в гости.

— И запомни, сынок! — говорил ему отец перед отъездом. — Едешь как официальный представитель семьи!

— Чего? — удивился Хаджи-Мурат.

— Я с твоим дед в ссоре, понымайшь?.. — Когда отец волновался, он сразу начинал неправильно склонять существительные и обязательно говорил слово «понымайшь». Вообще-то он спокойный человек. У него даже есть благодарность — «За проявленное мужество и хладнокровие». Но сейчас он буквально кричал во весь голос. Хаджи-Мурат его понимал. Он сам тоже спокойный человек, но, когда ему один раз зуб выдирали почти без наркоза, он так заорал!

Перед сном в комнату к Хаджи-Мурату зашла мама. И все объяснила: они оба устали ссориться — отец и дед. Им бы помириться, а как — не знают, гордость не дает.

— А что у них там случилось, мам?

— Случилось что?.. — Мама сидела, нахмурив большие свои черные брови, словно вспоминала. — Отец говорил: «Хочу уехать». А дед: «Останься! Зачем родной дом бросаешь?». Отец: «Учиться хочу!» Дед: «Здесь учись!» Ну отец все равно уехал... Понял теперь?

Ничего Хаджи-Мурат не понял!

Подумаешь, важное дело, есть из-за чего ссориться... Он недоуменно посмотрел на маму.

Однако она никак не ответила ему — ни словом, ни взглядом. Только сидела да хмурила свои брови.

— Ну, а кто у них хоть прав-виноват? — спросил Хаджи-Мурат.

— Оба!.. А ты как раз и проложишь для них первый мостик, понял?.. И молока попьешь овечьего. Оно густое, сынок! И воздухом подышишь горным. И сыру нашего поешь. — Она улыбнулась грустно, махнула рукой и вышла из комнаты.

Ночью Хаджи-Мурату приснилось, как он идет по тонкой проволоке, натянутой меж горами... Он шел, качался, а внизу клубился какой-то страшный синий пар.

Оказалось, он на левом боку спит.

Из Пскова в Дагестан дорога дальняя. Сперва надо ехать автобусом до Ленинграда, потом самолетом до Махачкалы, столицы Дагестана, потом снова самолетом до аэропорта, расположенного в горах, потом опять автобусом по горной дороге и потом еще пешком несколько километров.

До Ленинграда он ехал с толстым седым главврачом из маминой поликлиники. В самолете его сопровождал высокий худой дядька с крючковатым носом и висячими усами, которого главврач присмотрел Хаджи-Мурату в провожатые.

В самолете было неинтересно. Когда они взлетели, на земле и на небе уже наступила ночь. Самолет все время плыл в кромешной темноте, как рыба в океане. Усач рассказывал про Дагестан: он работал механиком корабля, который ходил по Каспийскому морю. Но Хаджи-Мурат почти все знал — от мамы, отца... Да он и сам в конце концов был дагестанец! Только одно очень интересное рассказал ему усач: когда едешь высоко в горах, то можно увидеть, как внизу под тобою плывет туча, а из тучи идет дождь.

Хаджи-Мурат уснул. Ему приснились горы и туча внизу, из нее шел дождь... Это был хороший сон. А когда сон кончился, наступило утро, и они прилетели в Махачкалу.

Но полет Хаджи-Мурата на том не кончился. Ему предстояло пролететь еще пол дагестанского неба.

Едва Хаджи-Мурат сошел с трапа, ему сейчас же показали новый его самолет. А вернее сказать, самолетик. Невзрачно и тихо стоял он подле красавца, который прибыл из Ленинграда.

Однако ж в игрушечной этой птичке уместилось человек двадцать или тридцать. Все расселись на жестких кожаных скамейках, узко тянувшихся вдоль стен... И вдруг Хаджи-Мурат впервые почувствовал, что на него никто не обращает внимания. Он будто стал невидимкой!

Там, в стране синеглазых и светловолосых псковичей, он был всегда ярко заметен — и в школе, и на улице, и в автобусе. Хаджи-Мурат накрепко привык к этому и чувствовал себя строже, подтянутей, чем другие ребята. Словно шагал впереди какого-то невидимого отряда. Его даже ставили в пример.

А здесь никто ни полвзглядиком о нем не поинтересовался. Сидит в самолете какой-то мальчишка, ну и пусть себе сидит. А вот еще один такой же. И ничего ни в том, ни в этом приметного нет: глаза черные, челка черная. Дагестанец как дагестанец!

...Самолет в этой горной стране был, видно, делом привычным, как, скажем, на Псковщине автобус или в сибирских деревеньках сани зимою, а летом трактор. Сразу после взлета люди заговорили о чем-то своем, мешая русские слова и непонятные Хаджи-Мурату дагестанские. Большинство молодых мужчин были в огромных, блином, кепках, огромных, как аэродромы. Все было спокойно и просто, действительно, как в автобусе.

По дороге ехал на осле человек.



За круглым самолетным окном, глубоко под ними, медленно ползла зеленовато-желтая земля, небрежно перечеркнутая двумя-тремя черными полосками шоссейных дорог. К ним, если хорошенько приглядеться, сползались совсем узенькие змейки тропинок. На шоссе, словно кусочки шашлыка на шампур, были нанизаны маленькие поселки — иногда в несколько домов, иногда крупнее. А слева и справа лежали, как на перепутанной шахматной доске, зеленые, желтые, бурые квадраты — колхозные поля.

Постепенно плоская земля, шоссейки, неровные квадраты полей кончились. Самолет летел теперь над горами. Вернее, то было еще самое начало гор — могучие, неторопливо вздымающиеся холмы. Они проплывали под самолетом пологими зеленовато-желтыми складками — такими мягкими на вид, будто сделанными из бархата. Они тянулись и переливались, словно медленные волны... Постепенно волны эти росли, росли и, казалось, хотели доплеснуться до самого самолета.

Вдруг самолет неожиданно и в то же время плавно — так, что дух захватило,— лег на крыло, сделал широкий круг и снизился. Хаджи-Мурат увидел небольшую площадку меж гор — аэродром. А сразу под нею обрыв, пропасть. На дне ее вился черный шнурок реки.

Воздух был здесь таким прозрачным, что сквозь него, словно сквозь подзорную трубу, можно было рассмотреть самую мельчайшую черточку аэродромного дома, и флаг на крыше, и полосатый рукав на шесте, который показывает летчикам направление ветра.

Видны даже были камни, о которые колотилась река на дне той пропасти. Хотя камни эти казались отсюда не более песчинки! «Вот он, воздушный океан!» — подумал Хаджи-Мурат. И в эту секунду самолет легко, будто с ледяной горки, скользнул к аэродромной земле и побежал, побежал, вздрагивая, пробуя круглыми своими ногами острые камешки дагестанских гор.

Дальше Хаджи-Мурат ехал на автобусе. Летчик передал его человеку в черном кителе, и черных штанах-галифе, и в черных сапогах, чуть припудренных пылью. Это был кунак одного из Гостей. Он посадил Хаджи-Мурата у окна и время от времени стучал в стекло жестким пальцем, говоря строго и весело, как все дагестанцы:

— А?! Видал?!

Дорога без конца крутилась и крутилась, потому что по прямой съехать с такой высоты невозможно! И каждый поворот открывал новую картину — прозрачную и просторную. Картину горной страны.

Сразу за обочиной дороги, по которой бежал автобус, начиналась пустота, пропасть. Отделенные ею, словно актеры на сцене, стояли тяжелые горы. Еще поворот — и новые обрывы, вершины, кручи. Непокрытые головы и головы в шлемах. Они все стояли толпою — левее, правее, ближе, дальше, высовывались из-за плеча, под-



*Дальше
Хаджи-Мурат
ехал на автобусе.*

глядывали в щелку. Вдали темной извилистой полосою стояли самые высокие здесь горы. Это и был конец обозримой земли.

Сердце у Хаджи-Мурата громко билось. Он, не отрываясь, смотрел на огромные и прекрасные картины за окном. А воздух был так прозрачен, что, казалось, ступи шаг с обрыва — и полетишь.

Плохо человеку без крыльев жить, и особенно чувствуешь это в Дагестане!..

И здесь получилась неприятность! Автобус остановился. Хаджи-Мурат почти не заметил этого. Он все смотрел на горы и слушал, как тихонько переговаривались по-аварски мужчина и женщина, сидящие впереди них.

И вдруг сосед Хаджи-Мурата зачем-то быстро подвинулся в сторону — Хаджи-Мурат ничего не успел сообразить. В автобус вошла старуха — вся в черном, с темным, спокойным лицом и глубоко запавшими черными круглыми глазами. В руках ее был узел — что-то обвязанное темно-коричневой клетчатой шалью.

Тотчас вскочили двое — мальчишка вроде Хаджи-Мурата и молодой парень. Старуха спокойно и медленно села, затем сел молодой парень, а мальчишка остался стоять.

И тут Хаджи-Мурат почувствовал себя как-то неуютно вдруг. Будто на него ветром подуло из холодного угла.

Невольно он оглянулся кругом. Его спутник: тот самый, что первым подошел к самолету, и ревниво отстранил летчика, и улыбался, и тянул вперед большие, как два переулка, руки, и взял записку отца осторожно, словно тоненькое китайское блюдечко, — этот его спутник смотрел сейчас сурово, и строго, и холодно. И еще несколько человек обернулось глянуть, что там за невежа сидит!

Горы за окном будто сразу полиняли. Хаджи-Мурат отвернулся, стал смотреть вниз, на свои сандалии... По ранту виднелась корочка грязи, еще псковской...

Ну, подумаешь! Ну, что же такого он сделал! Ну, не успел встать. Наверное, дома ему бы просто сказали, что, мол, мальчик, уступи. А здесь никто ни слова! Только взглядами его пригвоздили, словно булавками вредного жука.

Позже Хаджи-Мурат узнал, как это делается в дагестанском горном автобусе. Когда входит старый человек, молодые встают. Не только, чтоб место уступить, а просто из почтения, что ли. И старик сам выбирает себе место.

Автобус спустился в самую глубину ущелья, на дно. Теперь вся пропасть была над ними. Аэродром казался обрезком зеленого лоскута, а домик на нем был меньше подсолнуховой скорлупки, а флаг наверху — меньше крохотного обрывка нитки. Но по-прежнему все было видно до мельчайших подробностей!

В ущелье гремела камнями, беспощадно грызла берег, металась и шипела река Чер-ор, что значит по-аварски Черная река. Она и правда была черная, как асфальт, и грохотала, словно целое сражение!

Впереди по дороге ехал на осле человек. Шофер автобуса давил и давил на сигнал. Но река тут же съедала все звуки — ни осел, ни человек на осле, ни даже сам водитель не слышали сигнала.

На мосту автобус затормозил. И снова провожатый Хаджи-Мурата отстранился — чтоб Хаджи-Мурату ловчее было встать. Вошли двое: мужчина и старик. Тотчас Хаджи-Мурат вскочил, и вскочил тот молодой парень, и встали еще двое — взрослые мужчины. Видно, то был какой-то важный старик. Он сказал «салам алейкум» всему автобусу, сел, а потом показал шоферу, что можно ехать.

— Сулейман Алиев! — тихо объяснил Хаджи-Мурату его попутчик. — Сто десять лет!

Сто десять! А Хаджи-Мурату одиннадцать!.. Как-то странно сделалось на душе. Не жутко, но как-то странно! Хаджи-Мурат глядел, не отрываясь, на старого Сулеймана. А тот спокойно смотрел в окно, за которым развертывались все новые и новые картины гор.

Путешествие Хаджи-Мурата подходило к концу. В кармане его осталась только одна записка (а раньше их было пять или шесть в особом конверте для разных провожатых). И вот за новым поворотом Хаджи-Мурат увидел человека, стоящего посреди белесой, присыпанной пылью дороги, он махал автобусу руками. В стороне, у самого обрыва, стоял «газик» с брезентовым верхом.

Провожатый толкнул Хаджи-Мурата и коротко сказал:

— О! Сайгит!

Они вылезли наружу. Провожатый и Сайгит весело приветствовали друг друга, стукнув ладонь об ладонь.

Сайгит медленно прочитал отцовскую записку, кивнул головой, улыбнулся. После этого провожатый попрощался с ними обоими и пошел по узенькой тропе в гору. А Хаджи-Мурат и Сайгит залезли в «газик», автобус сзади бибикнул, что, мол, поехали же!.. И тотчас горная дорога рванулась под колеса их машины. Сайгит громко запел джигитскую песню.

Пока Хаджи-Мурат ехал на автобусе, он почти совсем не чувствовал дороги. Теперь на ней вдруг выросли колдобины, кто-то изогнул ее и так и эдак. Поворот мелькал за поворотом. Тормоза скрипели зубами, мотор выл, пропасти одна за другой распахивались под ногами. Машина то почти останавливалась, то опять реактивно мчалась вперед.

Хаджи-Мурат уважительно глянул на водителя... И вдруг заметил в заднем окошке: черепаха-автобус спокойно идет почти вплотную за ними. Он не гнал сломя голову, но зато и на поворотах не тормозил — он проходил их ловко, как слаломист.

Сайгит быстро глянул в маленькое зеркальце наверху — увидел автобус, крикнул: «Вах!» — и наддал газу!..

И тут из-за скалы, как из засады, выскочила морда грузовика. Заныли тормоза, «газик» упер-

ся в дорогу всеми четырьмя лапами, словно испуганный кот... Хаджи-Мурат с маху врезался в ветровое стекло, перед глазами его покатились, полетели зеленые и черные круги. На белую тениску — пум-пум-пум — из носа падали черные капли крови.

— Ай, дорогой! — кричал Сайгит. — Ай, дорогой! Ай-яй-яй!..

Он запрокинул Хаджи-Мурату голову. Из грузовика, который едва не сбросил машину Сайгита в пропасть, выбежал шофер, огромный, как цирковой борец. Он тоже склонился над Хаджи-Муратом.

И автобус, конечно, остановился. Водитель смотрел большими черными глазами то на Сайгита, то на Хаджи-Мурата. В это время шофер грузовика ощупывал Хаджи-Мурату лицо. Пальцы у него были толстые и пахли бензином. Но работали они так аккуратно, словно пальцы врача.

— Ну что? — отчаянно спросил Сайгит. — Ай-яй-яй, Григорич, ну что ты молчишь!

— Вроде кости целы. И нос не поломан!.. Повезло.

Сайгит сразу повеселел.

— Такой джигит! — Он щелкнул пальцами. — Такой нос! Замечательный нос! Дагестанский нос! Хоть об весь Кавказ колоти — не сломаешь!..

— Его нос — ерунда, — мрачно заметил Григорич. — Его нос тут ни при чем...

— Как, слушай, ни при чем? — весело продолжал Сайгит.

— Так и ни при чем!.. А вот твой нос я бы разá два с удовольствием саданул об Кавказский хребет, понял? За такую езду!..

Губы Сайгита сразу сжались, глаза превратились в узкие щелки. Он побледнел. Только одна дагестанская смуглота осталась у него на лице... Шофер грузовика был огромный и тяжелый. А Сайгит еще совсем молодой и потому тонкий. Но Сайгиту было на это плевать. Коварным, кошачьим шагом он двинулся на Григорича. И кулаки его уже...

Но здесь громко, сердито заговорил шофер автобуса. Слов Хаджи-Мурат не понимал. Но сразу было ясно, что он ругал Сайгита. А потом он еще сказал что-то — наверное, обидное — и захохотал сердито. И Григорич расхохотался за ним следом. Сайгит покраснел и опустил голову. Пассажиры автобуса молча стояли вокруг.

— Вот именно что! — сквозь смех говорил Григорич. — Правильно, Нурадин! Потому что он ездит, как... это самое... — Григорич запнулся, глянув на Хаджи-Мурата. — И машина: полтора года только, а уж инвалид вся!

— О! — кивнул Нурадин и опять быстро заговорил по-аварски.

Так они, два опытных водителя, еще некоторое время ругали Сайгита каждый на своем языке. А Сайгит слушал, не подымая головы.

Нос у Хаджи-Мурата к тому времени уже засох. Он приподнял голову и сказал:

— Да мне не больно совсем!

— А могло быть и очень больно! — строго прервал его Григорич. — Понял ты, голова! — И он толстым своим пальцем потыкал в опущенную голову Сайгита. — Езжай да запомни... Запомни! Ты мальчишку везешь, а не только жизнь свою бесшабашную! — Сайгит стоял, закусив губу.

На том они и разъехались. Дорога — виток за витком — вела их «газик» все вверх, вверх... Как бы на следующий горный этаж. Сайгит ехал теперь осторожно. У поворотов машина истошно бибикала и сбавляла ход почти до ишачьего шага. Сайгит ехал и скрипел зубами.

— Ай, не могу, слушай! — вдруг закричал он и жимданул на газ.

«Газик», по-собачьи рявкнув, прыгнул вперед. Хаджи-Мурат на мгновение вдавился спиною в кресло, словно космонавт... И опять запрыгали, закачались горы. Пропасти разевали и захлопывали огромные свои рты. Мотор ревел, тормоза скрипели, каменные брызги летели из-под колес. А Сайгит распевал джигитскую песню.

Так они и въехали в Гецеб.

Уже четыре дня жил Хаджи-Мурат в доме своего деда. В доме, где родился его отец. В доме, который построил его прадед. Многое, конечно, изменилось с тех пор, как на горе вырос этот дом — брат в семье таких же домов — с крепкими каменными ногами, и с крепкими каменными ребрами, и с крепкой плоской крышей — такой крепкой, что она может служить опорой для другого дома. Так они, между прочим, и стоят — дома кули Гецеб: один на другом. А спиной каждый из них прислонен к родной горе.

Конечно, многое, многое изменилось: вот горит электричество в старых саклях, вот бежит машина в Гецеб, вот самолет летит по горному небу. Многое изменилось. Но многое осталось неизменным, древним. «Вечным!» — думает Хаджи-Мурат. И сердце его бьется.

Вот лежит у двери круглый камень. Он положен здесь прадедом. И как положен, так с места и не стронут. Так и останется...

Старый камень. Он заметно поистесался за сто с лишним лет. И Хаджи-Мурат, когда проходит здесь, старается посильнее надавить ногой, чтоб и его след остался. Но камень тот крепок!

Бабушка... Так странно было ему смотреть на эту старуху — высокую, прямую, с серым морщинистым лицом, — смотреть и думать: это моя бабушка!.. На фотографии, которая есть у них дома, бабушка совсем другая — моложе и веселей, хотя узнать, конечно, можно.

Хаджи-Мурат, посматривая на нее, робеет. Но ответный бабушкин взгляд так ласков, что уж никак тут нельзя ошибиться: это его бабушка, Хаджи-Мурата! И в сердце просыпается что-то. Словно он много лет назад любил ее, а потом забыл про это. А теперь вспоминает. И с каждым днем все больше и лучше!

Бабушка старая. Это заметней всего, когда она ходит — все время за что-то цепляется: то за

половик, то за корень яблони, растущей во дворе. Хорошо еще, длинные носы ее чувяков круто загнуты кверху.

— Ай! Ноги мои! — говорит бабушка то ли сердито, то ли весело. — Не хотят идти, куда велю.

— А куда ж они хотят? — улыбается Хаджи-Мурат.

— А совсем никуда! Им бы под лавкой стоять да стоять, как старым чарыкам. Устали, кричат. А как отдыхать надо — забыли. Старые, кричать стали!

— Да разве вы старая, бабушка! — успокаивает ее Хаджи-Мурат.

— Я не старая! Да ноги мои старые. И спина, видишь, не гнется. Болит, а не гнется.

Это правда. Когда бабушке нужно что-нибудь поднять с полу, она становится на колени и низко опускается на руках, как будто делает отжимание из упора лежа. И кряхтит и охает. А спина ее остается все такая же прямая.

Зато руки у бабушки крепкие и решительные. И стряпают быстро, и убирают дом, и вяжут из толстых, как веревки, шерстяных ниток.

В кухне, на полке за ситцевой занавеской, стоят старые-старые, темные и очень тяжелые тарелки. Рядом лежат такие же ложки и такие же вилки. У вилок зубцы гнутся совсем легко, сожмешь двумя пальцами — и готово. Но так же легко их и распрямить.

— Откуда это, бабушка? — спросил Хаджи-Мурат.

— Эээ, Хаджик! Старые...

И одежда у дагестанцев какая-то особая, дагестанская.



Хаджи-Мурат думал-думал. Из чего же это сделано? Уж очень похоже на одну вещь... Да не может же этого быть!... Однако взял острый камень, царапнул по дну тарелки — остался белый блестящий след. Значит, правильно он подумал: олово! Которым они с отцом паяют!..

Он и не знал, что такая посуда бывает... старая... Правда, читал один раз. В сказке «Стойкий оловянный солдатик». Там ложка была оловянная.

А бабушка почти тотчас заметила царапину. Спросила гневно:

— Ты сделал?

— Я, — тихо ответил Хаджи-Мурат.

— Нельзя! Это старое! Это мне мать дала. А моей матери ее мать. А ты... нельзя рэзать! — В ее голосе громче стал слышен дагестанский говор.

Она несколько раз твердым и толстым своим ногтем провела по царапине, стараясь ее загладить. Потом аккуратно поставила оловянную посуду на полку за пестрой занавеской... Края у двух тарелок от времени погнулись и отвисли, словно поля шляп, побывавших под дождем.

А еще у бабушки были две медные кастрюли и котел. Она чистила их песком и куском пемзы.

Такой кругом скрип стоял, такой визг и скрежет!.. А бабушка будто не слышала этого — чистила да чистила и что-то приговаривала на непонятном языке. Проходило время, и кастрюли постепенно начинали блестеть.

— Вы что им говорите? — спросил Хаджи-Мурат.

Бабушка посмотрела на него, вздохнула:

— Чтобы чистились хорошо... Так уж они привыкли. И я привыкла...

— А почему вы по-аварски говорите?

— Это, Хаджик, не аварский язык. Это кумыкский.

— Кумыкский? — удивился Хаджи-Мурат. — А почему?

— А я кумычка, дорогой. Дед твой аварец, а я кумычка... Здесь селение — аварцы живут, мой кумыкский, — она развела руками, — кто там знает?..

— А дедушка? Как же он тогда женился?!

— Когда женился, — бабушка улыбнулась, — когда женился, знал... А теперь... эээ, Хаджик... С аварцем, да на аварской земле, да по-кумыкски говорить? — Она опять улыбнулась и покачала головой. Кивнула на медные кастрюли. — Вот с ними только и говорю по-кумыкски!..

«А как же я? — вдруг подумал Хаджи-Мурат. — А как же мне?»

Он спросил:

— А как же я?

— Что — ты? — не поняла бабушка.

— Я... я же аварец?

— Э-э-э! — махнула рукой бабушка. — Дед твой аварец, а бабка кумычка, а мать лачка!.. Она засмеялась и закашлялась.

— Кто же я тогда? — спросил удивленно Хаджи-Мурат.

— Говори: дагестанец! Весь Дагестан твой!



Бабушкин взгляд так ласков, что уж никак тут нельзя ошибиться: это его бабушка.

Но странно было на душе у Хаджи-Мурата!.. Псковским ребятам он просто мог сказать: «Я дагестанец». И в Сибири он тоже был просто дагестанец. В детском саду на утренниках так и объявляли: «А сейчас Хаджи-Мурат Магомедов исполнит свой национальный дагестанский танец лезгинку». И он лихо вылетал на середину комнаты, а все начинали хлопать в такт музыке.

Но здесь, среди этих гор, как-то странно было говорить: «Я дагестанец». Потому что здесь, кого ни спроси, он ответит: «Я аварец, я лезгин, я лак, я даргинец». Больше тридцати разных национальностей!

И только он, Хаджи-Мурат Магомедов, был как будто ничей. Хотя у него и отец, и мать, и дед, и бабка — все дагестанцы. И даже родился он в дагестанском городе Буйнакске!

Но раз так, к чему эти разговоры? Какой же он ничей! Он и есть настоящий дагестанец. Даже настоящей самого настоящего: он и аварец — по деду, он и кумык — по бабке, он и лак — по матери!.. Так неожиданно его грусть вдруг обернулась весельем и гордостью. Он вскочил с истертого круглого камня, что лежал у порога. Сила бродила в нем, словно молния в туче.

— Бабушка Патимат! — крикнул он. — Давайте я вам чего-нибудь сделаю!

— Что с тобой, Хаджи-Мурат? — На порог из темноты дома тяжело вышла бабушка. — Есть хочешь, да?

— Я сделать что-нибудь хочу! Или сходить могу. В магазин...

— Э-э-э, магазин! — усмехнулась бабушка. — У меня свой магазин! Ты мой гость — отдыхай... — Однако потом она глянула внутрь дома, подумала. — Вода у меня есть... Вот пойди в Колóб, купи арбуз. Сегодня дед придет...

«Дед придет...» Хаджи-Мурат еще не видел своего деда. Он чабанит, пасет колхозную отару в горах. Сегодня вернется. Будет неделю жить дома, а в горы пойдет другой пастух, Гаджи Магомедович, тот самый Гость, что привез приглашение.

Взял Хаджи-Мурат торбу, взял рубль денег и побежал в Колоб. На автомобиле до Колоба десять километров. А по горной тропинке — наверх, наверх, наверх, наверх, а потом все вниз и вниз — будет километра три.

Хаджи-Мурат споро пошел по тропинке. Сердце его билось — и оттого, что дорога круто забирала в гору, и оттого, что вечером предстояла встреча с дедом. Он уже здорово запыхался, но еще и еще прибавлял ходу. Бежал и думал: «С такой тренировочкой я кросс по лыжам среди младшего возраста, как нечего делать, выиграю!»

А старая Патимат, стоя внизу, у старого своего дома, глядела, как по горе весело скакал ее внук, и думала: «Ай, молодец, ай, дагестанские ноги, молодец!»

Здешние селения чем-то напоминали те псковские деревеньки, в которые они не раз попадали с отцом во время долгих грибных походов или когда возвращались на мотоцикле с рыбалки. Хотя, конечно, и дома были другие, и деревья кругом, и люди, и даже солнце было другим. Но какая-то особая тишина их объединяла — тишина оттого, что и здесь и в тех далеких сейчас псковских деревеньках жили большей частью старые люди.

Молодежь из крохотных горных кули уходит в города, селения побольше, на равнину. И семьи с собой захватывают, ребят. В Гецебе, например, Хаджи-Мурату и поиграть-то не с кем. Видел он там однажды девчонку лет семи. Но какой с ней интерес? А Колоб побольше — школа есть, восьмилетка... Но и здесь тоже ребят сейчас не найти. Они все на лето ушли с отцами да с матерями на равнину. Там почти все колхозное хозяйство — поля, бахчи.

Хаджи-Мурат взошел на вершину перевала. Ледяной чистый ветерок тронул его горячую щеку, открыл ворот рубахи. Внизу, немного в стороне, лежал Колоб. Он был, казалось, совсем недалеко. Только бы вот через пропасть перелететь до следующей горы...

А тропинка между тем — у нее тоже ведь крыльев не было — уходила вправо, вилась-вилась, словно нитка, по карнизу горы, потом спрыгивала в неглубокое ущелье... Хаджи-Мурат даже сначала подумал, что это не та тропинка, но пригляделся получше — та. Вот она выбирается наверх и прямо к трехэтажному дому, что высится одиноко на плоском уступе, у края горы, как бы у входа в селение. Это школа.

Все другие дома Колоба стояли, как и в Гецебе, один над другим, прислоненные к скале. Только было их куда больше. И все вместе они походили на один огромный дом. Но странный какой-то, непривычный для глаза — со множеством неровных этажей, со множеством окон, расставленных и так и эдак, со множеством дверей, террасок, колонн.

И непонятно было, как вся эта груда жилья держится на такой крутизне, как не скатится она вниз дружной грохочущей лавиной. Однако дома стояли себе и стояли один на другом, один на другом, как акробаты! И, наверное, давно стояли. А кое-где, видно было, строились новые.

Дагестан, думал Хаджи-Мурат, вот тебе и Дагестан! В душе его просыпалось что-то просторное и светлое, как это небо над головой, которое одно-единственное сумело обнять все горы, весь Дагестан разом!..

В горах почти не было той тяжеловесной жары, какая бывает внизу. Там солнце тяжелое — словно утюгом по земле проползает, словно горчичником жжет тебе затылок. А здесь каждый лучик его как бы светил отдельно. Все вместе они покалывали кожу острыми и щекотными иголочками. Приходилось то и дело крутить головой, чтобы не все иголки тебе в одну щеку втыкались.

Но стоило чуть отойти за камень, в тенек, и сразу лето словно кончалось. И было очень хорошо понятно, почему мужчины здесь так любят ходить в теплых папахах.

Вслед за тропинкой Хаджи-Мурат сбежал в

ущелье, по камням перешел небольшой, но бедовый ручеек. Потом поднялся полого — и вот она стояла перед ним, Колобская восьмилетняя школа.

За спиной у нее разбит был яблоневый сад. Вернее, не сад, а садик, потому что ровной земли здесь мало — уместилось только пятнадцать или двадцать яблонь. Но зато каждая — красавица! Яблоки заманчиво выглядывали из-под листьев.

После ходьбы по прыгучей тропе, конечно, хотелось яблочка съесть! Однако Хаджи-Мурат не решился через низенький забор перемахнуть: мало ли... Он только постоял, поглядел и пошел дальше, вздохнув.

И правильно сделал! Не прошел он и десяти шагов, как увидел старика. Тот сидел, привалившись к большому камню, сам словно каменный. Сидел и глядел из-под тяжелых бровей на Хаджи-Мурата.

— Салам-алейкум! — сказал Хаджи-Мурат на всякий случай.

Старик кивнул и поманил его рукой. Хаджи-Мурат подошел к забору. Старик медленно поднялся, опираясь на высокую, выше него самого палку, и сказал несколько непонятных слов. Хаджи-Мурат улыбнулся неловко, повел плечами:

— Я не понимаю!..

В глазах старика мелькнули удивление и вроде бы усмешка. Он сорвал яблоко с ближней ветки, дал Хаджи-Мурату и показал рукой: иди.

И стало на душе у Хаджи-Мурата не очень-то хорошо! Вот тебе и дагестанец, думал он, простых дагестанских слов не понимаю!.. Он шагал вверх по колобским улицам, которые, словно ручьи, переплетались, расходились — с горы бежали ему навстречу. Как здесь арбузную лавку найти?.. Спрашивать он не решался, шел наугад — вверх и вверх, в глубь селения. А из высоких окон, с плоских крыш на него смотрели дагестанские старухи — строго, словно снайперы.

Сколько же придется ему плутать по этому селению? Все улицы одинаковые, одна перепутывается с другой... Но не знал он того, что заблудиться здесь очень трудно. Все ручейки и речки вытекают обычно из какого-нибудь озера, а все улицы дагестанских селений начинаются на площади.

Селение Колоб было не так уж велико. Только по сравнению с Гецебом оно казалось большим. Уже минут через пятнадцать Хаджи-Мурат вышел на площадь.

Последняя улица была особенно крута. И ее сделали длинным-длинным рядом каменных ступеней — высоких и неровных. Идти по ним было неловко... Хаджи-Мурат пыхтел вверх со ступени на ступень и вспоминал, что однажды уже ходил по такой вот улице-лестнице. Это было в Таллине! Однажды они всей семьей взяли да и махнули из Пскова в Таллин — там недалеко. За воскресенье обернулись, вечером уже были дома.

Они шли тогда по этой улице-лестнице, и так странно было смотреть: на каждой лестничной площадке дверь, и номер дома, и звонок, и почтовый ящик... Та улица тоже была крутая, не дай бог! На какой-то из площадок они остановились отдышаться. И отец еще над ними подсмеивался, что, мол, эх вы, дагестанцы!.. А потом он вдруг сказал, что если не ошибается, то всякому, кто пройдет по этой улице, привалит счастье. Они с мамой тогда только усмехнулись в ответ, потому что люди здесь просто толпами должны бы гулять. Однако ничего подобного не было: от первой до последней ступеньки улица была пуста...

И все же, когда они поднялись, Хаджи-Мурат нашел замечательный значок — вот и не верь в приметы!..

Так он думал, шагая по ступенькам колобской улицы. И когда дошел доверху, увидел перед собою площадь. А слева была лавочка, выкрашенная в зеленый цвет. Перед нею толкалось несколько человек. И каждый, кто отходил от лавочки, уносил с собою арбуз. Что ж, видать, и правда улицы-лестницы приносят счастье!

Хаджи-Мурат встал в очередь, прицелился взглядом на облюбованный арбуз и стал ждать. Арбузы, как известно, надо покупать со вкусом: выбирать, щупать, слушать, трещит или нет. Но что было делать Хаджи-Мурату, если он не знал ни одного дагестанского языка!

Когда подошла его очередь, Хаджи-Мурат молча указал пальцем на свой арбуз. Продавец что-то спросил его по-аварски, а может, и не по-аварски. Хаджи-Мурат кивнул. Продавец страшно удивился, переспросил: «А?!» Хаджи-Мурат снова кивнул. Тогда продавец расхохотался во все горло, взял арбуз, подбросил его на ладони, взвесил, что-то еще сказал. Хаджи-Мурат поскорее протянул рубль, томительно ожидая, что продавец опять о чем-нибудь спросит... Но продавец, на счастье, уже перестал им интересоваться. Он, не глядя, дал сдачу, а сам поверх Хаджи-Мурата разговаривал со следующим покупателем.

Солнце висело над самой головой. Острые лучи его кололись сильнее обычного. Настроение у Хаджи-Мурата было неблестящим.

Он спустился к школе и пошел по тропинке в Гецеб, пошел, не замечая ни могучих отвесных гор, ни удивительной хрустальности воздуха, ни громадных теней, что падали с гор темными лавинами.

Арбуз казался ему слишком тяжел, словно был начинен дробью. Хотя в другое время Хаджи-Мурат, наверное бы, скорее порадовался этой возможности потренироваться с отягощениями перед будущими осенними соревнованиями на значок ГТО.

Наконец Хаджи-Мурат не выдержал: поставил — чуть ли не бросил — этот треклятый арбузище на землю, прямо на острые камни. Он только что перешел ручей — в ущелье было сыро, тенисто, камни лежали кругом неприветливые, холодные. Так и казалось: дотронься — сейчас же из них выступит вода...

Ему здесь не нравилось, в этом месте, он начинал сердиться.

Ну и пусть в конце концов, что он не знает никакого дагестанского языка! Мало ли кто какого языка не знает! Вот они ездили в Таллин. Никто в их семье по-таллински, то есть по-эстонски, говорить не умеет. Когда нужно было спросить что-то, спрашивали по-русски. Кое-кто понимал и отвечал, кое-кто не понимал... Ну и велика важность, ну и подумаешь, какое дело! И никому не было стыдно, не было так тоскливо-неприятно, как Хаджи-Мурату сейчас, когда он встретился с тем сторожем и с продавцом арбузов.

Чепуха какая-то! Нечего ему стесняться. Хаджи-Мурат нахмурил брови, решительно поднял арбуз... Абсолютно нечего! Он всегда может спросить и ответить по-русски! Не все ли равно? Лишь бы было понятно!.. Почему он обязан знать дагестанский язык?

И вдруг кто-то словно крикнул ему в ответ:

— А потому ты дагестанский язык знать должен, что ты дагестанец, ясно?!

Уже без всякого отдыха, будто виноватый в чем-то, он втащил арбузище на гору. И там, наверху, только вздохнул раза два и пошел — упрямо, чувствуя, как арбуз с каждым шагом давит на плечо все больнее.

Так он и вошел в селение — мрачный, решительный, с закушенной губою, с плечом, онемевшим под тяжестью арбуза.



...И каждый, кто отходил от лавочки, уносил с собою арбуз.

Он уже был почти у дома, когда услышал вдруг:

— Хаджи-Мурат! Хаджи-Мурат! Погоди, мальчик!

По извилистой и узкой улочке быстро шла бабушка Патимат — шла, задевая старыми своими ногами за камни, спотыкаясь опасно. И все-таки спешила, спешила! Хаджи-Мурат поскорее снял с плеча проклятый арбуз, бросился навстречу бабушке и, показалось ему, едва успел поддержать ее. Ноги старой Патимат совсем отказывались повиноваться...

И тут бабушка Патимат, до того погруженная в свои какие-то тревожные мысли, вдруг остановилась резко, будто перед пропастью:

— Ай! Хаджи-Мурат! Старый Гаджи упал!

— Гаджи Магомедович? — Хаджи-Мурату сразу представилось лицо того странного Гостя, что приехал к ним в Псков приглашать...

— Упал посреди двора! И ничего не говорит! Лежит будто каменный!

— Умер?! — испуганно спросил Хаджи-Мурат.

— Ай, умер! — воскликнула бабушка. — Если б умер, зачем спешить? Жив пока, слава аллаху!.. Ступай скорее обратно, в Колоб. Пусть доктор едет!.. Я другим сказала: не ходите! — Она развела руками. — Все старые!

— Зачем другие?! — закричал Хаджи-Мурат. — Я сам! Я быстро!

И он побежал вверх по улице, а потом по знакомой уже крутой тропинке. И сразу вся усталость его — от арбуза, от плохого настроения — пропала. Не до себя ему теперь было!.. Он чувствовал, как много в нем сил. Как он эту дорогу одолеет в два счета.

А бабушка Патимат опять глядела ему вслед и думала, что нет, не может быть сомнений, это сам аллах прислал ей внука. Ишь ты, какой складный, спорый! Он и по горам-то никогда не ходил, а вон как шагает! Дагестанец! Дагестанская кровь, дагестанские ноги!.. Он успеет, привезет врача.

И еще поднимется старый Гаджи, еще посмотрит на горное небо. Еще посидят они вместе с ее Магомедом... Будут сидеть молча и глядеть, как внизу, по ущелью, проплывают бело-синие облака. Один из них дотронется до плеча другого: мол, видишь? Во-о-н там?.. Другой медленно кивнет головой.

А старая Патимат будет стоять у входа в дом и смотреть на их спины, на их головы, покрытые косматыми папахами, смотреть и вспоминать те времена, когда они были молоды...

Быстро-быстро шагал Хаджи-Мурат. На гору, вниз через ущелье, где шипел и сердился ручей, и снова на гору, мимо Колобской школы, по крутым узким улицам. И вот он опять стоял на площади... Но где тут больница?.. И спросить не у кого...

Опять ему стало не по себе... Ни одного знакомого... Кроме того, в арбузной лавке...

Высокий человек лет пятидесяти в черной гимнастерке, с распущенными, как две метлы,



Продавец сел на свой мопед и крикнул Хаджи-Мурату: «Подталкивай! Подталкивай! Садись!»

усами протянул арбузному продавцу трешку и совсем уже собрался что-то сказать, да тут Хаджи-Мурат проснулся:

— Я только спрошу, и все!.. Мне больница нужна! Вы не скажете, где здесь больница?

— Что кричишь, дорогой? — весело спросил продавец. — То арбуз покупаешь — молчишь, то ничего не покупаешь — кричишь! Зачем больница, а? Кто заболел?

— Старый Гаджи, знаете? Упал у себя во дворе и лежит, как каменный!.. Гаджи Магомедович из кули Гецеб.

— А?! — закричал продавец, схватил трешку, которую все еще протягивал ему усатый, сунул ее в карман, но тотчас выхватил обратно. — Ай, погоди, слушай!.. Гаджи заболел!

Он быстро схватил табличку, на которой было написано «Перерыв на обед», прицепил ее на весы. Очередь недовольно загудела. Но продавец в это время уже разгонял свой мопед, кричал Хаджи-Мурату:

— Подталкивай! Подталкивай! Садись!

Он проехал вдоль очереди, словно полководец, оглядывающий свои войска, крикнул:

— Пять минут туда, пять минут назад! Все! Восемь минут меня не будет! — И еще что-то прибавил по-дагестански.

Они скакали вверх по колдобистым улицам. Хаджи-Мурат сидел на багажнике, ухватившись за широкую ковбойку продавца, ноги его болтались и так и сяк — то чуть не попадая в спицы, то чиркая по белесым камням.

Они ехали все в гору и в гору. Вот уже дома кончились и кончились коричневые глинобитные заборы. Осталась только дорога: с одной стороны громоздилась гора, с другой был обрыв. Мопед ревел, казалось, из последних сил и все неохотнее лез по крутой дороге.

— Ай, притворяется! — крикнул через плечо продавец и поддал еще газу, словно плетью ожарил нерадивого коня. И мопед пошел быстрее, и рев его вроде бы стал не такой надсадный.

Больница была старинным каменным двухэтажным зданием, совершенно непохожим на все остальные здешние дома. Она тоже стояла на площади, которая вся была покрыта густою травой. Чуть выше начинался лес — березы, елки... И больничный дом высовывался из этого леска, словно в прятки с кем играл.

Арбузный продавец бросил рычащий мопед и побежал в больницу. А Хаджи-Мурат остался на густом лугу, который, по правде говоря, мало чем отличался от летних псковских лугов. И березы были те же, редкие елки стояли среди них, словно колдуньи на свадьбе.

Но стоило перевести взгляд чуть в сторону, и с этого почти псковского луга далеко впереди видны были гряды гор — головы то зеленые, то коричневые, то какие-то белесые. Еще дальше — то ли туман, то ли дым, то ли заблудившиеся облака. А еще дальше — высокие вершины, за которыми уже не видно ничего.

А вон внизу, и довольно близко, лежит перевалец, по которому уже трижды сегодня проходил Хаджи-Мурат. И за ним Гецеб — горсть домишек, прилепившихся к горе. И так ненадежно они висят и такие крохотные отсюда! Кажется, пролетит орел покрупнее, крылом заденет и...

В одном из этих домов лежит старый Гаджи, а бабушка и другие женщины хлопочут над ним. И сейчас туда помчит «Скорая помощь»... Вот она уже выехала, уже шофер хлопает дверцами, торопливо шагает врач в белом халате, размахивая на ходу саквояжем. Хаджи-Мурат бежит к машине, желтеющие колосья травы хлещут его по коленям.

— Эй! — кричит ему арбузный продавец. — Гаджи от меня привет! Молодец! Джигит! — И на прощание хлопает о ладонь Хаджи-Мурата своей ладонью — прощается, как со взрослым!

Хаджи-Мурат сидит на лучшем месте, рядом с шофером, которого зовут Юсуп. Пропасти и горы летят им навстречу. Но не слышно ни скрипа тормозов, ни адского завывания мотора. Дорога будто сама стелется под колеса. Юсуп ведет машину плавно и стремительно — аж сердце замирает.

«А Сайгит-то на своем «газике», — подумал вдруг Хаджи-Мурат, — то разгонится, то остановится. И летаешь, как мячик, — или затылком об сиденье, или носом об ветровое стекло. А скорости никакой».

Так подумал он, и стало ему неловко от своих мыслей, словно он друга предал. Словно кому-то пожаловался на Сайгита. Но здесь их машина как раз сделала последний поворот и легко, словно на крыльях, влетела в Гецеб.

Прошло два часа. Старого Гаджи уже перенесли в его дом. Подле него сидела тетя Саидат и неотрывно, с болью смотрела в лицо Гаджи.

На улице, у дома, доктор объяснял всем что-то по-аварски, время от времени вставляя одни и те же русские слова: «Кровоизлияние... кровоизлияние в мозг».

День уже стал клониться к вечеру. Солнце — отяжелевший воздушный шар — медленно опускалось на горы. Хаджи-Мурат готовился в дорогу. Бабушка укладывала в его рюкзак сыр, большие лепешки, «черные камни» сушеной баранины. Еще она положила в рюкзак теплый свитер Хаджи-Мурата и толстые шерстяные носки, которые успела ему связать за эти дни.

Хаджи-Мурат обедал — ел хинкал из большой оловянной тарелки. А это такая сытная еда, что уже ничего больше не надо, только чаю выпить, и все.

Бабушка, уложив рюкзак, тяжело подошла к столу, села напротив Хаджи-Мурата.

— Доктор, видишь, что сказал — покой! Ну если бы лекарства или машины особые... А покой, — бабушка показала рукою в окно, — туда смотри — покой, туда — покой, все покой и покой!..

Хаджи-Мурат кивнул в ответ: за окном горы молча высились одна над другой. Тишина лежала на всем, словно невидимый снег...

Он съел хинкал, вздохнул, отодвинул тяжелую тарелку, хотел встать из-за стола.

— Погоди! — сказала бабушка. — Деду бу-

дешь говорить так. Будешь говорить: просто занемог Гаджи. Доктор в горы не пустил. И ничего больше не знаю!..

Потом вдруг без всякой остановки:

— Э-э-э! Говори все как есть!.. — Бабушка тяжело рукой махнула. — Теперь пойдем. — Они вышли во двор перед домом. Старая Патимат раздвинула ветки яблони. — Вон куда тебе надо, вон белая скала. Замечай! Там тропинка. Вон-вон, видишь? По ней иди — за горой дерево большое, иголки... Как называется?

— Елка, — сказал Хаджи-Мурат.

— Елка на Новый год, да?

Хаджи-Мурат кивнул и невольно улыбнулся.

— А то не елка, — продолжала строго бабушка. — Другое. Длинные иголки.

— Сосна?

— О! Сосна! Там деда жди... Не заблудись! Замечай тропинка. Говорю опять: кусты, камень, камни красные, после дерево сухое...

Хаджи-Мурат кивнул. Почти полмаршрута было у него прямо перед глазами. Тропинка, показанная бабушкой, лежала на противоположной горе, словно на огромной карте. Правда, всего отсюда не видать — за холмами, за поворотами. Но это не так уж важно, решил Хаджи-Мурат.

Однако бабушка, уже надев на него рюкзак, велела еще раз повторить все приметы дороги. Хаджи-Мурат повторил их, как стихотворение... И пошел. Бабушка молча глядела ему вслед.

Он шагал по селению вниз, к автомобильной дороге. Из каждого дома его провожали своими цепкими, снайперскими взглядами то старик, то старуха. Но теперь Хаджи-Мурат спокойно глядел им в ответ. Он шел по важному делу.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



Михаил АБРАМОВ

Клятва

Курган горстями был насыпан,
Спокоен павших в битве сон.
Шагаем трепетно по плитам,
Читаем золото имен,
Где вечный плещется огонь.

Над ним солдат — лицом на запад,
Он с той войны еще
Суров.
Травы зеленой
Нежный бархат
Цветет,
От пламени багров.

Огонь полощется по ветру,
Как знамя красное,
Шумит...
Сосновый бор в полсотни метрах
От голубых, как небо,
Плит
Покой защитников хранит.

И словно лебеди над полем,
Цепочка белых облаков,
А над распахнутым привольем
Мелькают вспышки мотыльков.
Да слышен шепот колосков...

Стоят ребята полукругом,
Июль скользит по лицам смуглым,
И даль открыта голосам,
И эхо
Ходит по лесам.

«Клянемся,— эхо повторяет,—
Надежды дедов оправдать!
Клянемся! Никогда родная
Земля не будет горя знать,
Не будут матери рыдать!

Клянемся! Небо будет чистым!
Клянемся в дружбе вечно жить!
Но если вдруг беда случится,
Коснется враг родной границы,
Врага клянемся сокрушить!»

«Клянемся!» — пламенно и гордо
Звучало музыкой окрест.
И разносил далеко лес
Под легким куполом небес
Ребячьих голосов
Аккорды!



ТЫ, Я, НАШ ОТРЯД

ВСЕ ВМЕСТЕ

На набережной Тараса Шевченко, окнами на Москва-реку, стоит дом № 3. Дом непохожий на все другие соседние дома. Потому что в нем вместе с Мишей и Витей, вместе с Катей, Машей и другими ребятами живет еще воображала-изобретатель Смекалкин, волшебный гном, мудрейшая тетушка Сова... В отличие от других обитателей дома у них нет почтовых ящиков и никто не знает номеров их квартир. Это персонажи спектаклей, которые ставит Театр Сказок. А создали этот театр в своем доме ребята вместе с Ольгой Сергеевной Романовской.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Летом многие москвичи, особенно те, у кого в семье малыши, уезжают на дачи. У Ольги Сергеевны трое ребят. Самый маленький Гришка (его-то и приходилось потом возить на репетиции в коляске) и две дочери: Ленка и Аня.

И вот летом на даче по случаю дня рождения десятилетней Елены решили дать семейный спектакль. «Принцессу на горошине». На его премьеру, в которой приняли участие папа, мама, Ленка и Аня, пришло несколько соседских ребят. Спектакль имел ус-



И. ГОЛУБЕВА

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА.

пех. Зрители потребовали повторения и привели своих знакомых. Да еще сами захотели выступать. А к концу лета на маленькой террасе Романовских умудрялось разместиться человек пятьдесят — почти все детское население дачного поселка. Их никто не уговаривал приходить, а они приходили. Ольга Сергеевна говорит: это оттого, что людям лучше, когда они вместе и когда есть общее дело.

Если бы я сказала, что Ольга Сергеевна добрая фея, и рассказала, как она, заметив, что ребята во дворе ее дома скучают, подарила им... нет, не волшебную палочку, волшебную идею создать свой театр,— это было бы вполне в духе Театра Сказок. Но Ольга Сергеевна не фея. Она просто очень хороший человек, готовый без всякой корысти делиться своим временем, добротой и умениями с другими.

СОСЕДИ

Семь подъездов, восемь этажей, несколько сотен квартир. В таком доме живет около тысячи людей, из них ребят младше пятнадцати лет, наверное, сотни три. Они проходят мимо друг друга во дворе, сталкиваются в лифте и по дороге в булочную, у почтовых ящиков. И при этом нет ничего странного в том, что Миша из двадцать пятой квартиры не знаком с Машей из двести пятой квартиры, хотя и не раз видел, как она проходит по двору с папкой для нот или портфелем. Странного ничего нет, а есть проблема большого города, над которой размышляют даже ученые. Хорошо это или плохо, когда люди живут в одном подъезде лет десять и при этом не знают, как кого зовут?

И вот появляется в таком доме самодеятельный театр. Это значит, что тридцать ребят, которые записались в труппу этого театра, подружились и еще сто пятьдесят человек, которые пришли посмотреть его спектакль, познакомились. И Миша из двадцать пятой квартиры теперь знает, что Маша из двести пятой, которая раньше только проходила мимо и вроде бы даже задирала нос из-за своей нотной папки, неплохая девчонка.

Может помочь выкроить костюм для Мишкиной роли. А кроме Маши, он познакомился с Олежеком, с Алешей и другими ребятами. Вроде бы ничего не изменилось, а на самом деле ему больше открылся мир других людей. И незнакомые соседи стали соседями в лучшем смысле этого слова. Ведь даже в словах «соседские отношения» есть что-то уютное, доброе и надежное. Мишка этого не помнит, но вот рассказали ему недавно, как в войну в одной коммунальной квартире соседу дяде Леше удалось наквасить бочку капусты и все население этой квартиры, подкармливавшееся из этой бочки, до сих пор, тридцать один год спустя, соседу дяде Леше благодарно.

То, что Миша приобрел новых друзей, это понятно. Он человек общительный. Чем больше друзей, тем лучше. А вот Маша... У Маши день расписан по часам: английский, музыкальная школа, уроки, и... день, считай, закончился. Как найти при таком строгом расписании время, чтобы кроить костюм для Мишки и участвовать в спектакле?..

Но если разобраться, дело не только во времени. Его можно найти, просто не каждый этого хочет. Представляю, как встревожились сейчас некоторые девочки и мальчики: что же, нам бросать английский и музыкальную школу и кроить костюмы для каких-то Мишек?

Маша, та, какой я представляю ее до появления театра, немножко похожа на богача, который непрерывно складывает в мешок свои сокровища: знание языка, музыки, прочитанные книги. (И есть люди, у которых эти богатства до конца жизни так и пролежат и никому никогда не принесут счастья.) А Маша, та, какой я ее вижу сейчас,— это человек, который делится своим богатством с другими. Будет плохо, допустим, у Мишки, Вити или Алеши с английским в школе, она поможет.

Этому нужно научиться — быть добрым соседом. И в своем театре, где ребята проводят вместе много времени, где они подружились, они учатся этому — быть щедрым.

УЧИМСЯ ХОДИТЬ...

Интересно заниматься делом, которое чему-то учит. В театре они учатся многому, в том числе искусству двигаться и говорить.

Тебе когда-нибудь приходилось выходить на сцену? Попробуй — и увидишь, до чего ты неуклюж. Ноги прирастают к полу и кажутся деревянными, такими же, как руки и шея. А голос! Еще минуту назад ты мог окликнуть, возмутиться, пошутить, и тебя понимали. А теперь тем, кто слушает тебя из зала, кажется, что во рту у тебя осталось кое-что от завтрака — так нечленораздельно звучит твоя речь. Что и говорить: двигаться по сцене, говорить со сцены, не бояться сцены надо уметь.

Нечто отдаленно похожее ты испытываешь на своей маленькой сцене — у доски. Урок, прекрасно выученный и прекрасно произнесенный вслух дома, наедине с самим собой, выглядит нелепым бормотанием от волнения и скованности, которые ты чувствуешь, когда тебя вызывают к доске. Вроде бы знаешь, а сказать не можешь. И получаешь вместо пятерки четверку, а то и тройку. А обижаться-то не на что: никто не обязан вслушиваться в твое бормотание и расшифровывать его.

Есть в театре одна девочка. Когда-то свою первую роль (одну только фразу «Получите телеграмму») она училась произносить месяца два. А фраза все никак не получалась, никто, кроме самой девочки, расслышать ее не мог. Больше того, на генеральной репетиции она даже эти два слова с испугу забыла. И вообще была такая застенчивая, что вечно с ней на сцене случались приключения — то споткнется, то заденет что-нибудь. А теперь... эта девочка одна из «ведущих актрис».

Недавно в театр приходила ее мама и благодарила ребят и Ольгу Сергеевну. Оказывается, в школе тоже заметили «волшебное превращение». Девочка перестала стесняться, прекрасно отвечает у доски и получает пятерки. И не потому, что стала лучше учить уроки, она и раньше прилежно их учила,— она научилась спокойно держаться, внятно говорить. Она теперь не волнуется, когда отвечает, и поэтому может сосредоточиться.

САМООТВЕРЖЕННЫЙ ТЕАТР

У Театра Сказок самоотверженный характер.

Характер ребят, которые его создавали. Помнишь Урфина Джюса? Все его солдаты, которых он вырезал из дерева, выходили со злыми и глупыми физиономиями. Вещам передаются привычки человека, который их делает. А театру и подавно — это ведь почти живое существо.

Как-то они поехали выступать в одну из школ своего района. Долго готовились. Упаковывали реквизит. А в назначенное время автобус, обещанный шефами с завода, не пришел. Случилось что-то. Они здорово промерзли и устали, пока добрались со своим багажом до школы, и увидели... что актовый зал, в котором они должны выступать, закрыт на ремонт.

В общем, они имели полное право обидеться на жизненные обстоятельства и уехать. Но они выступали. В физкультурном зале. И зрителям, конечно, было хуже видно и хуже слышно, чем в настоящем зале со сце-

ной... Но зато теперь в этой школе ждут не дождутся их очередного приезда.

У них допотопная осветительная аппаратура. Что поделаешь! Театр самодеятельный. И однажды во время спектакля у штатива, на котором укреплен прожектор, отвинтилась какая-то очень важная гайка. Чтобы не прерывать спектакль, осветитель Миша Еганов до конца действия держал горячий, почти как сковородка, штатив руками. Это был обычный спектакль для малышей, и он имел полное право сказать: «Извините... по техническим причинам...» Только он этого не сделал. Из-за малышей, которые зачарованно смотрели на сцену, из-за своих друзей, которые в это время выступали.

Конечно, нельзя сказать, что у них совсем нет «подводил». Даже можно рассказать про одну девочку, из-за которой спектакль чуть не сорвался. Она просто не пришла, ей было некогда. А театр вроде бы не школа, здесь за прогул не накажут, можно прийти, можно нет...

Только «погоду делают» в театре не такие, как она. А такие, как Миша Еганов. Как Олежек Каратун. Олежеку всего шесть лет, он читает еще по слогам. Но когда он повторяет свою роль волшебного гномика, попробуй его отвлеки — он так на тебя посмотрит, что не по себе станет. Он самый младший в театре. Но он не пропустил ни одной репетиции и никогда не опаздывал, хотя для этого ему пришлось специально научиться узнавать по часам время.

Вот поэтому я и говорю, что у театра характер, как у ребят, которые его создали. И все, кто с ним знаком, чувствуют к нему доверие, как к надежному и верному человеку.

НЕМНОЖКО ПРО СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Лучше всяких аплодисментов было для них появление на репетиции тех, кто обычно проводит свое свободное время во дворе, возле подъезда. Когда холодно, в подъезде. Стоят, болтают, подставляют проходящим «ножки», дразнятся. Тем, кому это не очень нравится, показывают кулаки. Иногда не только показывают. Но это не со зла, от «нечего делать». Когда-то очень многие мальчишки и девчонки во дворе от скуки не знали, куда деваться. «Сделаешь уроки, выйдешь во двор... Ходишь, ходишь, так и не придумаешь, чем заняться. Скучно...» Теперь эти несколько человек из подъезда «последние из могикан».

Они долго не проявляли к театру интереса, говорили: «Это для малышни». И вот стали приходить на репетиции.

Кто-то из театра однажды назвал их «чужими». Слово это неправильное, и в театре его не любят. Потому что получается тогда,



что театр сам по себе: ставит пьесу, объединяет, развлекает определенную часть ребят, а те, «в подъезде», сами по себе: ставят подножки, разбивают в потасовках носы... Признать такое разделение — значит уничтожить один из очень важных принципов театра.

В общем, конечно, радоваться их появлению в театре вроде бы и нечего — они приходят, чтобы мешать. «Воют, кричат петухами, громко разговаривают и делают вид, что им совсем неинтересно»,— как сказал один из актеров театра. Но ребята не обижаются и не прогоняют их. Пускай. Раз приходят на каждую репетицию, значит, заинтересовались, хоть и не позволяет им чувство собственного достоинства это показывать. Пусть «кричат петухами» — это временное затруднение. Все равно они будут с ними. Почему? Только потому, что театр — дело интересное? Но найти интересное дело «человеку из подъезда» и раньше было нетрудно. Каждый день мы проходим мимо объявлений. Дворцы и дома пионеров приглашают в кружки чуть ли не ста наименований: хочешь — вышивай, хочешь — конструируй и води картинг, хочешь — молекулярную генетику изучай. И в маленьком городке этим не удивишь, а в Москве глаза разбегаются — такой выбор. А они все равно — в подъезд. Как будто там, как говорят, «медом намазано».

И вот появился у подъезда конкурент — театр. И он выиграл. Потому что (я опять повторю слова Ольги Сергеевны) «людям лучше, когда они вместе». Потому что в театре дружно и тепло. Здесь уважают тебя за то, что ты умеешь делать. И помогают, если не получается.

Там, в подъезде, ребята тоже вместе, там почти что «клуб»... Но можно быть рядом и чувствовать себя одиноким. Именно это и происходит, когда ребят объединяет только то, что они собираются на ОДНОЙ лестничной площадке и общая цель состоит в том, чтобы «убить» время.

Именно поэтому днем своего успеха ребята из Театра Сказок хотят считать день, когда имя самого «последнего из могикан» появится в их театральной программе. Кем он будет: осветителем, актером или музыкантом в театре или в ансамбле, который ребята недавно создали, чтобы самим озвучивать спектакли? Не это важно.

КАК ДОЕХАТЬ ДО ДОМА № 3?

Вот тут ты и скажешь... Ну, рассказали мне про ребят, которые живут от меня, может быть, за тридевять земель, про далекую Ольгу Сергеевну. А у меня вот во дворе никто не развешивает объявлений, не организовывает театр, не зовет меня в нем участвовать. В театр дома № 3 приходят ребята и из соседних домов и с соседних улиц. Один мальчик вообще из другого района ездит и тратит на дорогу полтора часа. Но мне-то, если я живу в другом городе, как до него доехать? И Ольги Сергеевны такой рядом нет и ребят таких. Нет? А может быть, есть?

Умей искать людей и делать навстречу первый шаг. Представь, что живет сейчас рядом в доме взрослый человек, который помог бы вам организовать хоккейную команду, клуб фехтовальщиков, самодеятельный театр. Но он не знает, что вам это нужно, что вы в этом заинтересованы. А ты живешь в этом же доме и мечтаешь о хоккейной команде, о клубе фехтовальщиков и самодеятельном театре и тоже не знаешь, с чего начать. Найдите друг друга. Для этого нужен твой энтузиазм, твоя выдумка, твоя настойчивость.

Может быть, ты и сам умеешь что-нибудь делать, только не пробовал свои силы? Шьешь игрушки, знаешь много хороших стихов, собираешь библиотеку, играешь в хоккей? Поделись с другим своим умением, научи. Возможно, с этого и начнется в вашем дворе интересное новое дело, которое объединит ребят.

Попробуй свои силы, только не бойся и не отступай. Знаешь, когда Ольга Сергеевна и ребята решили организовать театр, их тоже не приняли с распростертыми объятиями. И некоторые говорили: что это еще за театр такой, жили и без него... От предложения до дела еще далеко. И они скисали иногда и хотели отступить («Что мне, больше всех нужно?»), но... не отступили.

А теперь вопросы к тебе

Как ты проводишь свободное время?

Где у тебя больше друзей: в школе или во дворе?

Чем вы занимаетесь, когда бываете вместе?

Всем ли ребятам хорошо в вашей компании?

Было ли у ребят вашего двора какое-то интересное для вас всех и полезное для окружающих дело? Кто его придумал? Получилось ли оно?

Как помогает вам дружба с ребятами вашего дома, двора в жизни, в учебе, в пионерских делах?

Ждем твоего подробного письма. ТВОЙ ОТВЕТ ОЧЕНЬ ВАЖЕН. Твой рассказ поможет другим ребятам. На конверте делай пометку: «МОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ».



Ребятам, которых художник Евгений Шабельник нарисовал на этой картинке, весело и интересно вместе. У них много общих дел и забот. Видите, они даже забыли про телевизор... А как вы проводите свое СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ?

Катерок

Памяти Героя Социалистического Труда, капитана дальнего плавания О. А. Баканова, который рассказал мне эту историю.

Виталий КОРЖИКОВ

Рисунок И. КРАСУЛИНА.

Давно —
Тому уж долгий срок —
И в зной и в холода
Вдоль Крыма бегал катерок,
Ходил туда-сюда.

Встречал он летом и зимой
Суда издалека
И поводил слегка кормой —
Прихрамывал слегка.

Бывало, мир исколесив,
Моряк спешил домой
И с рейда весело просил:
— Эй, подвези, «Хромой»!

А надо было поживей —
Так чуть не вчетвером
С судов кричали в рупор: — Эй!
Уснули на «Хромом»?!

Не обижался катерок.
Спешил, возил, таскал
И отработанный парок
Быстрее выпускал.

Любил он теплый ветер с гор
И запахи полей,
Любил послушать разговор
Бывалых кораблей,

Потолковать про долгий путь,
Про знойный переход
И с легкой завистью вдохнуть
Хоть запах дальних вод.

И вдруг подумать иногда:
«Эх, вот бы самому!»
Скрипели старые суда:
«Чудак! Куда ему!»

И он, как прежде, ковылял —
Спешил на рейд, на пост
И звезды Африки считал
При свете крымских звезд.

Как знать, какая, где кому
Дорога суждена...
Вот: снилась Африка ему,
А выпала — война!

И катерок рванулся: «В бой!»
Поставили — в запас.
Пока не выпал сам собой
Его особый час.

Ревели «мессеры» в пике,
Бомбили порт и док —
Стоял с гранатою в руке
Матросский городок.

Уже к воде катился бой —
На лодки, на плоты...
Уже над мертвыми
Прибой
Раскачивал бинты.

Всю ночь грузили на суда
Израненных живых,
Но в море тоже — вот беда —
Ждала засада их.

Сдержать врага на малый срок,
Хотя б всего на час!
Вот тут и вышел катерок:
«А я прикрою вас.

Мне не осилить переход,
А их сдержу один.
Мне б только крепкий пулемет
Да напоследок мин...»

И мины взяв наперевес,
Готовый на таран,
Он захромал наперерез
Фашистским катерам.

И вспоминают до сих пор
Все те, кого он спас,
Как он пошел — красиво шел! —
На бой в последний раз,

Как он фарватер пересек.
И вздрогнул горизонт,
Как будто шел не катерок,
А сразу целый фронт!

Бегут, торопятся года.
Но и сейчас, легки,
Уходят в плаванье суда,
Над ним дают гудки.

И если спросит вдруг малец:
— А что там, за кормой?
Вздохнет седеющий отец:
— Здесь где-то наш... герой...

Посмотрит вглубь, как давний друг,
Подумает: «Добро...»
И чайка вдруг опишет круг
И на воду обронит вдруг
Случайное перо.

Про спасательный круг

Нет, он не для парада
Сверкает на виду.
Он слышал свист торнадо,
Он помнит про беду.

Глотал он соль и копоть,
Он дрейфовал в дыму,
И праздно в рубку хлопать
Не хочется ему.

Не хочется болтаться,
На гвоздике плясать,
А хочется
Бросаться
Спасать,
Спасать,
Спасать!

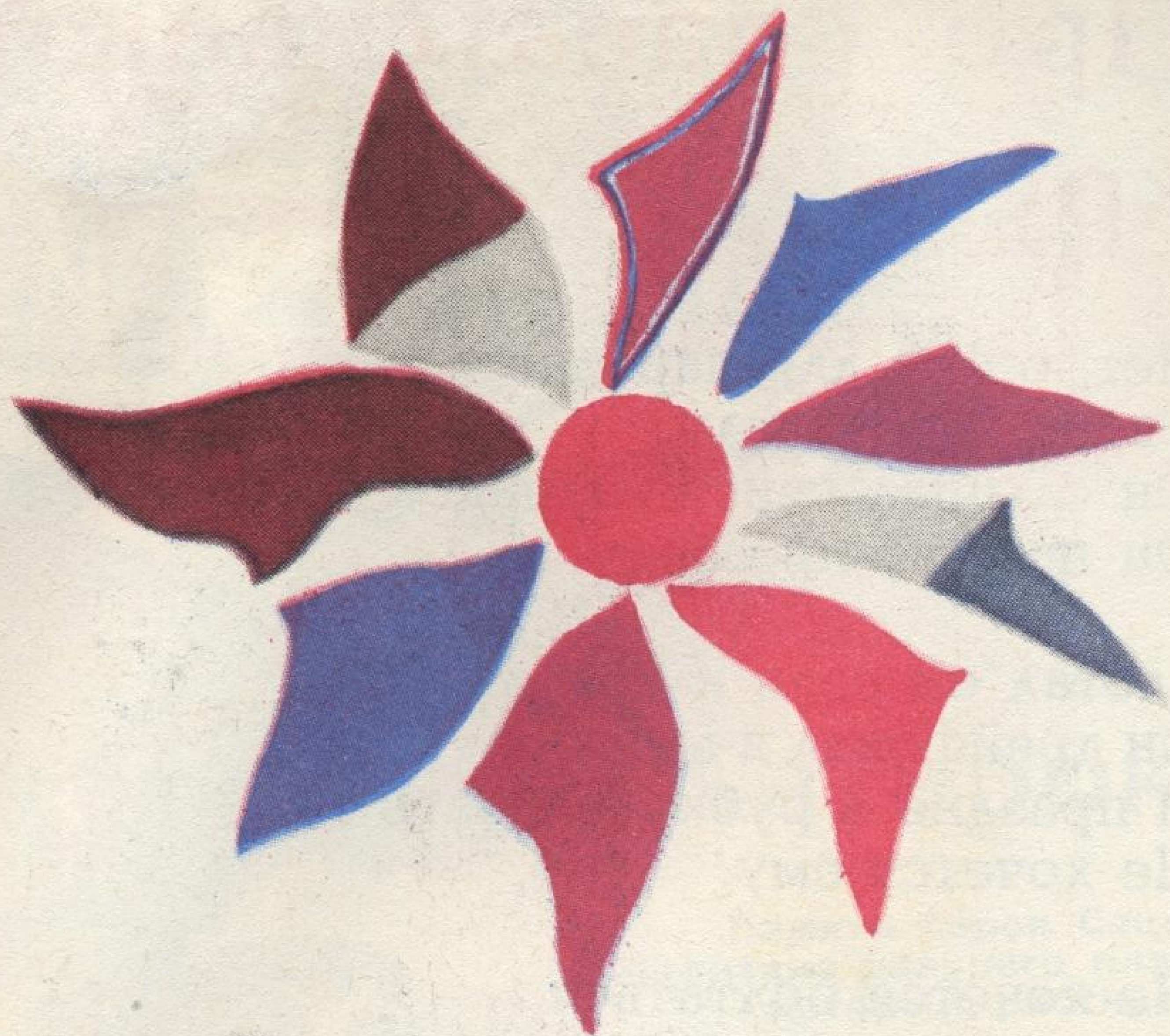
И смотрит он тревожно
В бушующую ночь:
Быть может, можно, можно,
Еще, быть может, можно
Кому-нибудь
Помочь!



Ю. КОРС

Ангола на старте

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ СПОРТСМЕНА



Мы летим в Африку!

«Боинг», принадлежащий португальской авиакомпании, лег на курс. Еще недавно эти же «Боинги» возили в Анголу богатых туристов и дельцов, нефтяных магнатов и алмазных королей. Теперь бывшие хозяева страны не осмелятся сойти в аэропорту Луанды, столицы Анголы. Ангола встречает только друзей: тех, кто помог в трудное время борьбы за независимость. Это социалистические страны и, конечно же, Советский Союз.

Мы летим в Африку, далекую и таинственную, древнюю и совсем юную! В страну, о которой сейчас говорит весь мир, — в Народную Республику Ангола. Там все еще идут кровопролитные бои, ангольцы сражаются за свободу и независимость.

Летим в молодую республику Ангола на соревнования по легкой атлетике. Они входят в программу празднеств, посвященных 15-летию начала вооруженной борьбы ангольского народа.

Более трехсот пятидесяти лет страной правили португальские колонизаторы. Но вот в феврале 1961 года патриоты «Народного движения за освобождение Анголы» (МПЛА) подняли восстание. Колонизаторы жестоко подавили его: многие патриоты были убиты или брошены в тюрьмы, почти полтора миллиона ангольцев содержались в специальных деревнях, охраняемых полицией... Но борьба народа продолжалась. Ее возглавлял руководитель МПЛА товарищ Агостиньо Нето.

Весной 1974 года пал ненавистный фашистский режим в Португалии, и вместе с ним пало и колониальное рабство в Анголе. 11 ноября 1975 года была провозглашена Народная Республика Ангола — сорок седьмое независимое государство Африки. Правительство республики объявило, что Ангола пойдет по социалистическому пути развития. Это пришлось не по вкусу реакционерам в стране и за ее пределами. Против молодой республики выступили мятежники, объединившиеся с расистами Южно-Африканской Республики. Их поддерживали деньгами и оружием империалисты США.

Советский Союз и страны социалистического содружества, верные своему интернациональному долгу, помогли новой африканской республике выстоять в схватке с врагом. Все прогрессивные силы мира выступили в защиту Анголы.

Вот в какой тревожной обстановке ангольцы встречали пятнадцатилетие начала вооруженной борьбы с колониализмом. В дни праздника на северном и южном фронтах все еще сохранялась напряженность.

Молодость Анголы

Луанда. С трапа сходим в полнейшей темноте. Смотрю на небо — оно совсем незнакомое: словно звезды стоят не на своих местах.

Соперниками мы были только на стадионе. Да и там победила дружба!



Пытаюсь найти Южный Крест — у нас дома его не увидишь. Тут к нам подходят две симпатичные девушки, Нини и Розалия, члены молодежной организации Жотто Эмрэла («Молодежь Народного движения за освобождение Анголы»). Они пришли нас встречать.

Утром, за завтраком, оглядываемся вокруг себя — со всех сторон сыплются приветствия. Знакомимся: Куба, Нигерия, Мозамбик, Берег Слоновой Кости. «Здравствуйте, очень приятно!» Советский Союз! «Здравствуйте, здравствуйте».

За нашим столиком одно место пустует, и к нам то и дело кто-нибудь подсаживается, и мы рассказываем о себе, о нашей стране, о спорте, о том, что любят и чем занимаются советские люди. А нам рассказывают о себе.

Спорт в странах Африки стал достоянием народа только после освобождения от колониального гнета. Большинство спортсменов — студенты и рабочие, спортом занимаются совсем недавно.

Много узнали мы от наших новых друзей. Но с особым интересом слушали хозяев. Их рассказы о молодой Анголе поразили нас. Но еще больше удивило то, что мы увидели собственными глазами. Ведь со дня провозглашения независимости прошло чуть больше трех месяцев, но как много уже изменилось в стране!



Конные гвардейцы, участники праздничного военного парада, приосанились в седлах. Сейчас они прогарцуют по центральной площади Луанды.

После бегства колонизаторов экономика страны оказалась подорванной, большинство заводов и фабрик были закрыты. Магазины, кинотеатры, гостиницы, рестораны не работали, транспорт и связь парализованы. Все пришлось начинать заново.



И в труде, и в бою, и в колоннах демонстрантов — всюду, мы видели, впереди была молодежь.

Спустя три месяца по городу уже стали курсировать автобусы, открылись магазины, заработали радиостанции, почта, телеграф. На селе стали создаваться кооперативы...

В 1950 году в Анголе только три человека из ста умели читать и писать. Сейчас по всей стране организованы курсы по ликвидации неграмотности, по техническому обучению. Все технические должности на заводах, фабриках, шахтах и рудниках раньше занимали иностранцы, истинные хозяева страны делали только черную работу. Теперь ангольцы должны сами управлять своей страной. Поэтому главная задача сегодня — учиться.

На гербе молодой республики изображена открытая книга на фоне восходящего солнца, обрамленная цветущим хлопком и кукурузой.

Предстоит сделать многое: пускать в ход предприятия, сражаться на фронте, восстанавливать хозяйство. И всюду впереди молодежь. Вот и организацию наших соревнований взяла на себя молодежная организация Анголы — Жотто Эмрэла (ЖМПЛА).

Мы много путешествовали по стране. Но одна поездка запомнилась особенно.

Наш автобус остановился на деревенской площади, украшенной флагами республики. Нас тут же окружили люди. Пожимаем множество рук и пробираемся к трибуне — мы приехали на митинг солидарности. Горячие речи сменяются темпераментными революционными песнями. Закончился митинг под звуки гимна, рожденного в боях за свободу: «Вперед, народ!». Мы смотрели на решительные лица ангольцев, жизнь которых так стремительно меняется, и невольно вспоминали книги и фильмы о двадцатых годах нашей страны, о великом энтузиазме народа, строившего новую жизнь... Вспоминались и первые пионерские отряды, их песни, сборы и костры...

И там, на залитой тропическим солнцем площади, где шел митинг, мы увидели отряд мальчишек и девчонок. Одни были одеты в наскоро перешитую маскировочную военную форму ангольских патриотов, другие в майки с надписью «МПЛА». На флагах, которые несли ребята, были написаны лозунги, призывающие к борьбе и единству. Лихо блестела военная сигнальная труба в руках у горниста.

Своих, пионерских песен у ребят еще не было, и они тут же подхватили песню взрослых: «Вперед, народ!»

Праздник

4 февраля 1976 года. Улицы Луанды заполнились праздничным шествием. Обилие красок просто ослепляет. То там, то здесь слышится: «Комрада» — «товарищ». Так сейчас обращаются ко всем.

На центральной площади непрерывным потоком шли колонны демонстрантов: солдаты, женщины, дети в ярких одеждах с лозунгами и транспарантами. Президент республики Агостиньо Нето и его соратники приветствуют народ.

— Абайшо колонеализмо! (Долой колониализм!)

— Абайшо империализмо! (Долой империализм!)

— Абайшо фашизмо! (Долой фашизм!)

— Да здравствует республика!

С твердой решимостью сжимаются кулаки, и сильно, уверенно звучат голоса ангольцев. Вся страна на старте, перед рывком в будущее.

По стенам, по крышам, по асфальту рассыпаны лозунги и рисунки — перекрещенные мотыга и мачете.

Мы знали: все прогрессивное человечество следило в это время за тем, что происходит в Анголе. Многие страны уже признали молодую республику.

Повсюду в нашей стране проходили митинги в поддержку Народной Республики Анголы, пионеры собирали в помощь Анголе металлолом, посылали сгущенное молоко для ангольских детей.

Дружба всегда побеждает

Соревнования в Анголе прошли блестяще. Даже спортивные неудачи не так уж огорчали. Тысячи зрителей болели за каждого спортсмена, здесь не было своих и чужих. Вот где действительно победила дружба! И награды получили все спортсмены.

На прощальном товарищеском ужине к нам подошел лидер молодежного движения Анголы Жозе Агостиньо и поздравил с успешными выступлениями на соревнованиях. Мы попросили Жозе рассказать, какие задачи стоят сейчас перед юношами и девушками республики.

— У нас очень много проблем, которые молодежь вместе со всем народом должна разрешить сейчас, немедленно. Еще не закончилась борьба на фронтах, есть трудности с продовольствием, образованием... Необходимо организовать во всем строгий народный контроль. Молодежь не может остаться в стороне от революции. И мне и моим товарищам приходится решать разные задачи. Вот, например, сопровождающая вас переводчица Нини, она отвечает за спортивную организацию в городе, состоит в комитете дружбы с молодежью других стран.

На прощание Жозе попросил передать привет советской молодежи и рассказать о том, что молодые люди Анголы хотят дружить со всем миром и что Народная Республика Ангола гостеприимно встречает друзей.

Фотографии автора.

Слово пионерам дружины имени Александра Матросова:

Включились в кампанию «СОВЕТСКИЕ ПИОНЕРЫ— ДЕТЯМ АНГОЛЫ». Готовим в подарок ангольским друзьям пионерские горны и барабаны, игры и игрушки, ручки, карандаши, линейки, тетради, карты, готовальни, книги и открытки. Пусть «КОРАБЛЬ СОЛИДАРНОСТИ» как можно скорей отправится к берегам Анголы, и Дворец пионеров в Луанде откроет двери для своих хозяев — ангольских ребят.

г. Москва, Дзержинский район, спецшкола № 2 имени Ромена Роллана.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!



ПИОНЕРСКИЕ ОТРЯДЫ И ДРУЖИНЫ!

Этим летом во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» состоится **МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!»**.

На Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!» приедут делегации пионерских и детских демократических организаций более чем из шестидесяти стран мира. В программу фестиваля обязательно включат митинги и вечера солидарности, встречи с выдающимися борцами за мир, смотры самодеятельного искусства, национальные дни всех стран — участниц фестиваля.

Зарубежные гости «Артека» познакомятся с пионерской республикой, своими глазами увидят, как живут, отдыхают и работают пионеры Советского Союза, как шагают они маршрутами своего пионерского марша «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!», как готовятся к 60-летнему юбилею Октябрьской революции. О своей подготовке к юбилею Октября, об общей интернациональной работе расскажут и пионеры социалистических стран. Все участники фестиваля примут **ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТЯМ ЗЕМЛИ**.

ОТРЯД! ДРУЖИНА! Вы тоже можете принять участие в Международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце!».

Познакомьте ребят с интернациональной политикой Коммунистической партии Советского Союза, с международной деятельностью Ленинского комсомола. Соберите материал и расскажите на сборах о том, как осуществляет наше государство международные связи в духе соглашений, принятых в Хельсинки, как претворяется в жизнь Программа мира. Изучайте яркие страницы истории международного коммунистического и национально-освободительного движения, жизнь и деятельность лауреатов Международной премии «За укрепление мира между народами». Постарайтесь уяснить цели и задачи в борьбе за мир таких международных организаций, как ООН, Совет Экономической Взаимопомощи. Расскажите о работе ВФДМ (Всемирной Федерации Демократической молодежи) и СИМЕА (Международного комитета детских и юношеских организаций).

Создавайте клубы интернациональной дружбы, знакомьтесь с жизнью и деятельностью коммунистических союзов молодежи, пионерских и детских демократических организаций всех стран мира. **Участвуйте в операции «Солидарность» и в кампании «Советские пионеры — детям Анголы». Поможем нашим ангольским друзьям в оснащении Дворца пионеров в Луанде. И пусть наша акция пионерской солидарности завершится отправлением «Корабля солидарности» в Анголу.**

Принимайте участие в международном конкурсе на лучший рассказ, рисунок, стихотворение, фотографию о жизни ребят в странах социалистического содружества под девизом «Мы — дети Революции, наследники отцов».

В то время, когда в «Артеке» будет проходить Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!», фестиваль должен проходить в каждой пионерской дружине, в каждом пионерском отряде, в каждом пионерском лагере!

«ПИОНЕР» желает вам успеха и ждет сообщений о том, **КАК ВЫ ГОТОВИТЕСЬ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДЕТСКОМУ ФЕСТИВАЛЮ «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!»**.

Пишите в «Международный пионерский клуб «Товарищ», не забывая на конверте сделать пометку: «Пусть всегда будет солнце!»

Каким будешь ты, мальчик с голубем?

С. САХАРОВА

Помнишь, в одиннадцатом номере прошлого года мы рассказывали о выставке «Молодые художники России», о творчестве одного из участников этой выставки, Я. Крыжевского, о голубом колорите его картин, об удивительной их свежести и ясной гармонии?

В двенадцатом номере мы показали графику Н. Завьялова: «Авиамоделисты», «В оранжерее». Рисунки эти созвучны живописи Крыжевского: точной мыслью, сосредоточенностью и внутренней ладностью. Композиции Завьялова и Крыжевского построены так, что тональность их, все детали находятся во взаимной согласованности, во взаимном соответствии. Это и есть гармония.

Мы рады сообщить, что произведения этих художников отмечены высокими дипломами...

Сегодня мы продолжаем разговор об этой выставке. Кто-то из читателей удивится: «Разве не было других выставок?» Были. В Москве, в Ленинграде, в Новосибирске, в Шушенском и еще во многих городах. Но эта, «Молодые художники России», явилась большим событием: она показала не только разнообразие творческих манер, но и значительное мастерство нового поколения художников.

В море живописных полотен и графических листов картины Я. Крыжевского занимали одно из первых мест. Графика Завьялова была заметна меньше, так же как и работы ленинградца А. Пахомова. И все же каждый раз, как я приходила на выставку, меня тянуло туда, где на неброском месте разместились четыре листа А. Пахомова, выполненных карандашами и акварелью. Один из них, «Мальчик с голубем», перед тобой.

Посмотри на рисунок внимательно. Самое простое отношение к нему можно выразить так: нравится или не нравится. Сложнее ответить: почему?

Давайте вспомним, кто как ходит по выставкам. Любой москвич или приезжий считает необходимым осмотреть Третьяковскую галерею. В этой всемирно известной галерее пятьдесят один зал! История русской живописи за десять веков! Посетитель приходит в музей, чтобы насладиться искусством и унести с собой впечатления на многие дни, месяцы и даже годы. А происходит неожиданное: за два-три часа он успевает только обежать все залы, скользнуть взглядом по тысячам полотен, скульптур, эскизов, этюдов, рисунков и... никаких впечатлений не уносит. Потому что все сразу увидеть нельзя.

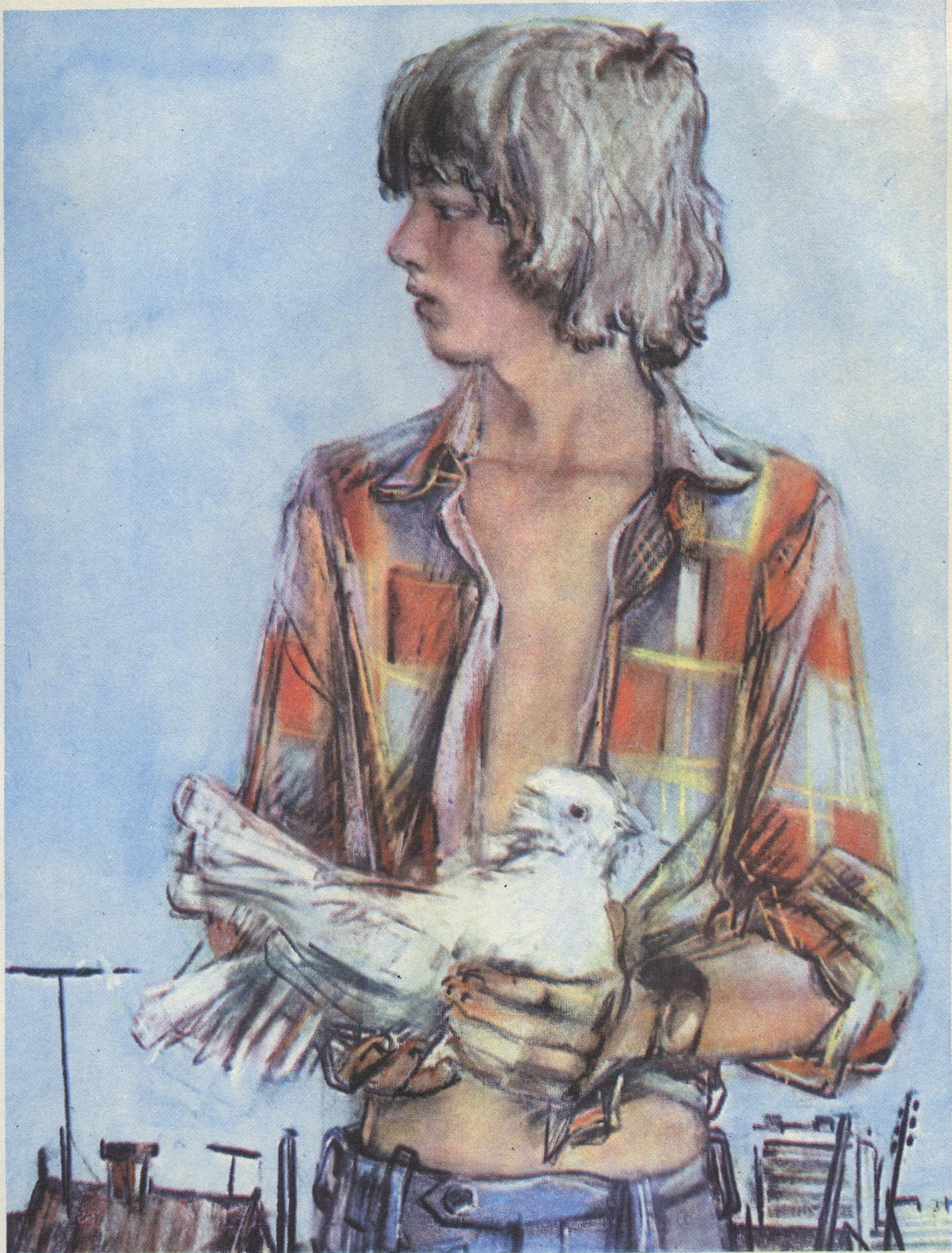
В «Третьяковку» следует ходить не один десяток раз, чтобы суметь постичь красоту и сложность, все великое многообразие Русской Живописи. Каждый раз выбирать один, два, три зала и подолгу смотреть на каждое произведение, получая не только радость от цветового таинства живописи, совершенной пластики скульптуры, легкости полета линий рисунка, но и стремясь постичь во всех тонкостях сюжет произведения и мысль художника.

Любой фрагмент произведения искусства выразителен, рассматривание одной картины подчас больше дает человеку, чем менее внимательное оглядывание двадцати и несравненно больше беглого осмотра всего музея...

Вернемся к А. Пахомову. Так о чем поведал тебе «Мальчик с голубем», этот простой, на беглый взгляд, не отягощенный деталями рисунок?

...Лето, прекрасные каникулярные деньки, когда можно заниматься любимым делом, например, воспитывать почтовых голубей. Живет этот мальчик где-нибудь в пригороде Ленинграда, купается в Финском заливе, гоняет на велосипеде по дорожкам Солнечного или Комарова. Жизнь у него светлая, как небо. Просторная!

Но присмотрись, какой напряженный, неспокойный



А. Пахомов. «Мальчик с голубем».

штрих — неспокоен герой рисунка, неспокойна рука художника, его создавшая. Мальчик нарисован в резком повороте, словно вдруг остановился, прислушавшись к тому, чего раньше не слышал. Кажется, что слушает он невидимые, но остро ощущаемые им Часы Жизни. Куда движется стрелка, куда поведет за собой?

Художнику его герой небезразличен, он мучает его неопределенностью своей судьбы. Случается, что в трудном четырнадцатилетнем возрасте, когда все дороги и тропки кажутся одинаково хороши, четырнадцатилетний нередко очертя голову устремляется по той из них, какую обойти бы не мешало. Рубашка завязана узлом, часы на широком ремне, кудри вот-вот отрастут до плеч — все это дань тому, что называется «моему нраву не препятствуй».

Часы Жизни коварны, иногда кажется, что их стрелку всегда можно повернуть назад или хотя бы замедлить ее движение и что-то успеть исправить, наверстать. Так только кажется.

Выбирать дороги надо уметь и в четырнадцать.

Художник очень тревожится за своего Мальчика с голубем. Голуби — это радость его четырнадцатилетней души или препровождение времени на долгие годы, по которым он пронесется без оглядки, посвистывая и размахивая шестом?

Тревога художника передается и мне, зрителю. Сейчас в эту минуту в солнечном свете, в открытом светлоглазом своем простодушии Мальчик с голубем, твой ровесник, твой современник, мне нравится. Как бы я хотела, чтобы он стал смелым и открытым, деятельным и умным, добрым, чутким и справедливым. Таким, каким и должен быть Человек...



Рыжая девочка с зеленым бантом

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

А. ШАРОВ

Рисунки А. АЗЕМШИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, *в которой появляются феи Леса и Скряга*

В новогоднюю ночь, когда дети и взрослые собираются вокруг елки и пусто на улицах, Старшая Фея Леса летает над Старым Городом, прижавшимся к Сосновому Бору, где она живет вместе с сестрой, тоже Феей Леса, но только Младшей и, как говорят, немножко глупенькой. Фея торопится, потому что сестра ни за что не сядет одна за праздничный стол. Она торопится, но все-таки хоть на минуту останавливается у каждого окна Старого Города. Этой ночью нужно услышать все мечты, все до единой; мечта, которую она не услышит, — умрет, а если умирает мечта — это почти так же невозвратимо, как если умирает человек.

Вот Фея приблизилась к вросшему в землю домику, вгляделась в единственное окно: маленькая девочка сидела рядом с матерью на дощатом топчане.

— Мама, — тихо пожаловалась девочка. — Мне почти семь лет, а я никогда не видела новогодней елки.

Фея открыла форточку и дунула. Зеленое облачко, возникнув у её губ, пролетело в каморку. Там, где облачко коснулось пола, выросла елка, увешанная мандаринами, позолоченными грецкими орехами, чудесными игрушками.

Фея улыбнулась и подлетела к соседнему дому, окно которого было изнутри забрано решеткой из толстых чугунных прутьев. Прижавшись к стеклу, она увидела Скрягу. Это был не старый еще человек с длинным острым носом и крошечными злыми глазками. В углах его жилища — огромного сарая с низким потолком и голыми стенами — стояли мешки, доверху наполненные золотыми монетами. Посреди закопченного потолка был вбит чугунный крюк. На квадратном столе лежала освещенная керосиновой лампой карта. Черной краской на ней был обведен Город. А старую сосну в глубине Бора — Фея ее сразу узнала — перечеркивал синий крест.

— Это только начало, — бормотал Скряга, сидя на колченогом стуле. — Я разорю всех и скоплю не четыре, а сто мешков золота. Тогда я куплю и вырублю Бор до самой маленькой елочки. Старшая Фея уберется позлу-понездорову вместе с дурацкими новогодними чудесами.

Фея услышала похвальбу, вытянула губы и сильно дунула. Серое, почти прозрачное облако, возникнув в воздухе, влетело в жилище Скряги. Там оно сгустилось, как сгущаются обычно облака в капли дождя, и стал виден Эльф с прозрачными, как у стрекозы, крыльями.

Эльф облетел углы неприятного Скрягиного жилища, касаясь золота зеленой палочкой. Сразу же зазвучал звонкий шорох, какой можно услышать лишь поздней осенью в лесу. В этом не было ничего удивительного: монеты во всех четырех мешках превратились в опавшие

Фея приблизилась к вросшему в землю домику...



листья. Они летели вверх, будто поднятые ветром, кружили под потолком. Скряга ничего не замечал, пока сырой, холодный кленовый лист не сел ему на нос. Вот тогда-то Скряга очнулся. Он стал вытряхивать мешки: пусто. Хотя ничего нельзя было разглядеть за окном, в темноте, но Скряга сразу понял, чьи это проделки.

— Ты еще наплачешься! — закричал он хриплым, каркающим голосом. — Скоро, очень скоро я добуду Звериное Кольцо и превращу всех жителей Города в мышей, а из амбарных мышек сделаю себе подданных. Они-то без спору принесут мне все золото, какое еще осталось в Городе, а если понадобится, за корку сыра продадут не только тебя с сестрицей, но даже родную мать!

Не удержавшись, Скряга взглянул на карту, где Старая Сосна была перечеркнута синим крестом.

— Ты очень устал? — тихо спросила Фея Эльфа.

— Я сделаю все, что ты прикажешь.

— Вырой Кольцо у Старой Сосны, спрячь его под Черным Камнем.

— Я все исполню, пока ты досчитаешь до тысячи, но только...

— Что «только»?

— А если Скряга догонит меня? Ведь он становится очень быстрой, ужасно сильной и злой летучей мышью.

— Лети спокойно! — сказала Фея.

«Бумммм», — гулко прозвучало в ночи. Это Скряга подскочил и стукнулся лысой макушкой о чугунный крюк на потолке.

Фея от радости захлопала в ладоши. Ведь Скряге нужно пять раз стукнуться о волшебный крюк, чтобы превратиться в летучую мышь. Фея шепнула что-то Старому Дубовому Листу, который там, со стороны Скрягиного жилища, прильнул к окну, ожидая приказаний. Лист молча кивнул черенком.

— Один, два, три... — считала Фея. — Сто семь, сто восемь, сто девять...

«Бумммм» — Скряга во второй раз стукнулся макушкой о крюк.

— Триста три, триста четыре, триста пять...

Эльф, отмерив десять шагов от ствола Старой Сосны в сторону месяца, быстро рыл землю острой лопатой. Дубовый Лист спешил к середине сарая, где кружились в хороводе его братья. Для старика это был не близкий путь.

«Бумммм», — прозвучало в третий раз.

Эльф рыл и рыл. Наконец ярким синим лучом сверкнуло Кольцо.

«Бумммм», — Скряга прыгнул четвертый раз. Дубовый Лист долетел до цели. Танец сразу прекратился, листья замерли.

— Теперь-то, Фея, я рассчитаюсь с тобой! — прокаркал Скряга.

Пожалуй, он рановато расхвастался. Листья, зашелестев, ринулись на него. Листья ивы и стручки акации кололи глаза, березовые и осиновые листья набились в ноздри, Дубовый Лист залепил рот.

— Восемьсот двадцать, восемьсот двадцать один, — громко считала Фея, подбадривая друзей.

Скряга втянул Дубовый Лист в рот, пожевал и выплюнул. Кленовые листья сменили старейшину.

«Куча мала! Куча мала!» — зашелестели листья, со всех сторон облепили Скрягу и свалили на пол. Желудь, подскакивая, бил его по лицу, пока нос Скряги не стал словно большая красно-синяя слива.

Эльф опустился на опушке леса и проговорил Большое Заклятье. Черный Камень поднялся над землей. Эльф, вырыв неглубокую лунку, спрятал Кольцо. Фея перевела дыхание, лицо ее снова стало спокойным. Желудь последний раз ударил Скрягу по носу; вскочив на стол, он выбил отбой: «Там-та-ра-ра — победа!»

— Ох-ух-ах, как больно, — бормотал Скряга. — Я, ой-ой-ой, отомщу. Я, ай-ай-ай, уничтожу все леса. Хотел бы я знать, где тогда будут жить Феи и откуда возьмутся листья и этот гнусный желудь.

Часы на башне Главной площади показывали без четверти двенадцать. Жители Города, радостные и веселые, рассаживались за праздничными столами.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

где появляется на свет Мальчик

Кряхтя и охая, Скряга поднялся на ноги, разбежался, подпрыгнул и коснулся макушкой крюка. «Бумммм», — прозвучало в пятый раз. Огромная уродливая летучая мышь с такой силой ударилась о чугунную решетку, что оконная рама вылетела и со звоном обрушилась на булыжную мостовую.

Скряга опустился на сухую ветку Старой Сосны. Мерзкая старуха с крючковатым носом до подбородка, подлетев на метле, устроилась рядом.

— Я выследила Эльфа и подслушала Большое Заклятье, — сказала она. — Дашь три мешка золота — все расскажу!

Баба-Яга прильнула к уху Скряги. Пока она шептала, злые, острые глазки его становились еще острее и злее, а тонкие губы растягивались в ухмылку.

Тем временем Старшая Фея подлетела к последнему домику. За празднично накрытым столом у елки сидели Старик со Старухой. Фея открыла форточку. Снежинки ворвались в комнату. Старик, подняв глаза, печально сказал:

— Был бы у нас сын... Позвал бы он друзей. Они бы играли, как эти снежинки. Тогда и умирать не страшно.

Фея Леса набрала воздуха в легкие и дунула. Голубое облачко скользнуло в форточку. Как только оно коснулось пола, возникла колыбель, где спокойно спал новорожденный Мальчик.

— Смотри! — воскликнул Старик.

— Успеешь налюбоваться, — ответила Старуха. — Скорее беги к соседке за молоком.

...Младшая Фея Леса сидела дома у окна и глядела то на месяц, то на лесную тропинку. Она была рыженькая, маленького роста, училась еще только в четвертом классе, все в лесу ее звали просто «Рыжик». Фея рассеянно взяла в руку круглое зеркало. В нем отразилась девочка с большими черными глазами, с зеленым бантом в коротких растрепанных волосах. На курносом носу и вокруг него виднелось множество веснушек. Фея стала считать веснушки и насчитала ровно тридцать три. Она улыбнулась, отложила зеркальце и только успела накрыть на стол, как вернулась сестра. «Динн... Динн... Дин...» — донеслось до Леса. Это городские часы отбивали полночь. Старшая Фея налила березовый сок в берестяные чашки.

— Пусть год, который сейчас наступает, будет счастливым! — сказала она.

«Динн... Динн... Дин...» — били часы. Скряга собрался лететь к Черному Камню, но Баба-Яга положила ему на плечо костлявую руку:

— Погоди, куманек! Полночь — заклятье потеряло силу. Только через восемь лет новогодняя ночь снова придется на новолунье. Потерпи! Помни, что добро с годами стареет и умирает, а злу не страшны ни старость, ни смерть.

Старшая Фея повернулась лицом к окошку и прошептала так, что ее слышали только сестричка да Баба-Яга — там, в глубине Леса:

— Нет, добро не умирает. Оно живет и растет, как деревья в лесу, как растет Мальчик, который родился сегодня у Старика со Старухой.

Баба-Яга ощерилась, выставив единственный желтый клык, и прошамкала:

— Ты не умнеешь, Фея. Пожалуй, ты еще неразумнее, чем твоя рыжая дурочка сестрица, если не запомнила, что обман сильнее любви, топор властвует над деревом, а Мальчик... Мы еще посмотрим, кем ему суждено вырасти.

Новогодняя ночь текла, как река, полная надежд и тревог.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Феи одаривают Мальчика

Мальчику исполнился месяц. Старики решили отпраздновать день его рождения. Они пригласили соседей и, как водится, Фей. Старуха испекла два пирога: один с яблоками — для соседей, а другой, маленький, с черникой, которую она сама собирала летом, — для Фей. Рыжик часто забегала к старикам, возвращаясь из школы — послушать сказки; она очень любила пироги с черникой.

Гости наклонялись над колыбелью. Мальчик каждого встречал улыбкой. Стемнело, соседи стали расходиться. Едва старики остались одни, дверь сама собой распахнулась. С улицы, хотя была зима, повеяло теплом. Вкатилась, разматываясь от порога к колыбели, зеленая ковровая дорожка. Снова подул слабый ветер, и влетел Эльф. Он встал на подоконник, поднял жезл и провозгласил:

— Фея Добра!

Появилась невысокая худенькая женщина с сединой в темно-русых волосах, с усталыми глазами. Мальчик потянулся к Фее, сел, потом поднялся на ножки. Фея взмахнула рукой и начала считать:

— Один, два, три... — задумавшись, сказала погромче: — Четыре!

Там, куда она смотрела, в воздухе между елкой и колыбелью возник куст сирени с четырьмя цветочными кистями в густой листве. В каждой из них спал гном. Соцветия окутывали гномов, как одеяла, высовывались только головы в разноцветных вязаных колпаках с длинной кисточкой — синем, красном, зеленом и фиолетовом.

— Потом будет поздно, — сказала Фея, глядя на Мальчика. — Придется истратить одно чудо, чтобы научить тебя понимать и говорить, хотя кому лучше знать, чем мне, как может понадобиться тебе в длинной жизни каждое из чудес... Синий гном! — повысив голос, позвала она.

Гном в синем колпаке вгляделся в глаза Феи, соскочил на пол, вскарабкался в колыбель и коснулся рукой груди ребенка — там, где сердце. Выполнив свое дело, гном исчез.

— Я слушаю, бабушка, — сказал Мальчик.

— «Бабушка»... — Фея вздохнула. — Знаешь, меня впервые так назвали, ну... немножко непривычно. Но ты прав, для себя чудес не хватает — вечная история, сапожник без сапог... Ладно, слушай внимательно. Когда тебе понадобится чудо, но только если оно очень понадобится, если не останется другого выхода, вспомни сегодняшний вечер, и куст появится. Ты позовешь одного из гномов: «Красный гном», или «Зеленый гном», или...

— Гномы будут слушаться только меня? — спросил Мальчик.

— Тебя и еще того или ту, кому ты отдашь волшебный куст, как я отдаю его сегодня тебе. — Говоря это, Фея медленно подошла к раскрытой двери и исчезла за ней.

«Тик-так», «тик-так», — сквозь свист ветра донеслось с улицы.

— Фея Времени! — объявил Эльф, подняв жезл.

В дверях показалась сухопарая прямая фигура. Лицо Феи Времени было круглое, словно циферблат часов. А может быть, это и был циферблат часов, напоминающий лицо?! На нем ничего не отражалось: ни горе, ни радость, ни добро, ни зло — одно лишь время, которое одинаково спокойно, отсчитывает ли оно последние секунды умирающему или первые секунды новорожденному.



«Тик-так»,— мерно звучали шаги Феи, пока она приближалась к колыбели. Руки ее двигались ровными взмахами, словно это были маятники.

— Это тебе, — сказала Фея тусклым, ровным голосом, положив Мальчику в ладонь маленькие плоские часы. — Тик-так-ой подарок. Из часов выглядывала острая стальная игла.

— Если ты тик-так нажмешь, — Фея прижала ладонь Мальчика к острию иглы, — время остановится для всех, кроме тебя.

Мальчик придавил ладонью иголку. Руки Феи стали недвижны, пламя, взметнувшееся в печурке, застыло. Старуха, шедшая к столу, так и замерла с чуть поднятой над полом ногой. Повисли в воздухе снежинки, занесенные с улицы. Только из руки Мальчика струйкой текла кровь. Лицо его с упрямо сжатыми губами выражало муку. Когда Мальчик отвел ладонь от острия иглы, снова все пришло в движение.

— Очень больно! — сказал Мальчик.

— Времени тоже очень больно, когда его тик-так останавливают.

С этими словами Фея скрылась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

где появляется незваная гостья

Протяжно завыл ветер на улице, лютый холод ворвался в комнату, печурка погасла, стало темно. Когда порыв ветра утих, Старик зажег свечу. На пороге стояла Баба-Яга с крючковатым носом до подбородка, со светящимися, как у кошки, глазами. Зеленая дорожка, сворачиваясь на ходу, откатилась в темный угол. Мальчик вскрикнул.

— Простите, пожалуйста, на дворе такая темь, вы, верно, ошиблись дверью, — вежливо сказал Старик. — Мы приглашали только Фей.

— А я кто?! — зашамкала гостья. — Я Фея Зла, хотя невежи называют меня Бабой-Ягой. Ты, старикашка, чуть не прогнал меня. Воля твоя, я стала от этого только вдесятеро злее! А ты, коврик, свернулся, чтобы бабуля упала на скользком полу?! Не выйдет! Я еще крепко держусь на ногах и только стала во сто раз злее. Сегодня понадобится вся злость, какая есть на свете; ее там, мне на радость, немало!.. Что бы придумать такое, — бормотала Баба-Яга, протянув к колыбели костлявые лапы с длинными когтями. — Убить тебя, загрызть, сварить в кипяточке?! Сестрица Смерть рада стараться, но мне надо, чтобы ты мучился всю жизнь, чтобы вместе с тобой мучились все, кто любит тебя. Сделать тебя горбатым, безногим, слепым? Старику со Старухой все равно ты останешься дорогим. Отнять сердце, чтобы у тебя были пустые глаза, лед в груди? Хорошо бы, но этого мне не осилить. Что же делать? Знаю! Я превращу тебя в собаку. Ты будешь все понимать, но говорить не сможешь, только лаять да скулить. Я буду тебя бить, морить голодом, посажу на цепь, чтобы ты сторожил избу на курьих ножках.

Тонкий отчаянный крик раздался из колыбели и оборвался, сменившись жалобным повизгиванием. В колыбели метался маленький черный пудель с курчавой шерсткой, умными, совсем человеческими глазами.

Раздалось тихое шуршание — это дорожка сама собой расстелилась от колыбели к двери. Новые гости, последние в тот вечер, который так счастливо начался, но грустно оканчивается, ступили на зеленый коврик.

— Мы опоздали! — сказала Старшая Фея Леса. — Я дала Мальчику жизнь, больше мне не дозволено его одаривать, но ты, Рыжик! Ты бы могла...

— Я виновата! Я виновата во всем! — Младшая Фея плакала, рыдания сдавливали горло. — Все оттого, что я такая глупая, глупее всех на свете. Если мне чего-нибудь очень хочется, не могу справиться с собой. А мне так хотелось сделать этот подарок. Я искала его в лесу с самого утра, а нашла только час назад — там, далеко, в расщелине Большой Скалы. Ведь еще только конец января...

Младшая Фея подняла руку с синим цветком и дунула на него. Цветок замер в воздухе перед колыбелью.

— Хи-хи-хи. Подснежник... Собаке?! — Баба-Яга хохотала, держась за бока, не могла остановиться. — Вот уж действительно дурочка, ха-ха-ха. Вот уж действительно — нет зла, нет и ума!

Щенок глядел в глаза Рыжику, безмолвно спрашивая ее о чем-то.

— Ты хочешь понять, какие чудеса творит цветок? Никаких! Но во всю твою жизнь, если

Тонкий отчаянный крик раздался из колыбели. Там метался черный пудель с курчавой шерсткой, умными, совсем человеческими глазами.



тебе надо будет узнать, любит ли тебя та, о ком ты думаешь, — хотя ведь она всегда будет тебя любить... Когда необходимо будет узнать, жива ли она, погляди на подснежник: если она больна или ранена, — подснежник опустит голову, станет ронять лепестки; если она умерла, — цветок сломается.

— Вздор! — завизжала Баба-Яга. — Чем болтать чепуху, сочинила бы лучше имя щенку.

— Имя? — Младшая Фея задумалась. — Хорошо! Пусть он называется Джубабыркорбамсамплампурроргин...

— Как? Джубабыркорбамсамплампурроргин?! Хи-хи-хи, славно! Вот удружила. Такого мерзкого имени даже я бы не придумала.

— Опять шалишь, Рыжик?! — с упреком сказала Старшая Фея.

Рыжик обняла сестру за шею, что-то шепнула ей на ухо. Легкая улыбка появилась на лице Старшей Феи. А Рыжик подняла руку и громким, властным голосом сказала:

— Я, Младшая Фея Леса, повелеваю: если через девять лет и двенадцать месяцев, в канун Нового Года кто-нибудь назовет тебя Мальчиком, а не ужасным теперешним именем, Джубабыркорбамсамплампурроргин, ты снова сделаешься человеком!

— Ты станешь человеком, только если эта «кто-нибудь» в тот день назовет тебя Мальчиком три раза, да еще поцелует, — перебила Баба-Яга. — И станешь человеком всего на одни сутки!

— Пусть так. Но если та, которая назовет тебя Мальчиком, добудет Звериное Кольцо, ты останешься человеком навсегда.

— Ты останешься человеком, только если Кольцо она добудет за одни сутки. И если никто из людей и Фей не будет ей помогать.

Баба-Яга сказала это, и сразу не стало видно ни ее, ни маленького черного пуделя.

...Тянулась прямо-таки бесконечная последняя ночь января. Феи вернулись в свой лесной дом. Крепко обняв сестру, Рыжик умоляла:

— Сделай так, чтобы я не становилась старше, пока е г о не расколдуют!

— Если я исполню твою просьбу, ты сейчас же, с этого часа начнешь превращаться в человека, а через десять лет станешь обычной девочкой. Ты разучишься летать и совершать чудеса, а они так нужны людям.

— Чудеса будешь творить ты!

— И даже если тебе посчастливится встретить Мальчика, ты не будешь знать, как расколдовать его, ты все забудешь — будь готова и к этому. А когда смерть станет властна над тобой, ты должна будешь научиться единственному неведомому нам, бессмертным феям, чуду — жертвовать собой.

— Я на все готова, — ответила Младшая Фея, глядя сестре в лицо смелыми черными глазами.

— Пусть будет по-твоему, девочка, — не сразу, чуть запинаясь, сказала Старшая Фея. — Пусть исполнится и эта мечта!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой проходят год за годом

«Тик-так... тик-так», — отсчитывали часы. К ним прислушивались люди, звери, птицы. Фея Времени скользила над Старым Городом, над Бором, над всем миром, не замедляя и не ускоряя полета; все шло своим чередом — старое старилось, молодое росло. Менялась и Рыжик, хотя она теперь не училась в школе Фей и на вид оставалась все той же веснушчатой десятилетней девочкой. Что-то совершалось в ней во сне и наяву: она забывала Волшебную науку — чудо за чудом, тайну за тайной. Все труднее становилось летать. Зато Белка научила ее прыгать и лазать по деревьям, как умеют только белки, а Заяц — бегать так неутомимо, как бегают зайцы.

Рыжик помнила, что Мальчика заколдовали, но кто заколдовал и в кого его превратили, забылось. И забылось, как уничтожить страшное волшебство.

...Снова, в девятый раз с начала этой истории, наступил канун Нового года. Когда стемнело, молодой месяц узким серебряным диском всплыл над Старым Городом. «Наконец-то — Новый год и новолунье», — обрадовался Скряга. Он пять раз стукнулся лысой макушкой о волшебный крюк, кликнул Бабу-Ягу и из своего замка полетел к Черному Камню.

— Рой тут! — показала Баба-Яга, когда большое Заклятье было произнесено и Камень поднялся в воздух.

Скряга копнул два раза, схватил Кольцо; он только успел отбежать, как Камень упал.

— Завтра мои молодцы срубят Бор, — отдышавшись, прокаркал Скряга. — Феи и Эльфы навсегда уберутся из моих владений.

— Осинничек оставь, — взмолилась Баба-Яга. — У болота, где моя избушка!

— И осинничек свалим. Собирай вещички — гвоздями дорожка!

— Что ты, куманек! Да я ж тебе Кольцо... Ты ж обещал...

— Эх, старая карга — велика годами, да мала умом. Сама рассуди: чем мы, злые, пересилим добрых, если станем за добро платить добром?

Вернувшись в замок, Скряга позвал слуг и велел им к утру вырубить Бор и осинник до последнего деревца. И велел построить к утру вокруг Города высокую стену с одними-единственными воротами.

Не прошло и получаса, как застонала земля — это ряд за рядом, как скошенная трава, падали столетние деревья.

Старшая Фея, взяв на руки сестру, поднялась в ночное небо.

— Куда мы летим? — спросила Рыжик.

— В далекий Лесной Город, — ответила Старшая Фея. — Я стану учительницей, а ты

пойдешь в школу, снова будешь учиться и расти, как обычные дети. Но немножко ты еще останешься феей. Наступит Новый год, десятый после того, как появился на свет Мальчик. Тогда я спрошу тебя в самый последний раз: «Ты совсем решилась стать человеком?» Что ты ответишь мне?

Рыжик молчала...

В Старом Городе между тем Скряга, поднявшись на крышу замка, повернул синее Кольцо на указательном пальце левой руки. Едва он сделал это, во всем Городе на улицах и в домах люди стали превращаться в мышей.

Скряга снова повернул Кольцо. Мыши, которые от рождения были мышами и жили в мучных амбарах, подвалах, подпольях, обернулись в людей и собрались все вместе, запрудив главную площадь перед замком. Они выглядели по-разному, но у всех были короткие, как шерстка, темно-серые волосы, маленькие мышиные глазки, острые мышиные мордочки, все были в мышиного цвета одежде. Они переговаривались на человеческом языке, но иногда, забывшись, что-то пронзительно пищали.

Скряга поднял руку и закаркал:

— Отныне я ваш повелитель — Король Скряга Первый.

— Да здравствует Их Величество Король Скряга Первый! — закричали все, кто был на главной площади.

— Занимайте человеческие жилища — они ваши навсегда, — продолжал Скряга. — Переройте подвалы, сундуки, взломайте несгораемые шкафы, тащите скорее в замок золото. За килограмм золота вам щедро отвесят по килограмму сыра и сала. А кто не выполнит нашего королевского повеления, подохнет с голоду!

— Да здравствует Их Величество Король Скряга Первый, властитель Сыров и Сала! — закричали на площади.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

где Рыжик встречается с Мальчиком

Наступило 31 декабря, десятый предновогодний день после начала этой истории.

Феи Леса жили теперь в Лесном Городе на шестом этаже дома четыре по Аниному переулку. На лестничную площадку, кроме их двери, выходила еще только одна — черная, всегда запертая. Старшая сестра работала в школе учительницей географии; никто и не подозревал, что она фея. А Рыжик училась в пятом классе той же школы. И о ней никто не думал, что она фея — да она почти уже и не была ею, — но зато все знали, что Рыжик играет в хоккей лучше мальчишек: шайбы она забивала по правилам, без всякого волшебства.

В тот день Рыжик быстро поднялась, оделась, умылась, но когда она уже нажала кнопку лифта, дверь соседней квартиры приотворилась, и выбежал большой черный пудель с человеческими умными глазами. Рыжик замерла от восторга, она просто не могла двинуться с места. Казалось, пудель тоже обрадовался, он сел напротив, не отрываясь смотрел ей в лицо, правой лапой ударяя по полу.

«Считает мои веснушки», — почему-то подумала Рыжик.

Пудель в самом деле ударил лапой ровно тридцать три раза, по-щенячьи завизжал от радости, виляя хвостом, подбежал вплотную, поднялся на задние лапы, а передние положил на плечи девочке; так он был выше Рыжика и еще больше походил на человека.

Рыжик погладила пуделя, а тот лизнул ей щеку. В эту секунду черная дверь распахнулась, показалась сгорбленная старуха со светящимися, как у кошки, глазами, с красным крючковатым носом до подбородка.

— Назад! — завизжала она, взмахивая плеткой.

— Как его зовут? — стараясь задобрить старуху, самым сладким голоском спросила Рыжик.

— Джубабыркорбамсамплампурроргин!

— Как, как? Джубабыр... Не выговоришь. Можно, я буду звать его Мальчик? Мальчик, ко мне!

Едва она сказала это, злая старуха ударила пуделя плеткой и затолкала в квартиру. Послышался отчаянный собачий визг. Рыжик колотила кулаками по двери и кричала:

— Вы не смеете! Не смеете!

Через минуту все затихло. Вечером, отпросившись у сестры, Рыжик гулять не пошла, а села на ступеньки. Почти сразу соседская дверь приотворилась, в узкую щель протиснулась голова пуделя. Мальчик! — позвала Рыжик, но дверь сразу захлопнулась... Дома Рыжик подошла к сестре, склонившейся над тетрадями, обняла ее.

— Слушай, Рыжик! — выговаривая слова отчетливо и ясно, как на уроке, сказала сестра. — Есть еще последние пятнадцать минут. Ты понимаешь, о чем я говорю?! Иди к себе и подумай.

Рыжик села на кровать, но думать не стала: «Все решено и навсегда». В доме напротив окна были празднично освещены.

— Ну что ж, будь что будет! — Старшая Фея поставила на стол бутерброды, пирог, стакан, где покачивался синий подснежник.

Едва она вышла, Рыжик услышала, что в балконную дверь кто-то скребется. Открыла — в облаке кружащихся снежинок ворвался черный пудель.

— Мальчик! — обрадованно воскликнула она.

Пудель, как утром, поднялся на задние лапы, а передние положил ей на плечи.

— Ты пробрался по карнизу?! Ты догадался, что я одна и тоскую. Ты хороший, ты храбрый!

Вот тебе за это! — Она поцеловала пуделя в холодный нос.

Глядит — перед ней мальчик со знакомым лицом, с очень знакомыми глазами. На его куртке еще таяли снежинки. Рыжик стояла ошеломленная. Все, что забылось, ушло вместе с феиным детством, как по волшебству вновь возникло в сознании.

— Ты ме-ня спас-ла... — с трудом выговорил Мальчик.

«Спасла». Все только-только начинается», — подумала Рыжик.

Где-то далеко поднялись в небо разноцветные ракеты новогоднего салюта. Рыжик заторопилась. За шкафом она надела лыжный костюм, теплый свитер, повязала волосы любимым зеленым бантом... Они стояли друг против друга — мальчик и девочка. Мальчик поднял руку, и возник куст сирени. Соцветия окутывали гномов, как одеяло. «И это тебе!» — сказал Мальчик. Из темноты выплыли небольшие круглые часы с острой стальной иглой. Мальчик нажал ладонью иглу, и все остановилось. В окне напротив замерли танцующие пары, замерли снежинки. Мальчик побледнел и закусил губу. Вот он отпустил иглу — танцующие закружились в вальсе, стрелки часов продолжали вечный путь. У Мальчика из ладони капала кровь. Пока Рыжик перевязывала ему руку, Мальчик проговорил:

— В Старом Городе часы потеряют силу: он заколдованный.

Рыжик кивнула, сделала два шага к балкону и рассмеялась:

— Совсем забыла, что не могу больше летать. Все-таки чудно́ становиться человеческой девочкой!

Гном и Рыжик зашагали по ковровой дорожке, которая поднималась круто вверх.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Рыжик отправляется в далекий путь

Последняя окраинная улица оборвалась, кругом стлалось снежное поле, прорезанное узкой тропинкой, которая на горизонте тонула в черном лесу.

«Так я ни за что не успею, — сама себе сказала Рыжик. — Вот бы сапоги-скороходы!»

Куст сирени придвинулся, гном в красном колпаке соскочил на землю, и сразу впереди выросло бетонное здание магазина с зеркальными витринами. Неоновые светильники зажигались на фасаде: «Обувь! Обувь! Обувь!». В огромном зале рядами стояли стеклянные подставки с туфлями всех цветов и фасонов, ботинками, сапожками, сапогами-скороходами. Рыжик увидела красивые лаковые туфельки и не могла глаз оторвать от них. Конечно, она ни секунды не забывала, что ей нужно, но так захотелось хотя бы примерить туфельки, хоть раз увидеть себя в зеркале, какая она в них.

Туфельки пришлись как раз по ноге. Рыжик, просияв, взяла покупку. Она уже приоткрыла рот, чтобы попросить показать сапоги-скороходы, но ничего и никого кругом не было: по пустынному снежному полю ветер мел поземку.

— Профукала чудо, дура! — вслух сказала Рыжик, швыряя туфли в снег.

Сиреневый куст медленно, как бы нехотя подлетел к ней. Один гном спал, а другой, в зеленом колпаке, поднялся и сказал, отвечая на мысль, которая только пришла к Рыжику в голову:

— Нет, нет! Чудеса не повторяются!

Рыжик заплакала; сейчас она сама себя презирала.

— Видеть не могу, когда девчонки ревут!.. Погоди, кажется, придумал. — С этими словами Зеленый гном соскочил на землю.

Перед ним возникла скатанная зеленая ковровая дорожка. Гном легонько толкнул ее ногой, дорожка стала разматываться, но не по земле, а круто вверх. Гном зашагал по ней. Рыжик едва поспевала за ним. Они поднимались все выше и теперь видели позади Лесной Город в праздничных огнях, а впереди — черный лес, горы со снежными вершинами, бесконечное снежное поле, и там далеко — Старый Город.

Зеленый гном смешно прищелкнул языком, подмигнул Рыжику: «Не унывай, мол, скоро дойдем!»

Дорожка продолжала разматываться, теперь полого спускаясь над лесом, ледяными горами, снежным полем, до самого Старого Города. Рыжик присела на корточки и заскользила все быстрее и быстрее — дорожка была гладкая, как ледяной трамплин. Ветер свистел в ушах, подошвы тонко скрипели, вершины деревьев — там, под ногами, — с глухим шумом наклоняли седые головы.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Рыжику приходится трудно

Рыжик очутилась среди лопухов, росших у края Главной площади. Впереди, шагах в трехстах, высился огромный черный куб с черным куполом. В стене, сложенной из каменных глыб, не было окон, зияли одни- единственные ворота.

Еще не решив, что делать, Рыжик подошла к замку. Четверо часовых с длинными алебардами несли караул у ворот. Мимо сновало множество людей в мышиного цвета одеждах, с короткими серыми волосами. Они все время во что-то вглядывались, принюхивались, так сильно втягивая носом воздух, что слышался резкий свистящий звук, будто у всех тут насморк. Иногда они нагибались и, быстро перебирая длинными руками, бежали на четвереньках.

— Под страхом смерти сдавайте золото Их Величеству Скряге Первому! Тот, кто найдет и принесет золото, получит лучшее сало и лучший сыр! — каждую минуту выкликали служители в черных плащах и черных островерхих шляпах.

Рыжик стояла напротив ворот замка. Перед нею открывался высокий зал, освещенный только мигающими огоньками свечей. Посреди зала окруженный вооруженными стражниками и служителями на троне восседал Скряга; за эти годы он ужасно растолстел. От спинки трона к вершине купола, венчающего зал, поднимался золотой прут, он поддерживал золотую тарелку, казавшуюся на страшной этой высоте чуть больше булавочной головки. Голубое сияние лилось сверху, разгоняя мрак.

«Вот оно, долгожданное Кольцо! Но как добыть его?» С лихорадочной быстротой Рыжик перебирала и отбрасывала один план за другим. И тут она увидела толстого мышиного человека, который, держа обеими руками тяжелую сумку с золотом, приближался к замку. Рыжик пошла за толстяком, как тень, повторяя каждое его движение.

— Дорогу толстому мышечеловеку! — крикнули служители.

Часовые с алебардами расступились, толстяк шагнул уже на порог замка, но в этот момент Рыжика заметили. Со всех сторон послышалось: «Лови! Хватай! Держи!» Чья-то лапа клещами схватила плечо Феи. Она упала плашмя на землю, проскользнула между ног стражников и замешалась в толпе. Тут она чуть не столкнулась с гномом, выбежавшим ей навстречу из лопухов. Морщась, как от сильной боли, гном сказал:

— Раз уж иначе не получается, я проведу тебя в замок. Но знай, это грозит смертью, а если ты погибнешь, я себе никогда не прощу, и никто из гномов мне не простит.

Фиолетовый гном шел впереди; было очень странно, что толпа расступалась, давая ему дорогу, хотя никто гнома не видел. Рыжик даже не заметила, как очутилась в замковом зале. Сквозь беспокойный, колеблющийся свет свечей из-под купола лилось голубое сияние желанного, но недоступного Кольца. Было очень страшно, но, скосив глаза, Рыжик увидела, что гном у нее на плече, и немного успокоилась.

— Кто посмел впустить к Нашему Величеству рыжую нищенку?! — закаркал Скряга. — Эй, стража! Схватить негодяйку, упрятать ее в подземелье! Что-то уж слишком она похожа на Младшую Фею Леса.

Гном в ужасном волнении дергал Рыжика за мочку уха, повторяя: «Решай! Приказывай!» Стражники были уже рядом.

«Золото!» Рыжик еще не выговорила это вслух, только подумала, а гном стремглав летел вниз. Там, где он коснулся пола, мгновенно возник мешок, полный новенькими золотыми монетами.

— Золото! Золотишечко! — каркал Скряга. — Под страхом смерти ни с места. Вы у меня все воры; к золоту подойду один я!

Переваливаясь с ноги на ногу, как утка, Скряга бросился к мешку. Он пересыпал монеты из одной руки в другую, зарывался в них острым носом, хихикал, приплясывал. Желтые кружочки из его рук стекали обратно в мешок. Какую-то странную, непонятную песенку вызванивали они!

О Рыжике все забыли. Чего еще ждать? Она вскочила на спинку опустевшего трона, охватила руками и ногами золотой прут и стала карабкаться все выше; так учила ее когда-то Белочка подниматься по гладкому стволу сосны. Вот уже золотая тарелка над головой. Рыжик протянула руку и сжала в кулаке заветное Кольцо.

Вж-жжж-жик! Рыжик соскользнула по пруту, будто упала звезда. Голубой свет достиг Скряги. Он выпрямился, увидел девочку и завизжал: «Схватить!» Может быть, тут и оборвалась бы вся эта история вместе с жизнью Рыжика, но в душном полумраке в эту самую секунду раздался тихий всплеск, будто кто-то очень маленький ударил в ладоши. Едва прозвучал еле слышный сигнал гнома, золотые монеты превратились в то, чем они были на самом деле: в багряные листья клена, бурые листья дуба, в острые желтые листья ивы. Они вылетели из мешка все сразу. Листья ивы устремились к Скряге, к служителям и стражникам, ослепляя их; и те роняли алебарды, топтались, нелепо расставив руки, будто играли в прятки, падали, натыкались друг на друга, зло и испуганно пищали.

Рыжик осторожно пробиралась через дерущуюся, визжащую толпу. Яркий зимний свет коснулся лица. Она увидела, правда, очень далеко, в конце улицы, городские ворота с высокими башнями по сторонам и только успела подумать: «Теперь все будет хорошо», — как донеслось карканье Скряги, повторенное тысячами служителей.

— Сыр... Тысяча кругов сыра тому, кто схватит и передаст в руки Нашего Величества рыжую девочку с зеленым бантом!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой город гонится за Рыжиком

Рыжик бежала что было сил. Мышиные люди гнались по пятам. До ворот оставалось тридцать... двадцать... десять шагов.

Из-за угла показалась телега с большой деревянной клеткой. Верзила живодер волочил к телеге отчаянно визжащую пегую собачонку. Рыжик заглянула в тусклые, беспощадные глаза живодера и забыла обо всем на свете. Она свернула чуть в сторону, с разбегу ударила верзилу головой в живот так, что тот, согнувшись от боли, выпустил собачонку. За эти секунды отряд стражников, пробежав вдоль городской стены, запрудил путь к воротам. Толпа придвинулась почти вплотную!

— Назад! — крикнула Рыжик, поворачиваясь к преследователям и подняв руку с Синим Кольцом. — Назад, или я вас всех превращу снова в мышей!

Мышиные люди, скаля зубы, стали медленно пятиться. Толпа расступилась, показался серебряный помост, который держали на вытянутых вверх руках служители. Золотые ступени поднимались от помоста к трону, где восседал Скряга. Он торжествовал, жирное лицо его с оскаленными зубами ухмылялось.

— Десять лет назад я обещал за все рассчитаться с вами, Феи Леса, — начал он, не сводя маленьких злых глаз с Рыжика. — Настал срок выполнить обещание. Будь ты Феей, ты могла бы взлететь хотя бы на башню у ворот, оглядеть оттуда Город и превратить всех моих подданных в мышей. Но ты теперь самая обыкновенная жалкая, глупая девчонка. Кольцо послушается тебя всего три раза, а потом ты в моей власти! — Скряга поднялся и прокаркал: — Ты мечтала о человеческой доле, Рыжик! Пусть же мечта исполнится, только не по воле твоей сестрицы, а по воле Нашего Величества. Эй, палачи!

Из толпы шагнуло двое палачей с секирами в руках.

— Вот она, человеческая доля, любуйся! — Скряга снова уселся на троне и после долгого молчания закончил: — Впрочем, если ты станешь на колени и пообещаешь до смерти оставаться верной рабой Нашего Величества, пожалуй, мы смилостивимся и сохраним на твоих плечах глупую голову с зеленым бантом.

— Хорошо...! Я подумаю... — медленно, запинаясь, ответила Рыжик.

— Всемилостивейше даруем тебе десять минут, но ни одной секундой больше... Эй, вы! Кто шевельнется, кашлянет, переступит с ноги на ногу, пока Наше Величество изволит отдыхать, будет казнен.

Скряга привалился к спинке трона и захрапел.

Старый Город затих, застыл, словно умер. Ни шороха, ни вздоха, только храп Скряги. Среди мертвенной этой неподвижности Рыжик стрелой пробежала несколько шагов, отделявших ее от серебряного помоста; сжалась в пружину, как учил когда-то Заяц, и взметнулась в воздух прямо вверх.

И вот уже она на плечах неподвижных служителей. Еще прыжок и — дзинь! — ноги ее ударились о помост. Дзинь-дзинь-дзинь! — звенят под ногами ступеньки трона. Прыжок — Рыжик на голове Скряги, не успевшего еще проснуться. Как белка, перелетела она с плеч Скряги на стену, распахнула дверь башни и побежала выше, выше по гудящей под ногами винтовой лестнице. Вот она на вершине башни, на смотровой площадке, выше замка.

Рыжик перевела дыхание. Она осторожно опустила на каменный пол пегую собачонку, которую все время прижимала к груди, обвела взглядом Старый Город от края до края, повернула Кольцо на указательном пальце и сказала:

— Пусть мыши, превратившиеся в людей, снова станут мышами!

Ах, что началось в Старом Городе, когда прозвучали эти слова! Живодер, который гонялся за таксой, сделавщись мышью, сам пустился наутек. Алебарды, звеня, падали на мостовую, а из рукавов мундиров выпрыгивали мыши, недавние стражники, и разбегались куда глаза глядят. А ведь еще секунду назад все их так боялись.

Рыжик тем временем, снова оглядев Город, сказала:

— Пусть тот, кто был человеком, кто даже в мышиные времена оставался достойным этого имени, снова станет человеком.

Люди выбрались из темных нор и со слезами счастья глядели на зимнее солнце, на синее небо. Потом они достали из подвалов замка лучшие яства и сели за праздничный стол; позже, чем во всем мире, но, что поделаешь, иногда праздник опаздывает, главное — чтобы он все-таки наступил.

— Ужасно трудно из мыши снова сделаться человеком, и если уж выпало такое счастье, будем всеми силами беречь его, — говорили они друг другу.

Город праздновал, но та, которая подарила ему праздник, не видела и не слышала пирующих. Она бежала по снежному полю к неприступным горам, к черному дремучему лесу. Домой! К Мальчику. К последнему, третьему чуду, которое должно совершить с таким трудом добытое Кольцо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

где время то летит, то останавливается

Рыжик бежала так быстро, что пегая собачонка едва поспевала за ней.

— Возвращайся в Старый Город, — сказала Рыжик собачке. — Там хорошо там больше не

будет живодеров. Возвращайся, впереди такая трудная дорога, а ты маленькая и слабая!

— И ты не так уж велика и не так уж сильна. За всю мою жизнь ты одна пожалела меня. Честное слово, я тебя никогда не покину.

Часы времени показывали два пополудни. До того, как минет срок, оставалось всего десять часов. Вот теперь-то Рыжик сжала ладонью часы. Другой рукой она подняла пегую собачонку, которая тоже, как и все вокруг, неподвижно застыла.

Рыжик бежала, порой по пояс проваливаясь в снег. А кровь текла, ее становилось все меньше у Рыжика. И силы убывали. Она то отпускала часы, чтобы хоть немного передохнуть, то снова сжимала их. Кровавый след оставался за ней на снегу. Уже совсем стемнело, когда она добежала до гор. Рыжик с отчаянием подумала, что никогда не одолеет эту почти отвесную ледяную стену, но собачка нашла тропинку, протоптанную горным медведем, властелином здешних мест.

Было девять часов, когда Рыжик достигла вершины. Отсюда в дальней дали, за Черным лесом, можно было различить электрическое зарево Лесного Города. Но Рыжик не видела огней. Глаза ее закрылись, и она упала, потеряв сознание, и теперь кувырком катилась по крутому склону, кончавшемуся в Черном лесу. Пегая собачонка бежала рядом, лаяла, звала на помощь, но никто не откликался. Должно быть, никого и не было в горах той ледяной ночью.

Наконец Рыжик очутилась на небольшой каменной площадке у самого подножия гор. Она лежала неподвижно и непременно замерзла бы, но из ночного неба стая за стаей стали спускаться осенние листья и укутали ее с головы до ног.

Листья, листья... Они рождаются зелеными, веселыми и все долгое лето кормят, одевают дерево, не отлучаясь ни на шаг. Осенью они преображаются на зависть самым первым красавицам; теперь в желтом, золотом, оранжевом, пурпурном светится все, что они успели узнать, услышать, понять: песни птиц, шепот влюбленных, бег оленя и крадущийся шаг волка, сполохи лесных пожаров — словом, все-все. Теперь они чаще нетерпеливо взмахивают крылом, чтобы наконец оторваться от дерева, которому они больше не нужны, и постранствовать по белу свету: «Себя показать и других поглядеть». И вот уже они летят, опускаясь ненадолго, чтобы снова подняться в небо. Летят, даруя радость всем, кто их увидит, а иногда, если придется, вмешиваясь в человеческие и волшебнические дела, как рассказано в этой истории.

И вот, погасшие, они снова согревают, уже не дерево, как в юности, а человека, маленькую девочку. Тихо, тихо, устало шелестят они; этот напев совсем не похож на прежние песни, и слышится в нем одно — спокойное прощание с жизнью тех, кто выполнил все сужденное, кому в прошлом не о чем сожалеть.

Высокий лиственный холм укрыл Рыжика. Пегая собачонка забралась на его вершину и лаяла, не переставая: «Если есть хоть одна живая душа, отзовись!»

А секунды бежали и бежали. Рыжик снова сжала было часы, но сил не осталось, ладонь сама собой распрямилась; время побежало к полуночи, к последнему сроку, к смерти, может быть...

Рыжик повернула Кольцо на пальце и сказала: Пусть мыши, превратившиеся в людей, снова станут мышами!



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой то, что должно сбыться, сбывается

А там, в Лесном Городе, Мальчик и Старшая Фея Леса не спускали глаз с подснежника. Цветок склонялся, вот-вот сломается, лепестки закружились в воздухе. Старшая Фея выбежала на балкон, взлетела, бросилась в ночную вьюгу. Злой ветер швырнул ее обратно — феина наука не разрешает помогать другой фее, по своей воле избравшей человеческую судьбу, даже если она твоя сестра.

Теперь Мальчик бросился искать Рыжика. Он бежал по заметенным снегом ее следам, будто ясно видел их — недаром он столько лет был собакой! — по окраинным улицам, полем до леса, и дальше, натыкаясь на черные стволы деревьев, продираясь сквозь колючие кустарники.

Вдруг сквозь треск ломающихся сучьев и гул зимнего ветра послышался собачий лай: «Спасите-е-е! На по-о-оо-мощь!»

Одна-единственная минута оставалась до двенадцати часов, когда Мальчик подбежал к подножию гор. Рыжик услышала шаги, частое дыхание и сквозь толщу листьев угадала Мальчика. Из последних сил в самую последнюю секунду она повернула Кольцо, и колдовство навсегда рассеялось.



В ту же секунду все часы в Лесном Городе стали отбивать двенадцать: «Бим-бимм-бимм», «Бом-бомм-боммм», «Дили-динь-дили-динь, дили-динь».

Мальчик разбросал листья, поднял Рыжика и побежал. Она была ужасно бледна, ни кровинки в лице. На пустыре, где ровно сутки назад началось ее путешествие, Рыжик вдруг слабым голосом попросила:

— Там где-то лежат туфельки. Пожалуйста, найди их и подари мне на Новый год.

И в самом деле, какой же Новый год без подарка?..

Во второй раз Рыжик очнулась, когда они были уже в подъезде дома.

— Как тепло, — прошептала она.

Старшая Фея Леса уложила Рыжика в постель, заботливо укрыла ее.

— Он окончился, человеческий подвиг, который ты мне предсказала? — спросила Рыжик сестру. — Я справилась?

— Ты отлично справилась. Тебя называли глупенькой, но я-то всегда знала, какое у тебя мудрое сердце. Ты справилась, Рыжик, но человеческий подвиг никогда не кончается; он так же короток и долог, как коротка и долга сама человеческая жизнь.

Старшая Фея и Мальчик, ступая на носках, вышли из комнаты, пегая собачонка свернулась на коврике у кровати; один глаз у нее закрылся, ведь она тоже очень устала, но другой оставался открытым. Сквозь чуткий сон она вслушивалась в темноту — сторожила свою хозяйку.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

и последняя, где исполняется еще одна мечта

Я жил в том же Лесном Городе, в том же самом доме номер четыре по Аниному переулку, только этажом ниже Рыжика и кое-что из того, что здесь рассказано, наблюдал своими глазами.

А потом Рыжик с сестрой и Мальчик переехали далеко, на другой конец Города. Мы не виделись ровно восемь лет. Совсем недавно, тридцать первого декабря 1976 года в одиннадцать часов ночи, я шел по бульварам к друзьям встречать Новый год. Невдалеке стоял отлитый из чугуна черный памятник поэту — в крылатке, со шляпой в руке, с обнаженной, не успевшей поседеть в короткой жизни, но седеющей от снега курчавой, чуть склоненной головой.

Как же хорошо зимней ночью на старом бульваре! Я шел, повторяя про себя то, что шептали чугунные губы поэта, и забыл обо всем, когда вдруг столкнулся, как говорится, нос к носу с Рыжиком и Мальчиком.

Они очень выросли, особенно Мальчик, и, по правде, следовало бы их называть юношей и девушкой, но для меня они по-прежнему оставались девочкой и мальчиком.

Мы обрадовались неожиданной встрече, поздравили друг друга с наступающим Новым годом, Рыжик даже чмокнула меня теплыми губами, а я поцеловал ей руку, хотя она не очень-то походила на взрослую даму, и спросил, где и с кем они собираются встречать праздник.

— В лесу, конечно, — ответила Рыжик. — Со Стариком и Старухой, с Белкой и Зайцем, которые учили меня в детстве, с гномами, нашими друзьями.

— А сестра? — спросил я.

— Конечно, — ответила Рыжик, — но она прилетит попозже. Ведь сестричка не только учительница, но и Фея. Разве вы не знали? Она должна этой ночью услышать все мечты, все до единой, даже самой крошечной; мечта, которую она не узнает, умрет, а когда умирает мечта, это почти так же невозвратимо, как когда умирает человек. Мечта же, доверенная ей, исполнится.

Я задумался. Я очень глубоко задумался и не сразу решился признаться:

— У меня тоже есть мечта!

— Какая? — спросила Рыжик.

— Написать сказку... О вас... Я давно думаю об этом.

— Обо мне и Мальчике? — Рыжик вскинула глаза на своего спутника. Они весело рассмеялись. — Ну что ж, идите домой, садитесь к столу и ждите. Сестра прилетит, и мечта исполнится. Все, все исполняется, но, конечно, только если вы верите в чудеса и сказки. — С этими словами Рыжик исчезла вместе с Мальчиком и собачкой.

Я остался один. «Если вы верите», — сказала Рыжик. Конечно, я верил. И не только потому, что мы встретились на этом удивительном бульваре, полном стихами, сказками, пророчествами, доверием к человеческому сердцу — разве это не главное из того, что Поэт подарил людям?!

Верил еще и потому, что как раз в годы, когда дети взрослеют, долго тяжело болел, и врачи разрешили мне читать только сказки. И когда я выздоровел, сказки остались со мной, хотя я это и не сразу понял. Остались, как остаются порой перелетные птицы зимовать на незамерзающем озере.

Я верил в чудеса, пошел домой, как сказала Рыжик, и сел к столу у окна. Часы показывали без одной минуты двенадцать, без одной минуты Новый год, когда сама собой отворилась форточка и в комнату влетело голубое облачко. Оно невесомо коснулось плеча. Я скосил глаза и увидел: облачко превратилось в Эльфа.

Как раз по радио стали передавать бой Кремлевских часов; когда они пробили в последний двенадцатый раз, Эльф плавно взмахнул серебряной палочкой.

Сразу погасла лампа на столе, и, как мне смутно помнится, погасла не только она одна, а все вокруг: фонари на улице, витрины и окна дома напротив, луна и звезды в небе. Сделалось так темно, что большей темноты нельзя вообразить.

Темно, но не страшно.

В чернильной тьме передо мной стали разворачиваться, двигаться, жить картины, записанные в этой истории. Они разворачивались одна за другой. Как в кино? Как в театре? Нет, нет, совсем иначе. Как наяву? Тоже нет. Как во сне? Да, это немного походило на сон, но с открытыми глазами, на длинную цепь снов, то страшных, то грустных, то радостных.

И еще это немного походило на удивительно странный медленный танец. Но больше всего это напоминало что-то, чего назвать я не умею; нет у меня таких таинственных слов.

Я смотрел сквозь чернильную темноту на эти картины, кое-что коротко записывая для памяти. Эльф, наверное, хорошо видел в темноте; иногда он тихо, чтобы не отвлечь, не помешать смотреть, поправлял меня. Однажды он сказал:

— Ты написал: «маленький Эльф». Это неточно и обидно. Ты, например, гораздо меньше слона, но для человека достаточно велик. Так и мы, эльфы. Маленьким по справедливости следует называть даже не того эльфа, который живет в чашечке ландыша, а того, дворец которого умещается в капле росы.

Я запомнил поправки Эльфа, продолжая смотреть и записывать. Уже закончилась новогодняя ночь, темнота редела, развиднялось, когда я увидел Рыжика, — она лежала в своей постели с открытыми глазами, — увидел Мальчика, Старшую Фею Леса, пегую собачонку и услышал слабый голос Рыжика:

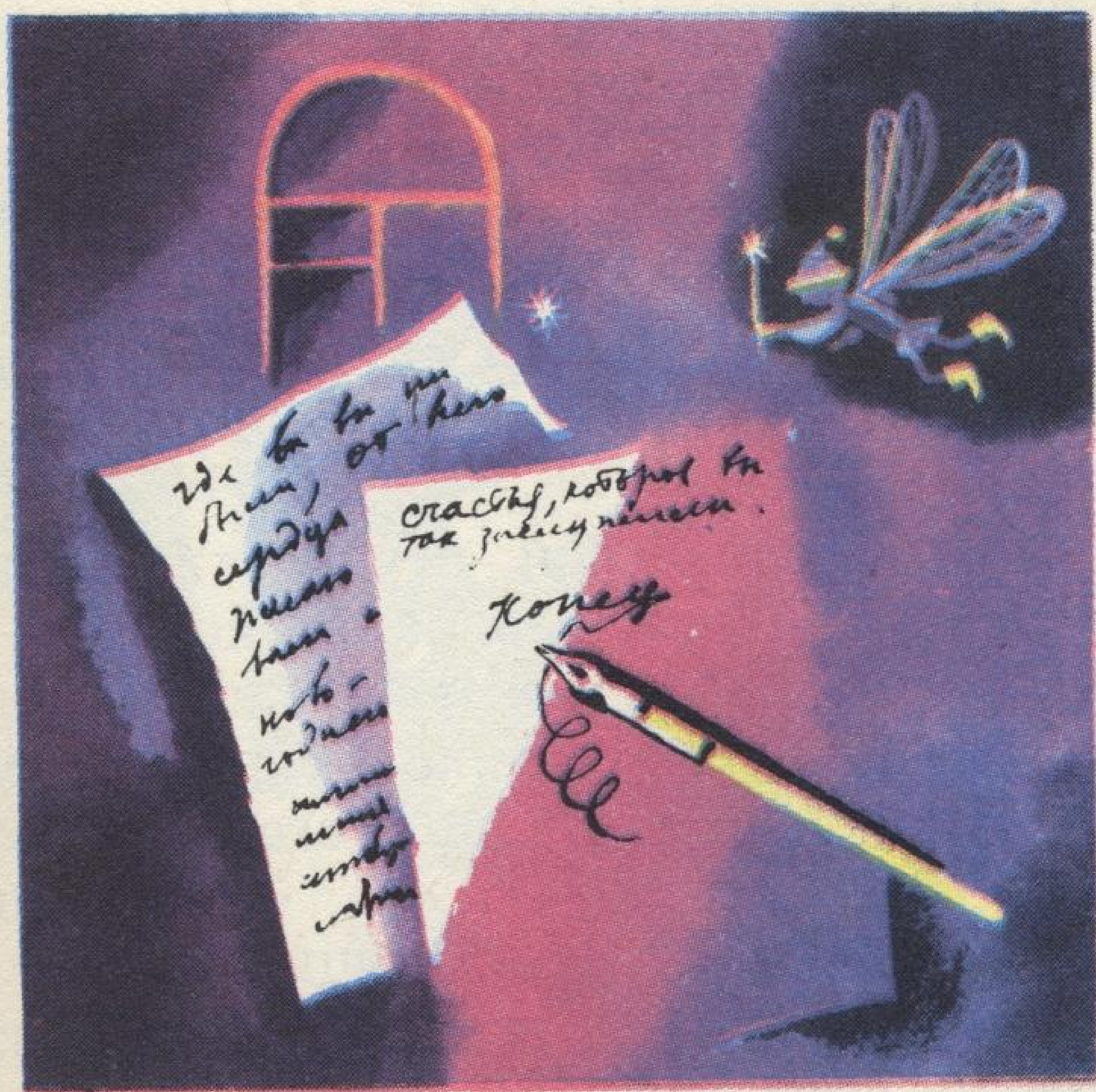
— Он окончился, человеческий подвиг, который ты мне предсказала? Я справилась?

И услышал ответ сестры:

— Ты отлично справилась, но человеческий подвиг никогда не оканчивается; он так же короток и долог, как коротка и долга человеческая жизнь.

Только она замолкла, фигуры тех, кого я успел так полюбить, стали бледнеть, удаляться; вскоре они совсем исчезли.

За окном в зеленовато-голубом зимнем небе медленно поднималось солнце. Где вы сейчас, Рыжик и Мальчик, Старик со Старухой, Старшая Фея Леса — фея мечты? Где бы вы ни были, от всего сердца желаю вам новогоднего счастья, которое вы так заслужили.



Шакир БИККУЛОВ

Кто он?

Вошел,
Сказал:
— Привет, дружок!
И вдруг
Взлетел
Под потолок.
Подбросил
Вверх
Ведро
И Кисть
И сам
На ней же
И повис...
Что это: сон
Или не сон?
И как так прыгать
Может он?
И кто он сам:
Волшебник?
Маг?
И как висеть он
Может так?..
Он мне усы
Нарисовал,
Он потолок
Заколдовал:
Лишь тронул
Кисточкой,
И тот
Стал тут же
Гладким,
Словно лед,
И засверкал,
Как сахар...
Я лишь смотрел
И ахал:
— Что это: сон
Или не сон?
И как так делать
Может он —
Под потолком
Висеть с ведром
И что-то громко
Петь притом?
И как он не боится
Оттуда
вниз
свалиться?..

Сынок

С работы
Папа мой
пришел:
Сестра
Спешит накрыть
на стол;
На плитку
Ставит мама
суп,
Картошку
и котлеты...
И со всех ног
Бежит щенок —
Несет ему
газеты.
А скажет
папа:
— Эй, сынок! —
К нему бегу я,
Как щенок.
Но, если
Бабушка войдет,
Наш папа встанет
в свой черед
И —
Улыбнись,
посмей-ка! —
Бегом очки
ей подает
И под ноги
скамейку.
Лишь позовет она:
— Сынок! —
Несется папа
Со всех ног...
Я и подумать бы
не мог,
Что папа,
Как и я,
СЫНОК!..

Перевел с башкирского
Л. МЕЗИНОВ.





«ЗАРНИЦЕ» ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Поздравляем с юбилеем пионеров-зарничников всех поколений! Пионерский салют всем старшим товарищам — руководителям нашей любимой военно-спортивной игры!



«ОТ ВСЕХ ЗАРНИЧНИКОВ — СТАРШИМ ТОВАРИЩАМ СПАСИБО!» — говорят юнармейцы средней школы № 4 г. Нарофоминска.

(Юнармейцы школы № 4 трижды побеждали в областных финалах. Были участниками двух Всесоюзных финалов игры «Зарница». В 1975 году в Ленинграде отряд юнармейцев школы № 4 получил приз министра просвещения СССР.)

Мы хотим поблагодарить всех руководителей начальной военной подготовки, главных наставников юнармейцев. Наш военрук М. В. Козин — бывший офицер Кантемировской дивизии. Он познакомил нас с военной техникой, научил стрелять, рассказал об истории своей дивизии и всей Советской Армии. Многие выпускники нашей школы поступают в военные училища. И это заслуга нашего Михаила Васильевича.

Мы благодарим всех воинов Советской Армии, которые проводят занятия с юнармейцами страны, дают для учения зарничников технику, боевой инвентарь. Большое спасибо друзьям нашей школы.

Командующего областной игрой «Зарница» Героя Советского Союза, генерал-майора К. А. Малыгина хорошо знают все юнармейцы области. Мы привыкли к его подбадривающему взгляду, теплым словам. Видишь его и перестаешь волноваться. Мы сказали бы, что в нашей области самый лучший командующий, если б не были уверены, что ребята всех областей считают, что лучший командующий — у них.









*Рядом с ребятами-зарничниками их наставники — воины Советской Армии.
На фотографии во втором ряду справа вы видите командующего игрой «Зарница» генерала армии Героя Советского Союза Андрея Лаврентьевича Гетмана.*





Фотографии В. ГУСЕВА.

А. САХАРОВ

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.



Обман

РАССКАЗ

До Вестминстерской церкви было недалеко. Джим шел, заложив руки в карманы старой кожаной куртки, и насвистывал веселую песенку: его толстые негритянские губы сложились в узкую трубочку. Джим волновался. Он повторял про себя: «Высокочтимый скаут-мастер Смэби...». Форест Смэби был шефом отряда бойскаутов, учителем и другом этих веселых, подтянутых мальчиков, одетых в темно-зеленые рубашки с нашивками на рукавах и с разноцветными шарфами на шее.

Форест Смэби считает, что каждый американец должен пройти школу скаутов. Скауты — это надежда Америки, утверждает Форест Смэби. Говорят, скаут-мастер строг. Джим вспоминает внешность Смэби: седина, тяжелые веки, отвисшие по-бульдожьи уголки губ, широкие губы. Джим несколько раз видал его, владельца местных типографии и лесопилок, Фореста Смэби, разъезжающим по городу в роскошном лимузине. Странно, что он обратил внимание на Джима. Не такая уж Джим видная персона. Правда, Джим быстрее всех в школе бегает и хорошо прыгает. У него длинные, сильные ноги и широкие для его тринадцати лет плечи. И в баскетболе он уступает лишь Дональду Смерлингу, которому идет уже пятнадцатый год.

...Все началось с того вечера, когда отец Джима пришел с митинга Общества борьбы за права негров. На северо-западе США общество это было организовано совсем недавно — после бурных событий в Чикаго, когда восстало негритянское гетто и когда вся «цветная» Америка, затаив дыхание, следила за борьбой чикагских негров за свои права. Тогда состоялся первый митинг общества. Там было принято решение: поддерживать на выборах в городской совет кандидатов, выступающих за равноправие и свободу слова.

А затем началось совсем невероятное.

— Послушай, Джим, — говорит отец, — ты ведь мечтал быть бойскаутом?..

Еще бы! В их школе только несколько учеников были бойскаутами. Они, эти корректные, веселые, ловкие ребята, приходили на занятия в красивой темно-зеленой форме с нашивками и значками. Джим завидовал им. Рассказывали, как в своем отряде они учились добывать, как древние индейцы, огонь при помощи кусочков дерева и сухого мха, вязать из канатов крепкие узлы, спасать утопающих и тушить пожары.

Джим был ловок и силен. Он также хотел добывать огонь, ходить в далекие походы с рюкзаком за плечами, спасать утопающих и тушить пожары. Но он не был бойскаутом. Когда он однажды заикнулся отцу о своих планах, тот нехотя ответил, что все не так просто и он не советует...

Джим не понял, в чем дело.

— Так вот, — продолжал отец, — на митинге подходит ко мне Смэби, ну этот владелец типографии и лесопилок, и говорит: «Послушайте, Смэлс, у вас, кажется, есть сын?» Ну, что я ему ответил? «Есть, мастер, есть». «Крепкий парень, а?» «Крепкий, мастер, очень крепкий». «Почему бы ему не вступить в скауты, Смэлс? Если хочет, пусть приходит на той неделе на сбор». Смэби метит в городской совет, и ему лишние голоса не повредят.

Джим сам скажет скаут-мастеру, что мечтает стать скаутом, он наизусть прочитает ему скаутскую клятву... Как это?.. «Скаут должен быть правдивым и преданным своим родителям и своей стране. Он должен быть вежливым, добрым и религиозным, послушным и смелым...»

Джим шел и шевелил губами. Он очень хотел быть бойскаутом.

— Эй ты, черномазый, оглох, что ли! Как проехать к Вестминстеру?

Только сейчас Джим обратил внимание на небольшую спортивную машину, стоявшую у тротуара.

— Сколько раз тебя нужно спрашивать? Что за народ!

За рулем сидел широколицый, белоголовый мальчик с белыми бровями и белыми ресницами. И глаза его, круглые, сердитые, со злости казались белыми.

— Извините, сэр, я задумался. Ехать так: два блока прямо, затем три блока налево. Две минуты при хорошей скорости.

Белоглазый дал газ. «Задумался! Вот народ!» — пробормотал он. Джим посмотрел ему вслед. Где-то он видел этого белобрового. Ну, да бог с ним. Не стоит портить праздничное настроение. Скоро все переменится — так говорит отец.

Когда большие часы Вестминстера пробили семь, Джим уже отворял тяжелые резные двери.

Он входит в большую светлую комнату. Пусто и тихо. Блестящий паркетный пол, и ослепительно белый высокий потолок. Группа мальчиков в зеленых форменных костюмах с нашивками на рукавах и значками на груди. Они все собрались здесь, городские скауты — шесть патрулей: «тигры», «совы», «лани», «антилопы», «бизоны» и «лисы». Сейчас они готовятся к церемонии открытия сбора.

Джим знал этих ребят. Дерек Калан — сын местного врача, толстый, в роговых очках, с маленьким ртом, с тонким голосом. Он младший скаут. Долговязый Стефан Кэлсоу — сын пастора, благотворитель отряда бойскаутов. Положительный и невозмутимо спокойный Виктор Чессман, сын владельца ресторана «Вечер Парижа». Малыш Лесли Шаргин, сын комиссара полиции, которому еще нет и одиннадцати. Важно стоит и поглаживает свою новенькую, с иголочки форму. Он недавно перешел из кандидатов в младшие скауты и ужасно горд.



Когда Джим вошел в комнату, группа мальчиков в зеленых форменных костюмах готовилась к церемонии открытия сбора.



А этот? Знакомое лицо. Да это белоглазый из спортивной машины! На нем нет формы, но он здесь всех знает. Он стоит, крепкий, белоголовый, рядом с двумя старшими скаутами, что-то говорит им и указывает бровями на него, Джима. Гмм, да ведь это Уолт Бэйкер! Он только недавно приехал в этот город и поступил в их школу. Дональд говорил, что его отец дьявольски богат.

— Вы, наверное, сын Гарри Смэлса?

Джим переводит взгляд с белоглазого на скаут-мастера Фореста Смэби, который улыбается. Морщинки на его лице разбегаются тонкими лучиками, а в стеклах очков вспыхивают веселые, приветливые огоньки.

— Да, сэр... то есть да, скаут-мастер.

Скаут-мастер оглядывает Джима с ног до головы, еще раз улыбается и задает вопросы. Да, Джим готов стать братом любому скауту, да, он верит в бога, да, он будет послушным и терпеливым.

— Хорошо, Смэлс. Можете считать себя кандидатом. Если вы проявите себя, вы можете ко дню «Сбора чести» надеяться на удачу.

Скаут-мастер кладет руку на плечо Джима и снова улыбается. Откуда-то появляется фоторепортер, он быстро щелкает затвором и говорит: «Так, хорошо. Хорошо».

Раздается команда. Мальчики бросаются по своим местам. Четко рапортуют начальники патрулей.

Скаут-мастер Смэби обходит патрули. Останавливается. Спрашивает. Кивает головой. Улыбается. Снова спрашивает, снова улыбается. Потом он подходит к столу и поднимает руку. Он говорит о делах скаутов, о суровых и мужественных переселенцах, о современной Америке. И свою речь кончает словами капитана Джона Скотта, первого поселенца в здешних местах: «Мы рождены не для себя, но ради того, чтобы делать людям добро, ради любви к богу».

Теперь каждую неделю Джим бывал у бойскаутов в Вестминстерской церкви. Он учился вязать морские узлы, фильтровать загрязненную воду (это может пригодиться в походе) и тушить пожары. Он бегал эстафеты со своим патрулем «антилоп» и пел бойскаутские песни. Все было очень хорошо. Скаут-мастер Смэби иногда подходил к нему и, распуская по своему лицу тонкие морщинки-лучики, говорил: «Правильно, Смэлс, только так».

Фотография Джима вместе с Форестом Смэби обошла почти все местные газеты: доброжелательный, улыбающийся владелец типографии и лесопилок, кандидат в городской совет, и Джим — тринадцатилетний негритянский мальчишка, кандидат в бойскауты.

Одно смущало Джима: не все скауты относились к нему одинаково. Дональд Смерлинг и Стефан Келсоу просто не замечали его, малыш Лесли не раз по-дружески говорил ему:

— Плюнь на все, Смэлс, и делай свое дело. Мне бы такие мускулы, как у тебя.

Джим не обижался, когда ему поручали в отряде что-нибудь не очень приятное: «Хэлло, Смэлс, сходи-ка за водой! Смэлс, вбей колышки! Подай бинты!» Какие могут быть обиды, все-таки он еще только кандидат в бойскауты. И лишь однажды он ушел со сбора расстроенный, когда перед построением Уолт Бэйкер взорвался: «Долго я еще буду стоять рядом с этим черномазым!» Подошел скаут-мастер, обнял Уолта за плечи и что-то, улыбаясь, зашептал ему на ухо.

Наступило лето, приближался день торжественного «Сбора чести». К этому времени приурочивалось самое интересное соревнование — «бег шарфов». Патруль, который вел бег, должен был пронести свои шарфы, минуя все пре-



«Антилопы» поставили палатки, разожгли костер и достали припасы

пятствия, ускользнуть от противника, обойти часовых его и доставить шарфы в штаб отряда к большой секвойе на горе Диггерхилл.

Все уже было готово к соревнованиям. На озеро спустили несколько каноэ, черными стрелками отметили на карте маршрут. Первыми должны были бежать «антилопы». Малыш Лесли Шаргин ходил гордый: отец сказал ему, что Лесли может рассчитывать на звание скаута более высшего, второго класса. Это в одиннадцать-то лет! Право неплохо! Сведения абсолютно точные: в субботу отец играл в покер с мистером Смэби у Бэйкеров. Ждал повышения и Дональд, он даже купил бойскаутский значок.

В семье Смэлсов это было тоже горячее время. Отец и старший брат Джима, рабочий бензоколонки, возвращались домой поздно. Шла предвыборная кампания. На собраниях негритянская община поддерживала кандидатуру Фореста Смэби в городской совет. Отец говорил:

— Смэби — порядочный парень. Вот увидите, он покончит с безобразиями.

Отряд выступил к озеру Эйл рано утром. Скаут-мастер Смэби напутствовал его:

— Друзья, очень сожалею, что не буду, как всегда, в решающий момент вместе с вами, серьезные дела задерживают меня в городе. Желаю вам всем победы. Помните слова капитана Скотта: «Бог никогда не ошибается, когда он выделяет кого-то из нас».

Патрули цепочкой направились к темнеющему вдалеке лесу. «Антилопы» пошли на юго-восток, к огромному синему озеру Эйл. Остальные — на северо-восток, к лесистому холму с вершиной Диггерхилл.

Джим шел замыкающим. Был он в своей старенькой кожаной куртке и потертых брюках-гольфах. Нес котелок, рюкзак с припасами да еще палатку из нейлона.

Вот закончится поход, и Джим сможет надеть зеленую скаутскую форму. И будет поднимать два пальца над головой в скаутском приветствии, и будет называться младшим скаутом.

Все дальше и дальше уходили скауты в глубь леса. Все гуще становились деревья.

Озеро показалось внезапно, синее-синее. Палатки были сброшены на землю, и минуту спустя скауты уже бегали по берегу, брызгались холодной водой. Прозвучала команда к построению. «Антилопы» поставили палатки, разожгли костер и достали припасы: мясные консервы, соки, хлеб. После короткого отдыха скауты были в боевой готовности.

У Джима еще не было скаутского шарфа, поэтому он должен был отвлекать внимание «противника».

«Антилопы» двинулись в путь еще засветло. Один за другим они пошли сначала вдоль берега, а потом исчезли в лесу. Где-то там, впереди, затаились патрули: «тигры», «лисы», «бизоны». Они ловили в наступающей вечерней тишине каждый шорох, каждый звук. Неосторожное движение — и тебя обнаружат, окружат, поймают.

Джим волновался. Шел, затаив дыхание. Ему казалось, что хруст ветки под ногами, даже громкое дыхание, выдадут его с головой.

Но вокруг все было спокойно. Трава была покрыта росой, и через несколько минут он промок до нитки. Он обогнул гору камней, сверил по компасу направление и снова двинулся вперед.

Вдруг он услыхал приглушенный говор. Не-



Джим взял Уолта под мышки и приподнял.

сколько голосов негромко о чем-то спорили, кто-то тихо засмеялся. Джиму показалось, что это голос Дональда. Разговоры и смех в засаде были нарушением бойскаутской дисциплины. Нет сомнений, он на линии чужих патрулей, нужно было быть особенно осторожным.

Прошло еще несколько минут. До вершины горы оставалось не больше полукилометра. И в этот момент почти над самым ухом Джима, словно выстрел, прозвучали слова:

— Я вижу тебя, Смэлс, сдавайся!

И в то же мгновение прямо на него из-за кустарника метнулась чья-то тень. Уолт! Белоглазый!

— Сдавайся ты, образина! — сказал Уолт торжествующе.

Уолту, конечно, не очень повезло: захватить в плен негритенка — невелика заслуга, но, чтобы приняли в младшие скауты, этого достаточно.

— Ну, пошли.

Джим возмутился:

— Но вы же меня не поймали, мистер Бэйкер, вы даже не дотронулись до меня пальцем! — У Джима лукаво заблестели глаза. — Ловите же!

— Стой! — закричал Уолт и побежал за ним.

Джим бежал легко. Сзади, чертыхаясь и отставая, топал Уолт.

— Стой! Неужели он уйдет? Стой!

Уолт на бегу схватил камень и метнул его в Джима. Камень попал в ногу, резкая боль прон-

зила тело Джима. Он упал, но тут же поднялся и, хромая, побежал, взбираясь по скалистым выступам горы все выше и выше. На секунду он остановился перед глубокой расщелиной, примерился, перескочил. Но Бэйкер настигал его. И вдруг позади раздался крик. Обернувшись, Джим увидел своего преследователя. Он лежал в расщелине, через которую минуту назад перепрыгнул Джим.

Джим вернулся к Уолту. Тот лежал на боку и тихо стонал. Джим ловко перевернул его на спину, осмотрел, кажется, ничего страшного, потом сбегал к ручью, зачерпнул воды и облил Уолта. Тот открыл глаза и угрюмо приказал:

— Помоги мне встать.

Джим взял его под мышки, приподнял.

— Вы сможете дойти сами, мистер Бэйкер?

— Ты что, спятил? — закричал Уолт. — Поддержи меня.

Когда мальчики добрались до вершины Диггерхилла, игра уже закончилась. «Антилопы» потерпели поражение: никому из них не удалось положить свой шарф у подножия секвойи, растущей на вершине холма. Споры быстро затихли, и теперь оба патруля были вместе.

— Где это тебя угораздило, Уолт? Как ты дотащил его, Джим, ведь Уолт не букашка? — расспрашивали ребята.

А Лесли Шаргин, гордый и честолюбивый — он первый обнаружил начальника патруля «антилоп» долговязого Стефана Кэлсоу, — положил руку на плечо Джима.

— Ты настоящий скаут, Смэлс, не оставил товарища в беде.

В сущности, этот маленький толстяк Лесли неплохой парень.

В город бойскауты вернулись на следующий день. Он еще не остыл от предвыборной борьбы. Теплый ветер гнал по улицам обрывки газет, предвыборных лозунгов, листовок.

Негры дружно проголосовали за Смэби, и он был избран. Теперь люди от него ждали выполнения предвыборных обещаний.

Проходил день за днем, и отец Джима все больше мрачнел: прошло уже несколько собраний городского совета, но мистер Смэби и не думал об их выполнении. Он обратил на себя внимание лишь тем, что внес предложение о строительстве новой ветки железной дороги от поселка Вильсон — центра лесоразработок — до их городка. «Это облегчит передвижение рабочих», — мягко улыбаясь, говорил мистер Смэби. А рабочие возмущались: ну и ловкач, за счет города он теперь повезет древесину на свои лесопилки.

После выборов Смэби больше не заходил в негритянский квартал. Джим видел Смэби, едущим в большом автомобиле, или у подъезда единственного в городе небоскреба, куда переместились теперь конторы предприятий Бэйкера. Когда Джим однажды на улице приветствовал его: «Здравствуйте, скаут-мастер Смэби», — тот скользнул по нему рассеянным, холодным взглядом и прошел мимо.

...Наконец наступил долгожданный день. В большом зале Вестминстерской церкви собралось много народу: родственники скаутов, школьные учителя. В центре зала ровными рядами стояли бойскауты. За столом президиума — настоятель церкви Кэлсоу, улыбающийся скаут-мастер Смэби, почетный гость Бэйкер, подаривший недавно отряду две новеньких моторных лодки.

На левом фланге стоят в парадных костюмах Уолт Бэйкер и Джим Смэлс. Уолт злорадствует: «Больше я не буду стоять рядом с тобой, обезьяна ты этакая!» Джим не обращает на него внимания. Он ждет, когда назовут его имя. Вот получает нашивку скаута второго класса Лесли Шаргин, Дональд Смерлинг — знак «Орла». Один за другим вызывают к столу скаутов. «Уолт Бэйкер!» Уолт молодцевато подходит к столу, произносит клятву, отвечает на заданные ему вопросы, получает нашивку младшего скаута. Джим напрягается. Сейчас его очередь. Но что это? Лицо скаут-мастера скучнеет, улыбка исчезает. Он смотрит куда-то в сторону.

— На этом мы заканчиваем торжественную часть. Остальные кандидатуры мы рассмотрим на следующем «Сборе чести». А сейчас, господа, скауты покажут вам то, что они умеют делать.

«Остальные» — это же он, Джим Смэлс! Как же так? Он пробирается сквозь толпу к столу и возмущенно обращается к скаут-мастеру, смотрит в его застывшее лицо, ждет ответа, губы его дрожат.

— Я не понимаю, собственно, что за претензии, Смэлс. Так решил отряд. Нам стало известно, что вы там, в лесу, затеяли драку. Это не в духе нашего движения.

Джим стоит, хочет что-то понять. Его кто-то сзади обнимает за плечи. Это отец. Он уводит своего сына. Дома отец, указывая на новенький скаутский костюм, говорит Джиму:

— Верни им это тряпье. Хватит...

Вскоре состоялась первая после выборов демонстрация, организованная Союзом борьбы за права негров. Над головами демонстрантов колыхались транспаранты и лозунги: «К ответу Смэби, Бэйкера и компанию!».

Среди демонстрантов впервые шли Смэлсы — Джим и его отец.



Его зовут «СЕМЬСОТ ПЕРВЫЙ»



Фамилия — «КИРОВЕЦ». Род занятий: ТРАКТОР

Он пашет, боронит, сеет... Может возить тяжелые прицепы с грузом. Может, если нужно, крутить вал любой машины. К генератору приставишь — он один осветит большое село, а то и маленький город, к насосу — за час накачает целое озеро воды.

Если бы сегодня «Семьсот первый» встретил своего далекого предка, прародителя славного рода «кировцев», он бы с удивлением посмотрел на хилого старичка и скорее всего не признал бы в нем прадеда.

Тот первый «Кировец» ходил на необутых железных колесах. Кабины в нем совсем не было. В осеннюю стужу, разогрев поддон коптящим факелом, тракторист заводной рукояткой долго раскручивал движок. Потом, закутавшись в черный от копоти и масла тулуп, забирался на железное седло, торчавшее позади капота, со скрежетом переводил рычаг, и «Кировец», переваливаясь и кряхтя на колеях и кочках, не спеша отправлялся в поле, на работу. Голос громкий был у старика: на десятки километров слышалась пулеметная трель его отсечки. А вот силенка у «Кировца» была невелика — всего двадцать лошадей. Сегодня есть мотоциклы сильнее.

И все-таки это был трактор! Когда в первой пятилетке тринадцать тысяч тракторов выкатились из ворот Кировского завода в Ленинграде и двинулись на колхозные поля, наш народ оценил это как великую победу. «Артиллерией полей» называли тогда тракторы. И не зря называли: по косности, по темноте, по отсталому, единоличному сельскому хозяйству била эта артиллерия.

Слабовата была в те годы наша техника. А все-таки за двадцать лошадей и за двадцать человек справлялся в поле один чумазый от копоти тракторист. Нехитрой машиной был первый «Кировец». Сегодняшний семиклассник справился бы с такой механикой. А все-таки и это была механика. Без знаний к ней не подойдешь.

И потянулся мужик-хлебороб к знаниям. Хочешь не хочешь пришлось узнавать, что такое давление, что такое сцепление, зачем человеку электричество.

Год за годом множились числом и крепли силой табуны советских тракторов. Росла и числом и умением семья сельских механизаторов... На сегодняшнем тракторе семикласснику делать нечего. И трактористу двадцатых годов не справиться с сегодняшним «Кировцем».

Вон он какой, красавец «Кировец-701»! А силач какой! Движок — в 300 сил, вес — 13 с лишним тонн. Такого богатыря босым на дорогу не выпустишь: разобьет дорогу. Посмотри, как его обули: шины мягкие, как кеды, и, как кеды, цепкие. А если и они забуксуют, можно им еще веса добавить: накачать в шины воды.

На мягких лапах по любой дороге «семьсот первый» идет мягко, без тряски, без грохота. Надо — грузовик догонит, надо — поползет, как черепаха: шестнадцать скоростей в коробке передач у «семьсот первого».

Жалко, в кабину мы с тобой не заглянем. Ну да, может быть, когда подрастешь, сам станешь механизатором. Вот тогда сядешь сперва на второе сиденье, а потом и за штурвал «семьсот первого». Сразу-то за штурвал нельзя. И знающему человеку сперва нужно присмотреться.

Сложное хозяйство у сегодняшнего тракториста. Одних рукояток под руками штук пятнадцать. А щиток: тут и амперметры, и тахометры, и манометры, и термометры... И все ведь нужно! А зато комфорт какой: зимой тепло, летом прохладно. Чисто, как в лаборатории. И силы совсем не нужно, чтобы управлять этим силачом. Гидравлика, пневматика, электроника — всегда на подхвате, готовы откликнуться на любой твой сигнал.

Приглядись к рулевому колесу. Как на «Москвиче». А чуть тронь его, поверни — и оба огромных колеса вместе с полутележкой свернут в сторону, да так круто, что по кругу с семиметровым радиусом побежит этот богатырь.

Удобная машина. Послушная, надежная, экономичная, производительная. Хорошо работать на такой. Да только для этого и логарифмы понадобятся, и тригонометрия, и электроника... А, впрочем, где сегодня без них обойдешься?

А. НЕКРАСОВ



Скауты

Это произошло в небольшом городке Северный Колдвелл, недалеко от Нью-Йорка, в самый разгар американской агрессии во Вьетнаме.

Жители готовились к рождественским праздникам — и взрослые и дети: покупали елки, игрушки, сладости, новогодние открытки. Меня пригласили в школу посмотреть, как готовятся ребята к новогоднему празднику. В просторной комнате было шумно. Мальчики и девочки (все они были в скаутской форме) занимались своим любимым делом. Кто-то рисовал. Кто-то клеил игрушки. Девочки разучивали танцы.

Когда занятия кончились, каждый, прощаясь, подходил к роялю, на котором лежал большой металлический поднос, и клал на него по нескольку монет. Я поинтересовался у руководителя группы, для чего дети собирают деньги. Тот мне ответил: «У наших солдат во Вьетнаме тоже рождественские праздники. Дети и собирают деньги на подарки для тех, кто сейчас воюет далеко от дома...» (то есть для тех, кто бомбил вьетнамские города и села, убивал мирных жителей и детей).

В это же время вот что происходило в пионерских дружинах нашей страны: ребята готовили подарки для ребят сражающегося Вьетнама: портфели, тетради, ручки и карандаши, игрушки. Они их покупали на заработанные деньги, на деньги, полученные за собранный металлолом и макулатуру. Одна ленинградская школьница в новенький портфель положила свою куклу и написала записку: «Это моя любимая кукла. Пусть моя вьетнамская подруга играет с ней».

Из Новороссийска и Владивостока два советских корабля увезли подарки детям Вьетнама.

Наверно, ты уже понял разницу между отношением скаутов и пионеров к событиям во Вьетнаме?

Кто же такие скауты?

Скаут (по-английски значит «разведчик») — член буржуазной детской организации. Бой-скаут — мальчик-разведчик, герл-скаут — девочка - разведчица. В ряде стран для мальчиков и девочек существуют отдельные организации.



Значок скаутской организации Алжира.

В царской России тоже была скаутская организация, многие воспитанники которой были сынки богатеев. Во время Октябрьской революции они встали на сторону врагов трудового народа — Деникина, Колчака, Краснова. В 1919 году II съезд РКСМ распустил все существовавшие в стране скаутские организации.

У скаутов есть своя клятва и свои законы, в которых провозглашается верность богу и руководителям скаутской организации, есть своя форма, знаки различия, награды. Скаутские организации содержатся на средства крупных капиталистов и буржуазных государств. На эти же деньги устраиваются лагеря, где скауты занимаются спортом, туризмом, техникой, военным делом.

За последние тридцать лет в мире произошли огромные перемены. Многие страны Азии и Африки освободились от колонизаторов и строят новую жизнь. В такой стране, к примеру, как Алжир, тоже есть скаутская организация, но ее цель — помогать народу строить социализм, бороться за мир. Со скаутами ряда стран Азии и Африки пионерская организация поддерживает дружеские связи, делегации скаутов этих стран приезжают в Артек.

С. СЛАВИН.





Дневники и письма

Трудно писать об этой книге.

Трудно потому, что она потрясает до глубины души и руки сами тянутся к новым страницам. В этой книге исторические документы людей, о которых можно рассказывать легенды. Каждого она притягивает, как магнитом, потому что каждая строчка, каждое слово написаны на обыкновенном тетрадочном листке корявым почерком тех, которые шли на любые испытания, отдавая свою жизнь за счастье других. Она о великих людях Отечественной войны.

Эта книга — последние слова тех, кто в борьбе с фашизмом заплатил своей жизнью за свободу Родины. Перед лицом смерти обращались они со словами прощания к нам, людям семидесятых годов. Они верили в нас, верили, что мы будем так же, как и они, горячо любить нашу Родину.

С болью читаешь письма, дневники и записки.

Многие из них — это завещания родным, комсомольцам и всем нам, сегодня живущим людям.

...Завещание:

Прошу переслать его моей матери Лурье, проживающей в г. Кирове, она эвакуирована из Латвии.

Я умираю за Родину, за коммунизм. Прошло два месяца ожесточенной борьбы с врагом. Для меня наступает последний этап борьбы — борьбы за Таллин. Отступления быть не может.

Жалко умирать в двадцать четыре года, но в настоящей борьбе, где на весы истории всего человечества ставятся миллионы жизней, я свою также отдаю, зная, что будущие поколения и вы, оставшиеся в живых, будете нас чтить, вспоминать как освободителей мира от ужасной чумы. Что еще писать?

Мама!

Не огорчайся!

Я не первый и не последний, положивший голову за коммунизм, за Родину.

Да здравствует СССР и победа над врагом!

Комсомолец Латышского полка Бина Лурье.

Разве можно спокойно читать такие строки?

Гитлеровский фашизм убивал сотни тысяч людей, но никогда он не смог сломить волю советского человека и одержать над ним победу. Эта книга стоит наравне со всей историей Великой Отечественной войны. Вышла она в издательстве «Молодая гвардия».

Рита Витенберг, 7-й класс, п. Кварцитный карьер, Челябинская область.



Я поняла, что такое стихи

Я не понимаю, какой может быть человек без стихов? Стихи — это как воздух, стихи — это как песня! Я не поверю, что есть люди, не любящие стихи. Хотя... Я тоже была недавно такой. Я учила стихи, которые мы проходили в школе. Даже, признаться, злилась, когда задавали длинное стихотворение. Но однажды я прочитала в «Комсомолке» отрывок из стихотворения «Зоя», которое написа-

ла Маргарита Алигер. Я даже не учила его, оно само по себе запомнилось. Из нескольких строчек я поняла, что такое стихи! Можно ли объяснить мое состояние вот сейчас, когда я пишу письмо? Я поняла, что оно не должно быть только у меня, и я читала стихотворение своим друзьям, знакомым. С тех пор я стала любить стихи. Мне очень хотелось прочитать всю поэму целиком. Но, увы, я ее не нашла, и у меня в душе остался только маленький отрывок. Где бы я ни была, у меня в уме все стоят слова Зои:

— Граждане,
не стойте,
не смотрите!
(Я живая, — голос мой звучит.)
Убивайте их, травите, жгите!
Я умру, но правда победит!

Эта вера в победу давала Зое силы. Она всей душой ненавидела фашистов и умерла как патриот своей Родины.

Людмила Полевик, 6-й класс,
п. Боково-Платово,
Ворошиловградская область.

ГУЛЯ, ВОЛОДЯ И АРТЕМКА





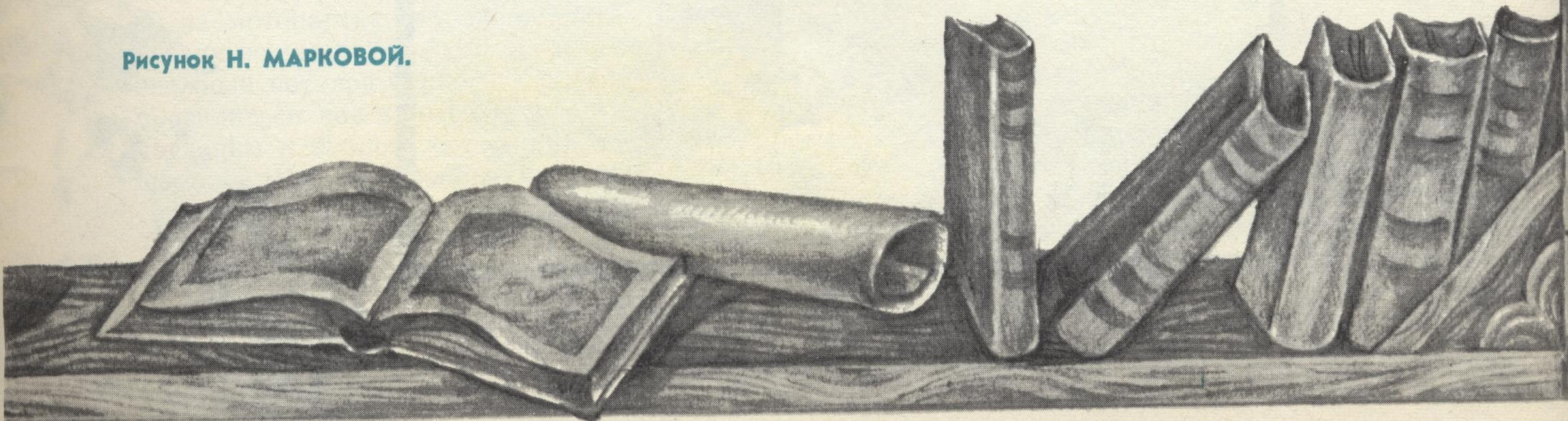


За свои пятнадцать лет я прочитала много книг. И каждая из них оставляла какой-то след. Особенно мне запомнились три книги: «Четвертая высота» Е. Ильиной, «Улица младшего сына» (авторы Л. Кассиль и М. Поляновский) и «Артемка» И. Василенко.

Прочитав эти книги, я почувствовала такое, что никогда не чувствовала раньше, поняла очень многое, чего не понимала, над чем никогда не задумывалась. Эти книги многим связаны между собой. В трех книгах повторяются те же волевые, мужественные характеры героев, их поступки, маленькие победы над собой и окружающим, которые позже превращались в настоящие подвиги. (Конечно, в повести «Артемка» не написано, что герой этой книги совершил подвиг, но разве не ясно, что, когда придет время, он его обязательно совершит.) Разница между героями этих книг заключается лишь в том, что Гуля и Володя — это люди, которые существовали на самом деле, а Артемка, к сожалению, оказался выдуманным лицом. Вот это меня и удивило. И сразу, прочитав эту замечательную книгу, я задала себе вопрос: «Если «Артемка» — это просто выдумка, то почему автор описывает его характер так, как будто он жил вместе с ним, был его близким человеком?» Но тут же сама ответила на свой вопрос: «А ведь тогда человек настоящий писатель, когда он сможет передать характер своего героя и этим уверить читателя в том, что его герой существовал на самом деле».

Катя Азизова, 8-й класс,
г. Хасавъюрт,
Дагестанская АССР.

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.





НА ОСТРОВЕ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ



Маска защищает лицо от сильных ветров и морозов, а очки спасают глаза от слепящего снега. На снимке — начальник экспедиции С. Е. Беликов.

Остров Врангеля — одно из самых ветреных мест на земле. Его называют островом метелей, а ученые — лабораторией изучения белых медведей.

Уже шестой раз отправляется на этот остров научная экспедиция Центральной лаборатории охраны природы. **Станислав Егорович БЕЛИКОВ**, руководитель экспедиции, встретился с нашим корреспондентом и рассказал о своей работе.

Корреспондент. Белые медведи живут почти на всем побережье Ледовитого океана. Почему вы выбрали остров Врангеля?

Беликов. Остров Врангеля — самый большой во всей Арктике медвежий «родильный дом». Здесь зимуют около двухсот медведиц, и здесь же в декабре — январе у них появляются медвежата.

Мы приезжаем сюда дважды: осенью, когда медведицы ложатся на зимнюю спячку, и весной, перед тем, как они вместе с медвежатами покидают берлоги.

Корреспондент. А вам приходилось видеть, как медведицы строят берлоги?

Беликов. Конечно. Ранней осенью они подолгу бродят среди прибрежных скал. Найдут подходящее место, обнюхают вокруг снег, лапой проверят, прочный ли. И начинают рыть. А мы наносим берлогу на свою карту, чтобы легче ее найти в марте. Конечно, не все берлоги нам удается разыскать. Мы находим их по отдушине, которую продышали медведицы в снегу.

На фотографии вы видите обычный заполярный пейзаж. Обычно мы передвигаемся по острову на мотонартах, но попробуйте подобраться на них по таким торосам! Да и небезопасно это: снежный потолок берлоги может не выдержать, провалиться под тяжестью саней. Поэтому мы подходим к берлоге осторожно, ощупывая снег шестом. Шестом пробиваем потолок берлоги. Потревоженная медведица хватает конец шеста. Тут уж ясно: берлога не пустая, можно начинать обследование.

Корреспондент. Медведица не может выскочить из берлоги?

Беликов. Может. Медведица-мать всегда старается защитить своих детенышей. Бывает, что она выскакивает из берлоги и бросается на людей. Вот когда нужна бывает выдержка. Зверь бежит прямо на тебя, а ты стоишь и не шевелишься. Побежишь — медведица бросится вдогонку, сработает инстинкт хищника: он всегда преследует свою добычу. А бегает медведица гораздо быстрее человека! Если же зверь не отстает, приходится отпугивать его ракетами. За все годы только один раз разъяренная медведица бросилась на человека, и нам ничего не оставалось, как пристрелить ее. Поэтому мы торопимся ее обездвижить в берлоге: стреляем в зверя шприцем со специальным лекарством. И минут через пятнадцать, когда медведица перестает двигаться, приступаем к работе.

Корреспондент. А что стало с медвежатами убитой медведицы?

Беликов. У нее был один медвежонок, самочка. Мы назвали ее Машенькой и самолетом отправили на Большую землю. Сейчас она в Берлинском зоопарке.

Корреспондент. Что же вы успеваете сделать за то непродолжительное время, пока медведица лежит без движения?

Беликов. Расширяем отверстие, спускаемся в берлогу, начинаем работу: измеряем длину туловища, лап, когтей, взвешиваем медведицу. На эту операцию уходит много времени: нелегко уложить медведицу на сетку для взвешивания.



Фотографии С. БЕЛИКОВА.

Вот так, в берлоге, взвешивают медведицу.

Потом по зубам определяем возраст медведицы. Прикрепляем к ее ушам метки, а на белом мохнатом боку краской пишем номер.

Медвежата обычно без страха подходят к нам, хватают за унты, обнюхивают каждый предмет. Но только попробуй возьми малыша на руки, чтобы поставить метку, он такой крик поднимает, так отчаянно вырывается! А сила у этого дитяти медвежья: трое взрослых с трудом могут удержать медвежонка, который и весит-то всего десять — пятнадцать килограммов.

Наконец все семейство взвешено и обмерено. Медведица сонно поднимает голову, значит, через несколько минут она очнется. Надо торопиться.

Выбираемся наверх, взмокшие, несмотря на тридцатиградусный мороз. Садимся на мотонарты — и дальше, на поиски новой берлоги.

Корреспондент. А зачем вы метите медведей?

Беликов. Наша метка вроде метрики. Она свидетельствует о том, что медвежонок родился на острове Врангеля. Когда он вырастет и отправится кочевать на океанских льдинах, по нашим меткам можно будет определить его маршрут.

Очень важно также узнать, возвращаются ли медведицы на остров Врангеля или выбирают новые места для зимовки.

Корреспондент. Встречались ли вам медведи, меченные вами?

Беликов. Пока не встречались. А вот медведицу, меченную американскими учеными, мы в этом году видели и сообщили им об этом. Ученые СССР, Канады, США, Норвегии, Дании, исследующие жизнь белых медведей, работают по единой программе. У нас общая цель — сохранить этого прекрасного зверя, добиться, чтобы число его не сокращалось, а росло. В Советском Союзе уже больше десяти лет полностью запрещена охота на белых медведей. Три года назад запрещена она и во всех северных странах.



У этой медведицы четверо медвежат: два родных и два приемных. Осиротевших медвежат ученые нашли в берлоге, почему-то покинутой медведицей, и подбросили их вот этой мамаше.

С этим семейством работа закончена, ученые ушли на поиски другой берлоги, а медведица с малышами выбирается на побережье. Начинается полярное лето.

Ученые выяснили еще одну неприятную вещь: средний вес медведиц за последние годы резко уменьшился. Правда, в прошлом году он снова стал расти. Мы думаем, что это происходит от недостатка корма. Медведь — хищник, питается в основном тюленями. Видите, как в природе все взаимосвязано. Надо изучить, как обстоит дело с тюленьим стадом. Возможны и другие причины. Какие? Ученым предстоит выяснить это.

Вообще белый медведь поставил перед нами немало вопросов, на которые мы пока не можем дать ясного и полного ответа.

На острове зимуют самки, а где и как проводят зиму самцы? Как они находят пищу в темноте полярной ночи? Что им помогает переносить такие низкие температуры и длительные голодовки? Мы должны как можно больше узнать о жизни этих интересных животных. Это поможет их сберечь.



Беседу вела В. АРТАМОНОВА

Печеночница
Сон-трава
Подснежник

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

Начинаем операцию «ПОДСНЕЖНИК»

Ау! Ау! Ау!

Лесным справочным бюро «Ау!» приняты сигналы бедствия.

— Я дикий тюльпан Казахстана. Срочно прошу защиты.

— Я сцилла, голубой подснежник русских и украинских дубрав. Нуждаюсь в неотложной помощи.

— Я галантус, белый подснежник Кавказа и Крыма. Спасите меня!

Эти сигналы взяты нами из Красной книги растений СССР, куда записаны исчезающие и ставшие редкими виды растений. Среди них—белый галантус, голубая сцилла-пролеска, дикие тюльпаны — множество весенних первоцветов. Они расцветают в разные сроки — ведь почти полгода длится в нашей огромной стране весна. У разных краев и республик свои подснежники, но над всеми ними нависла беда. Они становятся добычей жадных рук продавцов цветов и любителей собирать букеты. В окрестностях больших городов уже не встретишь подснежников. Если не будут приняты срочные меры, они и вовсе переведутся. А что за весна без подснежников?!

Совет Всесоюзной Красной тетрадки при редакции журнала «Пионер» объявляет сигнал тревоги! **Все любящие природу ребята, защищайте весенние первоцветы! Проводите операцию «Подснежник»!**

Первое условие для участия в операции. Ты обещаешь никогда не рвать никаких весенних первоцветов ни для себя, ни для гербария, ни для продажи.

Операция «Подснежник» начинается с разведки.

1. Узнайте и запишите в свою Красную тетрадку, какие красивые весенние цветы в вашей местности расцветают первыми, как они называются, где растут, как часто встречаются, сроки их цветения. Эти же сведения с приложением рисунков или фотографий будут вашей первой весенней сводкой, которую мы ждем от вас.

Наблюдайте за ними и присылайте сводки в течение всей весны. Интересные наблюдения будут переданы ученым.

2. Рассказывайте о судьбе подснежников у себя дома, во дворе, в школе, в отряде.

Привлекайте к участию в операции «Подснежник» других ребят. Организуйте **весенние дозоры.** Дозорные могут придумать себе позывные, самодельные значки-эмблемы.

3. Рисуйте плакаты, лозунги в защиту подснежников, карикатуры на губителей весенних цветов.

Совет объявляет конкурс на лучший плакат.

Вывешивайте свои плакаты в школах, во дворах, на пригородных станциях электропоездов и автобусов, на рынках и вокзалах, где продаются цветы.

Обращайтесь за помощью к взрослым, добивайтесь вместе с ними запрещения продажи весенних цветов, как это сделано в некоторых областях.

Совет просит вожатых, учителей, работников домов и дворцов пионеров, станций юных натуралистов, членов общества охраны природы, членов студенческих дружин по охране природы — всех взрослых, кто хочет сохранить наши чудесные весенние цветы, помочь ребятам в проведении операции «Подснежник» и в организации заключительного праздника — весеннего карнавала.

Покажи взрослым этот номер журнала и передай нашу просьбу.

Весна на юге нашей страны уже началась. **Ребята Казахстана, республик Средней Азии, Кавказа, Крыма!** Ждем от вас первых весенних сводок!

Ребята Украины! Следующая очередь за вами!

Ребята центральных и северных областей! Готовьтесь к операции «Подснежник» заранее!

Защищая подснежники, мы защищаем красоту природы нашей родной страны!

Совет Всесоюзной Красной тетрадки

Шафран
Дикий тюльпан
Дикая примула



Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

— Динь-дон-динь! — Тонкий звон колокольчика прорезал тишину синего февральского вечера. — Ди-и-инь...

Марина прислушалась. Неужели? Или ей показалось?

Они сидели втроем: Лёка, Алеша и Марина — у окна и смотрели, как опускается вечер: зажигаются в окнах огни, плавно падает снег, сначала он белый на белом небе, потом голубой, а потом желтый в свете оконных огней... Был тот час, когда в прежние времена обычно прилетала Калинка.

Как было прекрасно! Звенел колокольчик, распахивалась форточка, ветер врывался в комнату, и появлялась Калинка — маленькая, быстрая, веселая, всегда готовая помочь и всегда неравнодушная к твоим радостям и печалям... Так и повелось, что в круговерти уроков, домашних забот Марина, Лёка и Алеша вырывали несколько минут и просто смотрели в окно, вспоминали.

— Динь-дон-ди-и-инь! — настойчиво звенел колокольчик. Форточка распахнулась, ветер и снег ворвались в комнату.

— А вот и я! — сказала Калинка, стряхивая снег с шапочки-невидимочки.— Здравствуйте, мои дорогие!

...Целых двадцать семь минут ахали и восклицали, пока наконец обо всех событиях последних месяцев было рассказано. Марина между охами вскипятила самовар и собрала праздничный чай.

— Ну, расскажи, расскажи, Калинка! —требовала Лёка. —Чему ты научилась в своей выс-шей Ака-демии?

Калинка улыбнулась, допила чай из маленькой чашки с голубым узором из незабудок, положила в чашку ложку... и чашка оказалась снова полна хорошо заваренным, душистым, ужасно горячим чаем — пар так и клубился... Потом Калинка легонько скользнула взглядом по краю чашки, и... на середине стола, прямо на клетчатой глаженной-переглаженной нарядной скатерти вырос куст незабудок, нежных, в утренней росе. А рисунок с чашки исчез, словно его там и не было.

— И при этом даже не хлопаешь в ладоши! Вот это да! — удивился Алеша.— А еще?

— А еще...— Черные Калинкины глаза-бусинки внимательно изучали появившийся букет — голубые лепестки, желтые серединки, зеленые листья... Вдруг одна веточка обломилась и, перевернувшись в воздухе, опустилась на воротник Лёкиного домашнего платья, и застыла там, словно пришпиленная булавкой. Лёка подняла руку, чтобы потрогать веточку,— совсем настоящая, только что с берега речки!—как вдруг цветки затвердели, заискрились. Оказалось, они из бисера и стекляруса. Ветка голубых незабудок с желтыми стеклярусными серединками и синими бисерными листочками... «Ну и что же, что синие, а не зеленые! Это ведь украшение,— подумала Лёка.— Хорошо бы Калинка оставила эту веточку мне».

И Лёка тихо, тихо сказала:

— Калинка, оставь, прошу тебя!

Калинка прижмурила глаза, словно говоря: «Слышу, так и быть, оставлю»,— а сама уже изучала бабочку, летящую на картине-репродукции, которую Лёка недавно повесила в кухне. Очень красивая картина голландского мастера XVII века — цветы такие удивительные, фрукты, лимон разрезанный, и бабочка летает, золотистая и оранжевая.

И вдруг бабочка зашевелила крылышками, как бы с трудом освобождая их, и взлетела. Она летела легко и плавно, медленно взмахивая крылышками. Покружилась над коробкой с конфетами, над вазочкой с черносмородиновым вареньем, перелетела на тарелку с пирогом и опустилась на Маринину руку. Разглядывая шелковистый бархат ее крылышек, сложный их узор, тонкие, чуткие усики, Марина попросила:

— Не вышивай ее бисером, Калинка... Она такая живая, ей так нравится летать...

Калинка опять зажмурила глаза, но по-другому, словно говоря: «Конечно, не буду. Она очень редкая. Из XVII века!»

Бабочка взлетела, покружилась над столом, посидела на незабудках, вздохнула («Бабочки ведь не вздыхают»,—удивилась Лёка) и снова очутилась на картине рядом с прозрачной лимонной долькой.

— О-о-о!!! — воскликнули сразу три голоса.

Калинка прикрыла глаза ладошкой и сказала:

— Больше не буду. Устала. Я еще только учусь, поэтому очень трудно...

— Калинка! А руками можно сделать незабудковую веточку? — забеспокоилась Лёка. — Не может быть, чтобы нельзя!

— Не может быть, чтобы нельзя! — повторила Калинка уже не

В о л ш е б н и к о в

усталым, а своим обычным, немножко насмешливым, но очень добрым и веселым голосом.— Просто получается грубее. Хочешь научиться?

— Неужели кто-нибудь может не захотеть? — Лёка даже вскочила с табуретки.— Неужели можно научиться?

— Ужели, ужели! — засмеялась Калинка. — Я-то думала, учить вас больше нечему... Мы сейчас с вами с большим удовольствием поработаем. Несите скорее все необходимое, будем мастерить подарки к празднику 8-е Марта.

— Вот такие незабудки? — спросила Лёка.

— Нет, не только. Можно сделать букетик цветов к платью — пять ромашек с листком, или три крупных фиалки, или одну орхидею. Можешь придумать сказочный цветок.

— Какой? — спросила Марина.

— Сказочный! Какой подскажет тебе твоя фантазия. Цветы сделаем из лоскутов шелка, бархата, шерсти или из батиста и полотна. Лоскуты для цветов выбирайте только гладкокрашенные, а белый батист и полотно можно окрасить или слегка подкрасить анилиновыми красками.

— А из бисера? — спросила Марина.

— Можно из бисера, из пуговиц, стекляруса... У тебя, Марина, трудолюбивые руки, ты терпелива и вдумчива. Дай волю своей фантазии, только так и получаются прекрасные вещи.

Можно бисерные цветы соединить с листьями из бархата. Все можно!

Важно только, чтобы руки успевали за фантазией; если руки отстают, появляется нетерпение, и все идет вкривь и вкось. И еще важно трезво оценивать рождающуюся вещь — приятна ли она тебе и будет ли приятна тому, кому подаришь. Вот и все. Лучше сделать маленький букет из трех цветков, но хорошо, тонко, ювелирно, чем огромный букетище кое-как.

А теперь несколько деловых советов.

Для того, чтобы сделать цветы, нужны:

1. Подушечка резиновая, жесткая, из резины толщиной полтора-два сантиметра, размером 10 $\times$ 15 сантиметров, обшитая плотной тканью.
2. Прямое шило.
3. Два тупых столовых ножа (поуже и пошире) — для гофрирования лепестков цветка. Вместо ножей можно пользоваться затупевшей пилкой или ненужной лопаткой из маникюрного набора (если разрешит мама).

Это все как бы орудия производства.

Сырье для цветов такое:

1. Обрезки ткани, жестко или мягко накрахмаленные, смотря какие хочешь получить цветы и листья. Крахмал — полчайной ложки, или чайная ложка, или две чайных ложки на стакан кипятка. Лучше всего сначала лоскуты накрахмалить в крахмале разной концентрации, подсушить, разгладить утюгом и попробовать поработать с ними.
2. Проволока мягкая для стеблей. Из электропровода и звонкового провода (спросить у папы или старшего брата, какие обрезки можно взять).
3. Вата для сердцевины. Самого маленького пакета, какой продают в аптеке, хватит на три корзины цветов.
4. Манная крупа, окрашенная желтой, красной, голубой, черной гуашью. Или совсем неокрашенная. Окрасьте в эти цвета по одной чайной ложке крупы, и тоже хватит на три корзины цветов. Для окраски манную крупу насыпают на плотный лист бумаги, добавляют каплю гуаши или темперы и растирают другим листом бумаги. Окрашенную крупу рассыпьте тонким слоем, чтобы подсохла.

5. Тонкие шелковые нитки и мулине для обвивки стеблей. Вот и все необходимое. Да еще клей, синтетический и казеиновый.

А теперь расскажу, как сделать ромашку. Так можно сделать любой цветок. Но прежде чем браться за инструменты, рассмотрите внимательно цветок, который хотите сделать, или придумайте свой. Продумайте, нарисуйте его карандашом и, разделив на детали, создайте как бы чертеж.

Ромашка состоит из трех деталей — двух желтых кругов венчика и одного меньшего — чашечки. Вырежем круги из бумаги и по ним вырежем круги из ткани.

Края лепестков закругляем и на каждом из них делаем небольшой вырез.

Круг венчика складываем вчетверо, надрезаем посредине и каждую половину надрезаем еще посредине. Получаем венчик из шестнадцати лепестков.

Центр венчика прокалываем шилом. Затем лепестки, каждый в отдельности, гофрируем на резиновой подушке ножом от края к середине венчика.

Стебель скручиваем из проволоки, сложенной вдвое. Сердцевину делаем из ваты, подстригаем ее ножницами, слегка обмазываем клеем и обмакиваем в окрашенную манную крупу.

Меньший круг для чашечки складываем вчетверо и надрезаем мелкими зубчиками, середину прокалываем шилом и ручкой ножа вдавливаем на подушке, чтобы получилось углубление. Так же надо вдавить середины венчиков.

Теперь собираем ромашку. Сердцевину на стебле смазываем снизу клеем и надеваем снизу все три круга, поочередно смазывая их клеем. Проволоку смазываем клеем и обвиваем зелеными нитками или косой полоской батиста (тоже накрахмаленной, чтобы не осыпались края).

Букет из бисера и стекляруса можно сделать только при большом трудолюбии и терпении. Для его изготовления нужны тонкая мягкая проволока, бисер и стеклярус.

Отличный подарок — закладка для книг. Вышивка бисером, шерстью по гладкой ткани крестом. Рисунок лучше взять несложный, главное, найти сочетание цветов. Синий с желтым, например. Белый с красным. Темно-красный со светло-красным и небольшим вкраплением синего.

Очень красив и вышитый пояс. Любое просто сшитое платье из гладкой ткани, украшенное таким поясом, станет очень нарядным, подходящим для любого праздничного вечера, для выпускного бала...





Накануне турнира в Тбилиси

Пешкин поздравляет своих друзей с победой в зональных соревнованиях на приз «Комсомольской правды»: команды московского, ленинградского, киевского, свердловского, кемеровского и тбилисского Дворцов пионеров. Он обязательно поедет в Тбилиси, чтобы посмотреть, как эти команды выступят в финале, который состоится с 23 марта по 3 апреля.

НИНО, НАНА, МАЙЯ — МОЛОДЦЫ

Все любители шахмат следили за соревнованиями лучших шахматисток нашей страны. Отлично играли в этом турнире тбилисские школьницы Майя Чибурданидзе, Нино Гуриели и Нана Иоселиани.

(Диаграмма № 1)

После упорной борьбы к такому положению пришла партия, в которой белыми играла кандидат в мастера Нино Гуриели (после соревнования она стала мастером), а черными — чемпионка мира Нона Гаприндашвили.

Позиция черного короля вызывает тревогу, фигуры белых ведут атаку на его резиденцию. События развивались так:

30. f5: g6 h7: g6 31. Фf4-g5 Крg7-h7 (грозило 32. Кf5+) 32. Лf2-f4 f7-f6 33. Лf4-h4+ Крh7-g7 34. Кd4-e6+ Крg7-f7 35. Кe6: d8+ Лc8: d8 36. Лh4-h7+ Крf7-f8.

У белых подавляющее преимущество, им следовало отступить ферзем. Но обе шахматистки находились в сильном цейтноте и допустили две ошибки подряд.

37. Кd5 : f6?

Заманчиво, но не пра-

вильно. Как, по-вашему, должны были играть черные? В партии последовало:
37... Kg8: f6? и после 38. Фg5-h6 + черные сдались.

(Диаграмма № 2)

Белыми в этом положении играла Нана Иоселиани, черными — претендентка на «шахматную корону» Нана Александрия.

Далее было: 20. c3-c4 (другой очень сильный ход здесь 20. e5) 20... f5 : e4 21. Cg2 : e4 Лe8 : e4 (черные стремятся запутать игру. На 21... g6 возможно было и простое 22. C : b7, и более острое 22. C : g6) 22. Фd3 : e4 Kb6 : c4 23. Ca3-e7 Фd8-c8 24. Kf4-h5 Cd7-f5 (или 24... Kg8 25. Лf8) 25. Фe4-d5 Kc4-d6 26. Фd5-e5 Фc8-g8 27. Kh5 : g7! Черные сдались.

Взгляните снова на диаграмму. Что определило перевес белых? Несомненно то, что они завладели центром. А фигуры и пешки в центре обычно развивают большую активность.

КОНКУРС ПЕШКИНА

(Диаграмма № 3)

В этой задаче немного действующих лиц, но решение ее красиво и поучительно. Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в два хода.

(Диаграмма № 4)

Очень нравится Пешкину этот этюд.

И нетрудно понять, почему. Главный герой здесь пешка a6. Найдите, как белые при своем ходе добиваются победы.

Пешкин ждет ваших решений, дорогие друзья!

ПЕШКИН ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО

Письмо от Андрюши Пермякова, пятиклассника 23-й школы города Балашиха, Московской области. У него третий разряд по шахматам.

«Я люблю играть по переписке. Тут можно спокойно обдумывать ход, проанализировать позицию. На обычных соревнованиях я иногда теряюсь.

Помню, в третьем классе я с командой нашей школы поехал на областные соревнования «Белой ладьи». Сел играть и растерялся, стал «зевать» фигуры. Проиграл одну партию, вторую. За третью сел, уже не о выигрыше думал, а о том, как бы не заплакать. Обидно: свою команду подвожу, а взять себя в руки и сосредоточиться никак не могу. Потом, после небольшого перерыва я успокоился. Стал внимательнее играть и выиграл.

Теперь я так не теряюсь, но все равно у меня порой бывают срывы. Шахматист должен быть выносливым, сильным. Я занимаюсь плаванием, лыжами, катаюсь на велосипеде, вот только зарядку утром не всегда делаю. А надо.

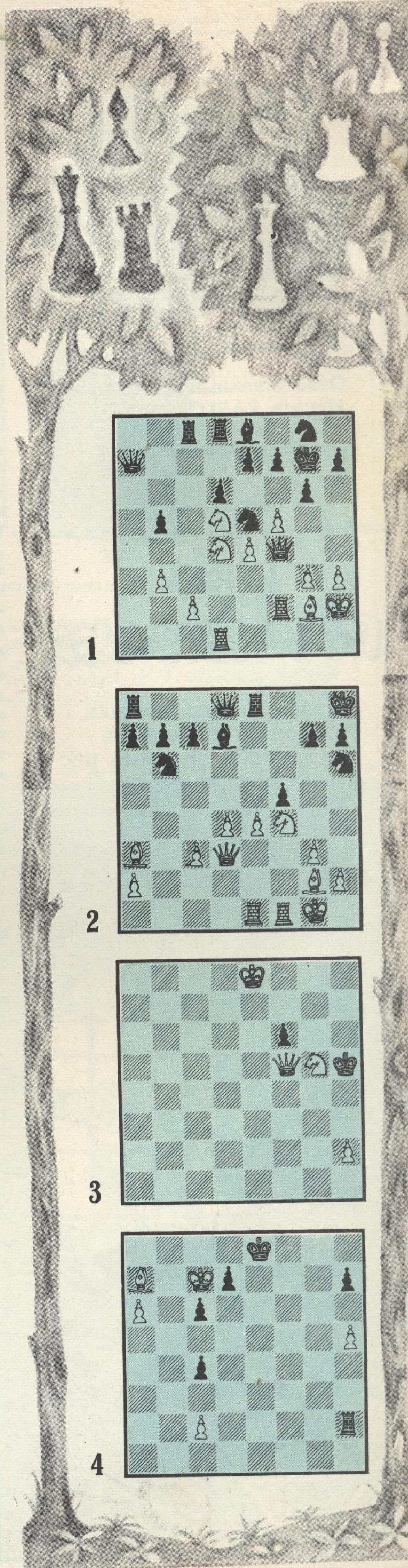
И еще теорией шахмат надо больше заниматься.

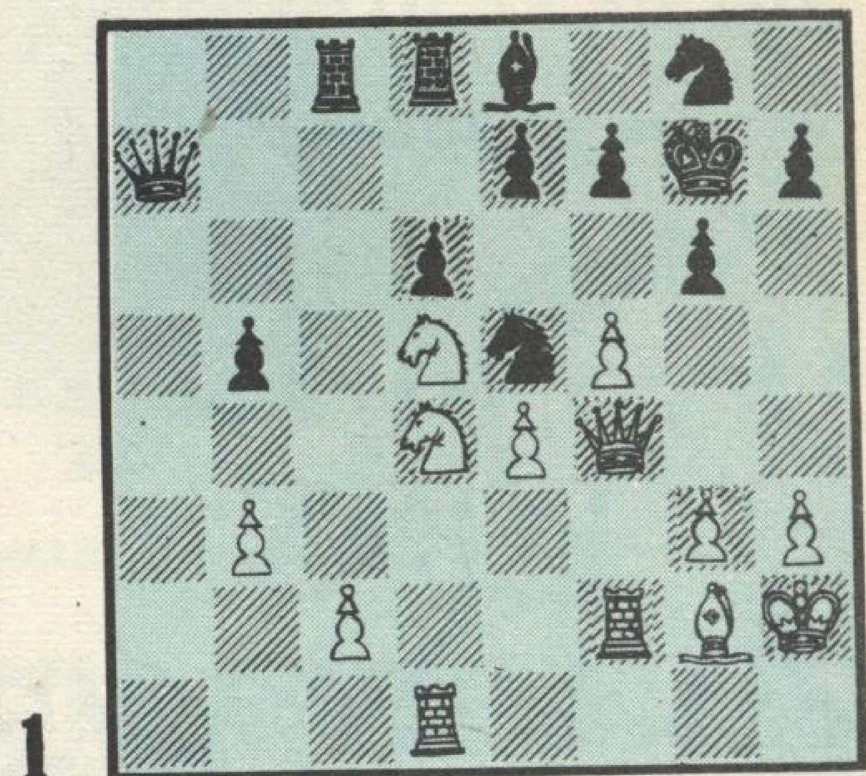
Друзья иногда спрашивают, не мешают ли мне шахматы учиться. Не мешают, даже помогают. Я теперь стал более усидчивым, более настойчивым. Не раскисаю, как раньше, после каждой неудачи. Очень хочется, чтобы как можно больше ребят полюбили шахматы».

Дорогой Андрюша! Пешкин надеется, что ты сможешь заинтересовать своих товарищей шахматами, расскажешь им о красоте шахматных комбинаций, привлечешь к участию в турнирах «Белая ладья».

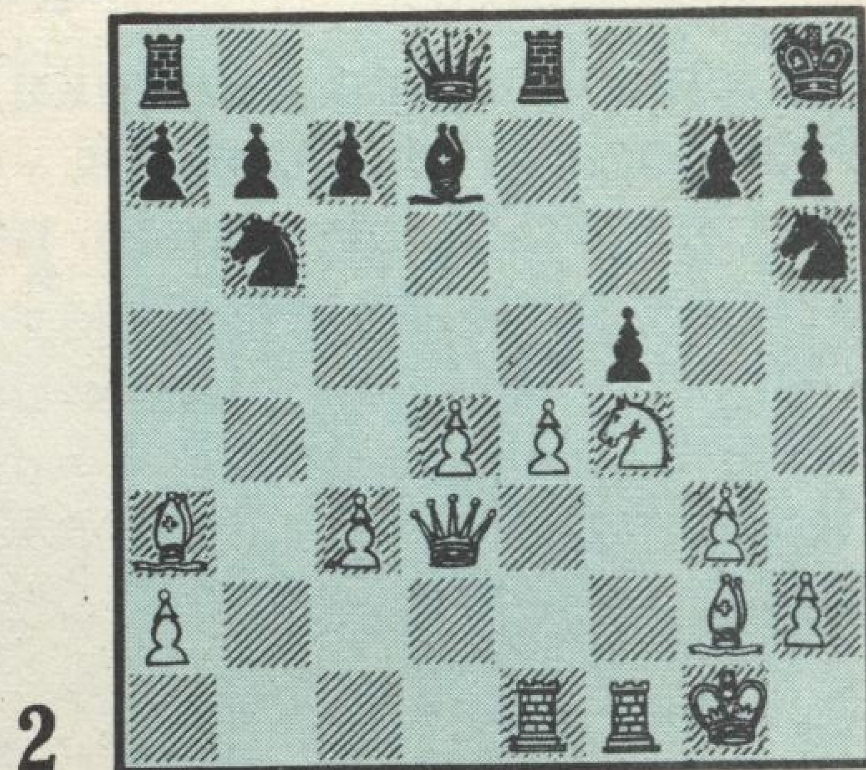
ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ.

№ 1. Мат в два хода. К цели ведет маневр ферзя — 1. Фc7. Мат в четыре хода — 1. Лc1! Cc7 2. Лg1 Cg3 3. Лg2 и т. д. Ложный след 1. Лg1? опровергается так: 1... Cg7 2. Лc1 Cc3 3. Лc2 Ca5, и мат не получится.

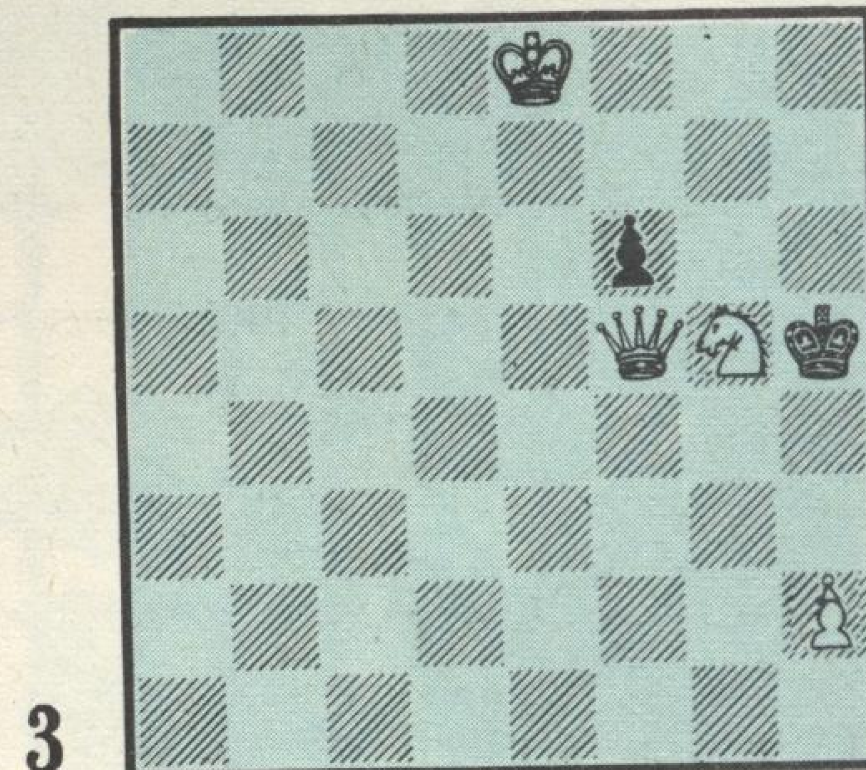




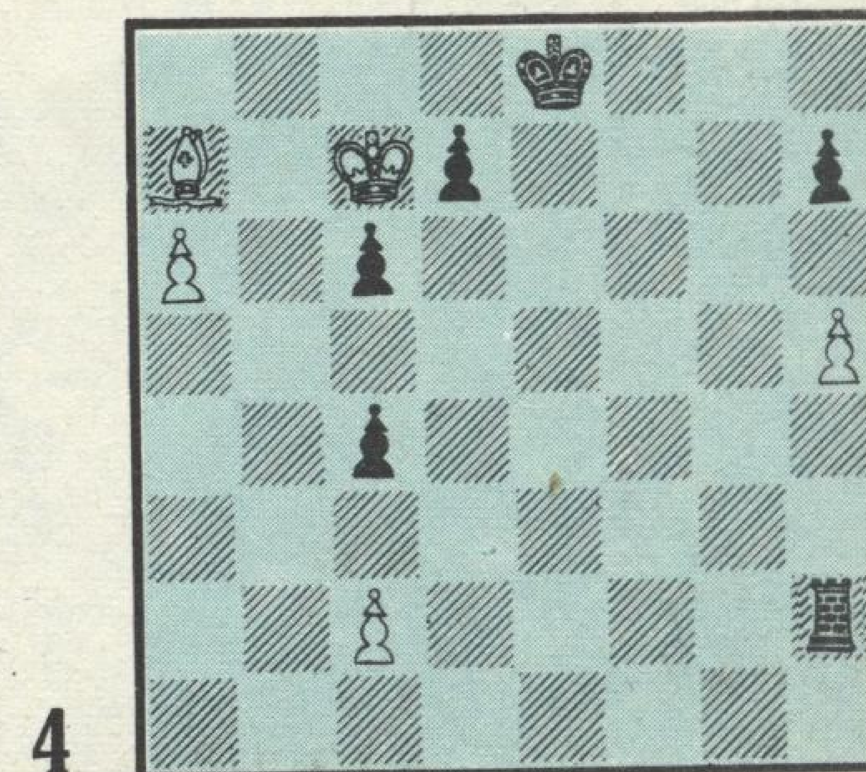
1



2



3



4



Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ПРО РУКАВИЧКИ.

На снегу вчера синички
Разбросали рукавички.
И лохматый шустрый пес
В конуру одну унес.
Он, конечно, это сделал
Просто так, а не со зла.
Вы найдете — я надеюсь —
Ту, что парной с ней была.





Что собирает какаду?

У совы спросили звери:
— Что, скажи, в твоем классере?
— Я, — ответила сова, —
Собираю острова!
И у льва спросили звери:
— Что, скажи, в твоем классере?
— Я, — ответил гордо лев, —
Собираю королев!
Воробья спросили звери:
— Что, скажи, в твоем классере?
— Я, — ответил воробей,—
Собираю вратарей!
Какаду спросили звери:
— Что, скажи, в твоем классере?
— Я, — ответил какаду, —
. . . .

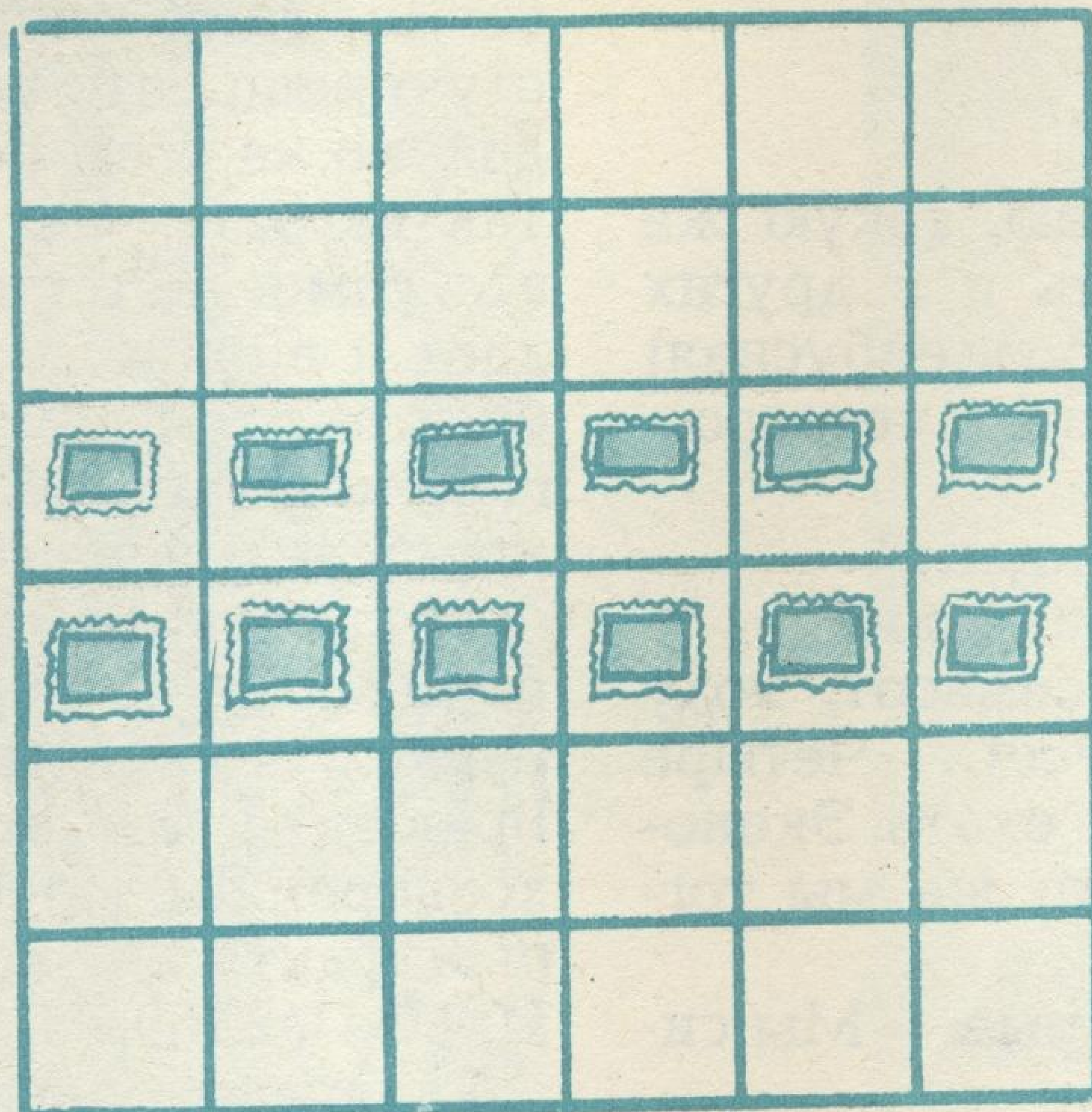
Ответ какаду составьте из букв, которые вы видите на марке

аaooийую
бднрстч



Так не годится!

















Из нашей коллекции мы отобрали двенадцать самых редких марок и наклеили их на лист.

Живживке не понравилось, как мы наклеили марки.

— Надо распределить их так, — сказал он, — чтобы в каждом горизонтальном и вертикальном ряду и на каждой диагонали было бы по две марки. Тогда получится замечательно, особенно если расположить марки со вкусом.

Не поможете ли вы нам это сделать?

Когда состоится встреча?





Днем 5 февраля разведчик Резинок подкрался к палатке, где скрывались двое разведчиков Карандашей, и подслушал их разговор.

— Ты пришел вовремя: сейчас ровно двенадцать, правда, мои часы за сутки отстают на одну минуту.

— На моих тоже ровно двенадцать, но они спешат на одну минуту в сутки. Говори тише, я сейчас скажу тебе очень важную вещь...

Из дальнейшего разговора разведчик Резинок расслышал только последние слова:

— Когда же мы встретимся снова?

— Когда наши часы будут показывать одно и то же время.

Резинки никак не могут рассчитать, скоро ли состоится эта встреча. Не поможете ли вы мне точно установить, какого числа встретятся разведчики? Жду ваших писем.

Капитан Перо.

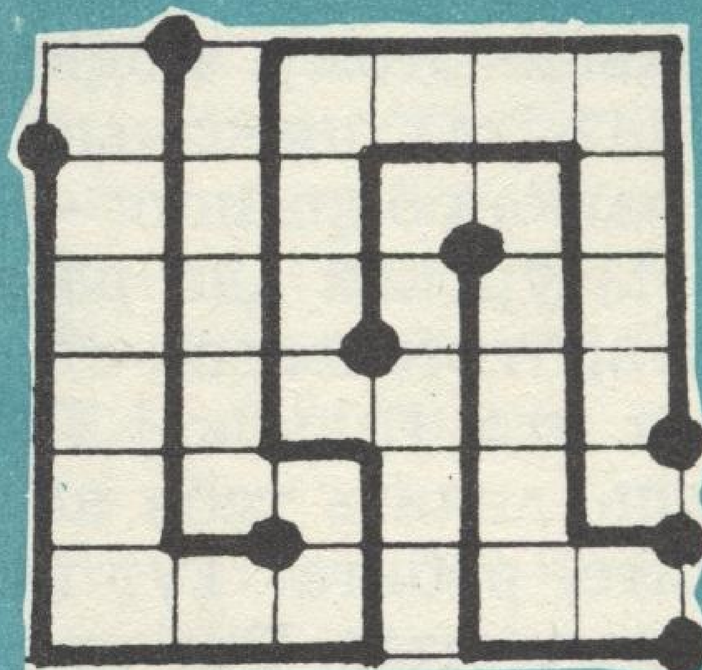
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1

Игры Деда Буквоеда

Двенадцать ос

Осина, осока, сосна, мостовая, космонавт, сосулька, простокваша, сосиска, киноактриса, хворостинка, соска, подсказка.

Шайба!



Игры Лупы и Пинцета

Что собирает Ниф?

Ниф собирает марки на тему «спорт».

Колючий секрет



П. Г. БОЛОТНИКОВ, заслуженный мастер спорта, чемпион XVII Олимпийских игр. Наш корреспондент встретился с Петром Григорьевичем и попросил его поговорить с ребятами на одну очень важную, на наш взгляд, тему.

Я живу в Москве. Но, думаю, такую же картину можно наблюдать и в других городах. Трамвайная (троллейбусная) остановка. Из пяти ожидающих четверо... школьники!

— Далеко ль вам ехать, граждане?

— Далеко, дяденька. Две остановки!

Значит, метров семьсот—восемьсот, ходу десять минут. А на троллейбусе?.. Четыре минуты ждать, четыре минуты ехать. Экономия во времени ничтожная. Что же мы тогда экономим?

— Как что? — ответят некоторые.— Мы силу экономим!

Но, оказывается, не надо ее экономить. Это даже вредно. Мы теперь и так слишком много «отдыхаем». Наши мышцы испытывают все более сильный год от года двигательный голод. Мы устаем теперь оттого, что много сидим: шесть часов — школа, два-три часа — приготовление уроков, телевизор, кружки или еще что-то. А лечимся от всего этого... диваном, лежанием!.. И начинают происходить довольно печальные вещи — мы толстеем! В школе всякие несознательные глупцы начинают звать нас «жиртресами» или чем-нибудь в этом роде.

Что мы? Расстраиваемся! Решаем бороться! Как? Может, обращаемся за помощью к физкультуре?

Ничуть не бывало! Никакой физкультуры! Это ж надо силы тратить... Трудно, лень.

И вот вместо спасительного движения мы опять «садимся». Теперь на диету!.. Естественно, больше этому подвержены девочки. Мне рассказывал знакомый врач: «Приходит на прием эдакая барышня — бледная, рыхлая, квелая... На уроках два раза в обморок упала, сон отвратительный. Я посмотрел ей в глаза: «Вот что, голубка! Пока голодовку не прекратишь, лечить тебя не стану!»

Запомните, ребята! Тут нельзя заниматься самодеятельностью. Это просто опасно!

И бросьте вы «экономить» силы. На самом деле никакая это не экономия, а лень. И экономите вы не силу свою, а слабость!

«Подарил — богаче стал, что сберег, то потерял». Эти строчки Шота Руставели применимы не только к понятиям «доброта—жадность», но и к нашему здоровью. Сила, растраченная в здоровой физической работе, оборачивается новой силой и новым здоровьем. Сила, «сбереженная» ленью и неподвижностью, хиреет, оборачивается бессилием...

Впрочем, не будем пугать друг друга болезнями. Давайте-ка лучше хоть раз почувствуем, что это за огромное удовольствие — мышечная радость... А что нам дает мышечную радость прежде всего? Свободное, ритмичное движение.

Мы часто говорим: занимайтесь спортом, занимайтесь спортом. Но забываем ту простую вещь, что серьезный спорт может быть далеко не всем по душе да и далеко не всем, так сказать, «по зубам»... Но вот ходьба — это самое естественное в мире движение — дает и вполне приличную нагрузку и не требует от тебя ни спецформы, ни спецвремени. Наконец, ходьба — это в самом деле очень хорошее, очень веселое дело.

А как думается на ходу! Валерий Брюсов от дома до журнала «Весы», который он выпускал, ходил пешком. Войдя в редакцию, Брюсов почти всегда записывал новое стихотворение... сочиненное в дороге. Интересный факт!.. А как любили ходить пешком И. П. Павлов, И. М. Сеченов...

Владимир Ильич Ленин лучшим отдыхом для себя считал пешие прогулки.

Хорошо думается на ходу. И хорошо говорится. И много видится. Из окна автобуса не увидишь неба, ни деревьев, ни того, как птицы галдят в весенних ветках. Мелькнуло что-то размазанным жирным пятном, и нету. А когда ты шагаешь, ты живешь в пол-



Дорогу



идущий



осилит

ном смысле этого слова... И как дышится глубоко, какая радостная теплота разливается по всему телу!

Я-то знаю это необыкновенное ощущение и очень люблю его. Я как раз один из тех, кто всю жизнь на ногах... В беседах с ребятами обычно я привожу такой шутливый пример. Автопокрышки Днепропетровского и Бакинского заводов изнашиваются после 30 тысяч километров пробега. Мои ноги за время тренировок, соревнований, прогулок находили, набегали 69 тысяч километров! И вовсе не «износились», а стали только сильнее и крепче.

Сейчас мне около пятидесяти лет. Но я спокойно могу совершить однодневный пеший поход километров на тридцать...

Теперь последнее. Все-таки о настоящем спорте!.. Ходьба, пробежки — отличный способ для закаливания, для воспитания выносливости. И не думайте, пожалуйста, что, мол, ах, пока я тут бессмысленно хожу и бегаю, другие в секциях получают разряды.

Была бы настоящая спортивная закалка, а разряды придут.

Некоторые ребята чуть ли не плачут: «Мне уже четырнадцать, куда уж теперь! Состарился для спорта!» Ерунда это!

Детство мое выпало на военные годы. Но я не был лентяем, не думал о троллейбусах (их просто и не было в нашей деревне), много работал, помогая старшим. И, несмотря на голод, был все-таки вынослив и силен.

Легкой атлетикой впервые занялся в армии, когда мне стукнул 21 год. Норму мастера выполнил в 26, чемпионом Олимпийских игр стал в 30, рекордсменом мира — в 32. Победил нового чемпиона уже следующих Олимпийских игр в 35 лет.

Ну вот. А теперь долой автобусы, трамвай, попутки! Дорогу осилит идущий!

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **А. М. ГРИШИНА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-37, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30/XI 1976 г. А 05236.
Подписано к печати 31/XII 1976 г. Формат 84×60¹/₈.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 279. Заказ № 3143.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



1919 год, Харьков. Прямо с военного парада уходили красноармейцы на Южный фронт, воевать с Деникиным.



«Смело мы в бой пойдем ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!»

Ты слышал не раз эту песню наших отцов и дедов. Она, как клятва, звучала на фронтах гражданской войны, когда молодая Красная Армия защищала победу Октябрьской революции. А знаешь ли ты, как выглядели те, кто ее пел? Какая форма была у первых красноармейцев? Сейчас, в год юбилея Октября, нам особенно дорого и интересно все, что рассказывает о том суровом и прекрасном времени.

Ольга Николаевна Московая, научный сотруд-

ник Центрального Музея Вооруженных Сил СССР, расскажет вам сегодня о красноармейской форме первых лет революции.

Красная звезда — эмблема Красной Армии

...Тяжелое это было время — зима 1918 года. Над нашей страной нависла смертельная опасность: немецкие войска начали наступление и быстро двигались к Петрограду. Готовились напасть на молодую Страну Советов и другие капиталистические армии. Собирали свои силы белогвардейцы.

А Красной Армии не было тогда еще и месяца: 15 января 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о ее создании.

Армию надо было вооружить и одеть, но в стране была разруха, и единую форму одежды невозможно было ввести — не было для этого ни средств, ни времени. Красноармейцы — рабочие и крестьяне, вооруженные винтовками, были одеты по-разному: кто в шинели, кто в кожанке, на ногах у кого сапоги, у кого ботинки с обмотками, а у кого и лапти, как вот у этих, которых вы видите на фотографии.

У красноармейцев и у красных командиров был один отличительный знак — красная звезда. Она остается эмблемой нашей армии и по сегодняшний день.

В центре звезды сначала были изображены молот и плуг — символы союза рабочих и крестьян. Позднее, в 1922 году, плуг был заменен серпом.

И все же уже в 1918—1922 годах Реввоенсовет Республики утвердил первые образцы обмундирования Красной Армии. Длинная шинель и островерхая буденовка — так одевались в те годы красноармейцы и командиры, их одежда ничем не отличалась, но у командиров на левом рукаве шинели и форменной рубахи были нашивки: у пехотинцев — малинового цвета, у кавалеристов — синие, у артиллеристов — оранжевые (впоследствии черные). У инженерных войск — тоже черные, в воздухоплавательных войсках — голубые, у пограничной охраны — зеленые.

Буденовка — шлем защитного цвета. Отвороты шлема опускались и застегивались у подбородка, надежно защищая от ветра и холода. Впервые такие шлемы появились в дивизии Семена Михайловича Буденного, поэтому и назвали их буденовками.

Удобная, теплая буденовка просуществовала до 1940 года, когда на смену ей пришли шапки-ушанки.

Красноармейская шинель была длинная, защитного цвета. У всех одинаковая, только у кавалеристов с разрезом сзади. Нашивки на воротнике и клапаны на груди. Цвет их менялся в зависимости от рода войск. На левом рукаве — знак рода войск, а ниже, над обшлагом,— нарукавный знак должностного различия.

Петлицы были и на стоячем воротнике форменной рубахи, на груди клапаны из сукна разного цвета в различных родах войск. У командиров на левом рукаве нашивались знаки различия. У красноармейцев на воротнике рубахи и шинели черной краской писался номер полка.

Перед вами фотография прославленного героя гражданской войны Григория Ивановича Котовского. Видите, на левом рукаве шинели у Котовского два знака различия: кавалерийский и командирский. В это время он командовал II кавалерийским корпусом. На шинели у него два ордена Красного Знамени. В то время в строю и на параде ордена и нагрудные знаки обязательно носили на шинели.

Продолжение на обороте



Нагрудный командирский знак. Этот знак принадлежал командиру Красной Армии Н. Щорсу.



Венгерский писатель-коммунист Матэ Залка тоже сражался за Советскую власть на фронтах гражданской войны. Был награжден Золотым оружием и орденом Красного Знамени. На этом снимке он в форменном шлеме-буденовке с эмблемой Красной Армии.



Легендарный полководец гражданской войны Г. И. Котовский. За мужество и храбрость он был награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным Революционным оружием. На левом рукаве шинели нарукавный командирский знак различия.

*Длинная шинель или кожаная тужурка,
островерхая буденовка
или фуражка с красной звездой —
так одевались те,
кто в трудные годы гражданской войны
отстоял победу Октября.*

Цена 25 коп.
Индекс 70694



А вообще за мужество и храбрость, проявленные в боях с врагами социалистического Отечества, Котовский был награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным Революционным оружием.

Воинские части, особо отличившиеся в боях, получали звание образцовых и носили особый знак. Это были первые предшественники нашей славной гвардии.

Со временем единая форма в Красной Армии менялась, становилась удобнее, упрощались знаки различия, были отменены нашивки и клапаны. Но в самом главном красноармейская форма до 1935 года оставалась той же, что и в гражданскую войну. Тогда были введены новая форма, новые знаки различия, новые воинские звания.

Рисунок Ю. РОДИНА